

Хантер Стоктон Томпсон

Страх и ненависть в Лас-Вегасе

Посвящается

Бобу Гейгеру, по причинам, которые здесь объяснить не стоит, и Бобу Дилану за песню Mister Tambourine Man.

«Тот, кто превращается в животное, избавляется от боли быть человеком».

Доктор Сэмюэл Джонсон

ЧАСТЬ 1

1.

Накрыло где-то около Барстоу, у края пустыни. Помню, как сказал что-то вроде: «У меня голова кружится, садись ты за руль». И вдруг со всех сторон послышался жуткий рев, небо заполнили какие-то огромные летучие мыши, с визгом пикировавшие и взмывавшие вокруг нашего кабриолета, который с опущенной крышей мчался в Лас-Вегас со скоростью сто шестьдесят километров в час. Раздался вопль: «О, господи! Что это за твари?!»

Потом всё стихло. Мой адвокат сидел без рубашки и поливал грудь пивом, чтобы ускорить процесс загара. «Чего разорался?», — пробурчал он, подставив солнцу лицо в облегающих темных испанских очках. «Проехали, — ответил я. — Твоя очередь вести». Я затормозил и направил Большую Красную Акулу на обочину шоссе. Незачем рассказывать ему про мышей, подумал я, сам скоро увидит.

Был почти полдень, а нам еще предстояло преодолеть больше сотни миль. Тяжелых миль. Очень скоро, я знал, нам обоим напрочь снесет крышу. Но возвращаться нельзя, а отдыхать некогда. Придется перетерпеть. Регистрация репортеров на феерическую мотогонку «Минт-400» уже началась, и чтобы получить свой звуконепроницаемый номер-люкс нужно добраться туда до четырех. О брони позаботился солидный спортивный журнал из Нью-Йорка, он же выдал денег, на которые мы только что взяли напрокат на Сансет-стрип этот огромный красный кабриолет «Шевроле». И, в конце концов, я — профессиональный журналист и должен подготовить репортаж, чего бы мне это не стоило.

Редакция также выдала мне 300 долларов наличными, и почти все они были уже израсходованы на чрезвычайно опасные вещества. Наш багажник напоминал мобильный склад конфиската наркополицей. У нас было два мешка травы, семьдесят пять катышков мескалина, пять листов промокашки с мощной кислотой, полсолонки кокаина и целый арсенал разноцветных таблеток: разогнаться, притормозить, повопить и посмеяться ... а еще кварта текилы, кварта рома, ящик «Бадвайзера», пинта чистого эфира и две дюжины капсул амилнитрита.

Все это мы достали накануне, носились как угорелые по всему округу Лос-Анджелес — от Топанги до Уотса, брали всё подряд. Не то, чтоб без всего этого нам в дороге было не обойтись? просто когда начинаешь основательно запасаться наркотиками, как правило, трудно остановиться.

Один только эфир вызывал у меня беспокойство. Нет на свете ничего беспомощнее, безответственнее и безнравственнее, чем человек в пучине эфирного делирия. А я знал, что скоро мы доберемся и до этой дряни. Пожалуй, на следующей заправке. Всё остальное мы уже опробовали, и сейчас самое время отведать эфиру. И проделать оставшиеся сто миль в безобразном судорожном оцепенении с текущими изо рта слюнями. Единственный способ сохранить бодрость под эфиром — занюхать побольше амилнитрита — но не весь сразу, а постепенно, так чтобы в Барстоу удержать внимание на дороге на скорости 140 км/ч.

«Да, вот это я понимаю поездка», — сказал мой адвокат. Он перегнулся через сиденье и сделал погромче радио, похмыкивая в такт ритм-секции и полуподпевая-полумыча: «Одна затяжка и вперед ...»

Одна затяжка, говоришь, дурила. Погоди, увидишь сейчас этих богомерзких мышей. Я едва слышал радио. Оно валялось в углу на заднем сиденье и пыталось оттуда перекричать магнитофон, откуда на всю катушку неслась *Sympathy for the Devil*. Это была наша единственная плёнка, и мы её крутили по кругу, как безумный контрапункт радио. А еще чтобы поддерживать ритм. Ровная скорость бережет топливо, а тогда это почему-то казалось важным. Да, в самом деле. В таких поездках нужно следить за расходом топлива. Избегать резких ускорений, от которых кровь приливает к затылку.

Мой адвокат заметил автостопщика гораздо раньше, чем я. «Подвезем паренька», — сказал он и, не успев я возразить, как он остановился, а эта несчастная деревенщина, разинув рот в улыбке, уже бежала к машине: «Ни фиги себе! Ни разу не катался в кабриолете!»

«Да? — сказал я. — Ну тогда, ты, наверно, готов?» Он радостно закивал, и мы рванули с места.

«Мы твои друзья, — сказал адвокат. — Мы не такие, как все».

Господи, да он рехнулся. «Хватит! — рявкнул я, — А то пивок напушу». Он усмехнулся, вроде понял. К счастью, в машине стоял такой страшный шум от ветра, радио и магнитофона, что на заднем

сиденье парнишка ничего не слышал. Или слышал?

Долго ли мы еще сумеем продержаться, подумал я. Пока один из нас не сорвется и не начнет грузить беднягу? Что он тогда подумает? Ведь эта безлюдная пустыня была последним известным пристанищем «семьи» Мэнсона. Вдруг эта мрачная подробность всплывет в его памяти, когда мой адвокат завершит, что машину атакуют летучие мыши и огромные скаты. Что ж, в таком случае нам придется отрубить ему голову и где-нибудь закопать. Отпускать ни в коем случае нельзя. Он сразу донесет на нас в местное отделение полиции, и эти захолустные фашисты затравят нас как диких зверей.

Господи! Это я сказал или только подумал? А вдруг сказал? Меня услышали? Я глянул на адвоката, но тот с отрешенным видом следил за дорогой, управляя нашей Большой Красной Акулой на скорости под 180. С заднего сиденья звуков не доносилось.

Может лучше поговорить с пареньком? Если я ему всё объясню, он не будет пугаться.

Ну да, конечно. Я обернулся и одарил его лучезарной улыбкой ... любясь формой его черепа. «Вот что, — сказал я, — надо тебе кое-что уяснить».

Он не мигая уставился на меня. И, кажется, заскрежетал зубами.

— Ты меня слышишь?!?! - заорал я.

Он кивнул.

— Хорошо, потому что я хочу, чтобы ты знал: мы направляемся в Лас-Вегас на поиски Американской мечты. — Я улыбнулся. — Поэтому мы взяли напрокат эту машину. По-другому никак. Усваиваешь?

Он снова кивнул, но в глазах его был испуг.

— Я хочу, чтобы ты знал всю предысторию. Потому, что это очень суровое задание, сопряженной с чрезвычайным риском для здоровья. Черт, совсем забыл про пиво! Не желаешь?

Он помотал головой.

— Может эфиру?

— Что?

— Не важно. Ближе к сути. Короче, сутки назад мы сидели в коктейль-баре «Поло» в отеле «Бeverли Хиллс» — на террасе, разумеется — и вот мы сидим под пальмой, и ко мне подбегает карлик-официант с розовым телефоном и говорит: «Сэр, должно быть, этого звонка вы ждали всё это время».

Я засмеялся, открыл банку с пивом, залил все заднее сиденье пеной, и продолжил.

— И знаешь, он угадал! Я и в самом деле ждал звонка, но не знал только от кого. Улавливаешь?

На лице у парня застыла маска растерянности и ужаса. Меня понесло дальше.

— Я хочу, чтобы ты понимал, человек за рулем — это мой адвокат! А не какой-то псих, я его не на улице подобрал. Да ты взгляни на него! Он не похож на нас с тобой, верно? Это потому, что он иностранец. Самоанец, кажется. Впрочем, какая разница? У тебя нет предрассудков?

— Нет, какой там!

— Я так и думал. Потому что, несмотря на свою национальность, этот человек представляет для меня огромную ценность.

Я метнул взгляд на адвоката, но он был не с нами.

Я врезал кулаком по водительскому сиденью. «Это важно, черт подери! Это всё правда!» Машину неприятно повело в сторону, но она быстро выровнялась. «Убери свои сраные лапы с моей шеи!» — заорал адвокат. Парень, похоже, готов был выпрыгнуть из машины и пуститься наутек. Между нами поползли неприятные вибрации — но почему? Я запутался и отчаялся. Неужели в этой машине общение стало невозможным? Неужели мы опустились до уровня бессловесных тварей?

Потому, что я рассказал правду. Самую что ни на есть. И я чувствовал, что надо непременно разъяснить ему цель нашего путешествия. Мы на самом деле не один час просидели в баре, попивая коктейли с мескалем и лакируя их пивом. Когда мне позвонили, я был готов.

Карлик с опаской приблизился к нашему столику и вручил мне розовый телефон. Я ничего не говорил, только слушал. Потом повесил трубку и обратился к адвокату.

— Это из редакции. Они хотят, чтобы я немедленно отправлялся в Лас-Вегас и связался с португальским фотографом по фамилии Ласерда. Все подробности у него. От меня требуется только заселиться в номер, он сам меня найдет.

Мой адвокат посидел молча, потом вдруг ожил. «Черт подери! — воскликнул он. — Я всё понял. Тут пахнет серьезными неприятностями!» Он заправил защитного цвета майку в белые шорты и

заказал еще выпить. «В этом деле тебе понадобится много советов юриста, — сказал он. — И вот мой первый совет: возьми напрокат скоростную тачку с откидным верхом и вали из Лос-Анджелеса хотя бы на пару суток.? Он с грустью покачал головой.? Выходные коту под хвост, ведь, мне, разумеется, придется ехать с тобой — и нам надо вооружиться».

— Почему бы и нет, — сказал я. — Если и браться за такое дело, то как положено. Нам понадобится приличная техника и куча наличности — хотя бы на наркотики и сверхчувствительный магнитофон, чтобы непрерывно записывать.

— О чём репортаж?

— «Минт-400», самая роскошная внедорожная гонка среди мотоциклов и багги в истории профессионального спорта. Фантастическое зрелище, организованное в честь какого-то толстосума по фамилии Дель Уэбб, владельца фешенебельного отеля в самом центре Лас-Вегаса ... Так, по крайней мере, написано в пресс-релизе. Мой человек из Нью-Йорка мне только что его зачитал.

— Как твой адвокат, советуя тебе купить мотоцикл. Иначе как ты сможешь правильно освещать гонку?

— Никак. Где можно достать «Винсент Блек Шэдоу»?

— Что это?

— Сказочный мотоцикл. У новой модели движок — две тысячи кубиков, двести лошадок на четырех тысячах оборотов, магниевая рама, два пенопластовых сиденья, полная масса — ровно двести фунтов.

— Для нашего дела в самый раз.

— И я о том же. На поворотах, правда, херня, зато по прямой рвёт в ключья. Обгонит Ф-111 на взлете.

— На взлете? Сами не улетим?

— Ни в коем разе. Позвоню в Нью-Йорк насчет денег.

2. Развод свиноматки в Беверли-Хиллс на 300 долларов

В нью-йоркской конторе о «Винсент Блек Шэдоу» ничего не знали: меня отфутболили в лос-анджелесскую, которая на самом деле находилась в Беверли Хиллс, в нескольких кварталах от бара «Поло» — но когда я туда добрался, тётка-бухгалтер отказалась выдать мне больше трехсот наличкой. Она сказала, что понятия не имеет, кто я такой, а я к тому времени уже истекал потом. Кровь у меня слишком густая для Калифорнии: в этом климате у меня никогда не получалось объясниться по-человечески ... Особенно, если пот льет градом ... глаза красные и выпученные, а руки дрожат.

Я взял 300 баксов и вышел. Адвокат ждал меня в баре за углом. «Маловато будет, — сказал он. — Нужен неограниченный кредит».

Я заверил его, что кредит будет. «Вы самоанцы все такие, — упрекнул я его. — Никакой веры в порядочность, на которой зиждется культура белого человека. Ведь еще час назад мы сидели в тухлом кабаке без цента в кармане и планов на выходные, и тут из Нью-Йорка звонит совершенно незнакомый человек и велит мне отправляться в Лас-Вегас — на расходы плевать — потом посылает меня в какую-то контору в Беверли-Хиллс, а там еще один совершенно незнакомый человек дает мне триста баксов просто так ... Вот это, друг мой, американская мечта в действии! Будет глупо затормозить в самом начале этого странного пути и так и не узнать, куда он нас заведет».

— Точно. Так нельзя.

— Верно. Но сначала машина. Потом кокаин. И еще магнитофон с особой музыкой и гавайские рубашки.

Я знал: единственный способ подготовиться к такой поездке — нарядиться как павлины и, попрощавшись с разумом, совершить бросок через пустыню и сделать репортаж. Главное — не упустить из виду основную задачу. А в чем она, собственно, состоит? Никто так и разъяснил. Значит, придумаем сами. Свобода предпринимательства. Американская мечта. Горацио Элджер, обторчавшийся в Лас-Вегасе до потери рассудка. Здесь и сейчас: чистая гонзо-журналистика.

Был еще социо-психический фактор. Всякий раз, когда жизнь усложняется и вокруг тебя начинают кружить хищные твари, единственное лекарство — заправиться губительными веществами и ломиться из Голливуда в Лас-Вегас. Обрести покой в утробе залитой солнцем пустыни. Откинуть и закрепить верх кабриолета, намазать лицо маслом для загара и выдвигаться в путь с музыкой на пол-

ную катушку и пинтой эфира — не меньше.

Достать наркотики не составило труда, но раздобыть машину и магнитофон в шесть тридцать вечера в пятницу в Голливуде оказалось непросто. У меня была своя машина, но для работы в пустыне она не годилась — слишком маленькая и медленная. Мы зашли в полинезийский бар, где адвокат совершил семнадцать звонков, прежде чем ему удалось найти кабриолет с достаточно мощным мотором и подходящего цвета. Я слушал разговор.

— Ждите. Мы приедем и всё оформим через полчаса.

Возникла пауза, потом он взревел: «Что?! Разумеется у этого джентельмена безлимитный кредит. Да ты, блядь, соображаешь вообще, с кем разговариваешь?»

— Не позволяй этим свиньям тебе хамить, — сказал я ему, когда он впечатал трубку в аппарат. — Теперь нам нужен магазин с лучшей аудио-техникой. Никакого хлама. Новый бельгийский «Гелиоватт»: выносной микрофон с голосовой активацией — ловить разговоры из встречных машин.

Еще несколько звонков — и мы нашли нужную технику в магазине в километрах восьми от нас. Он уже закрывался, но продавец обещал подождать, если поторопимся. Однако мы задержались в пути, из-за аварии на бульваре Сансет: «Шевроле Стингрей» перед нами сбил пешехода. Когда мы доехали, магазин уже закрылся. За стеклянной дверью были люди, но открывать они не хотели, пока мы несколькими сильными ударами по двери не объяснили, кто мы такие.

Наконец к двери подошли два продавца с разводными ключами, и через узкую прорезь нам удалось договориться о покупке. Потом они приоткрыли дверь, просунули магнитофон, захлопнули и заперли. «Забирайте и катитесь отсюда ко всем чертям!» — крикнул один сквозь прорезь.

Адвокат погрозил им кулаком и прокричал: «Мы еще вернемся! Я вам как-нибудь сюда бомбу захучу! У меня на чеке ваши фамилии! Найду, где живете, спалю дом!»

— Вот ему будет над чем задуматься, — пробурчал он, когда мы отъезжали, — Он все равно — психопат-параноик. Таких сразу видно.

Неувязки возникли и в автопрокате. Подписав все бумаги, я сел в машину на стоянке и, сдавая назад к заправке, чуть не потерял управление. Продавца аж затрясло.

— Это ... ребята, ну вы ... с машиной поосторожней, ладно?

— Конечно-конечно.

— Нет, ну вы даете! Вы сейчас перемахнули через полуметровый уступ и даже не притормозили! Семьдесят на задней передаче! Вы чуть в колонку не врезались!

— Всё обошлось. Я всегда так проверяю трансмиссию. Заднюю часть. На прочность.

Мой адвокат тем временем перетаскивал ром и лёд из нашего «Форда Пинто» на заднее сиденье кабриолета. Продавец нервно уставился на него.

— Ребята, вы что, пьете?

— Я нет, — сказал я.

— Давай заправляй, — рявкнул адвокат. — Мы чертовски торопимся. Мы едем в Лас-Вегас на гонку в пустыне.

— Что?

— Неважно, — сказал я. — Мы ответственные люди.

Я дождался, пока он закрутит колпачок на бензобаке, врубил первую передачу и выкатился на дорогу.

— Еще один беспокойный, — сказал адвокат. — Наверняка под быстрым.

— Ага, ты бы ему транков отсыпал.

— Такому козлу транки не помогут. Да и хрен с ним. У нас еще полно дел перед отъездом.

— Я бы не прочь достать мантии священников. В Лас-Вегасе могут пригодиться.

Но всё магазины одежды уже закрылись, а грабить церковь мы не отважились. «Вот еще, — сказал адвокат. — Ты кстати не забывай, что многие копы — злобные благочестивые католики. Прикинь, что эти ублюдки с нами сделают, если нас примут — бухих, гашёных, в паленых ризах? Господи, да они нас кастрируют!»

— Ты прав. И ради бога, перестань пыхать из трубки на светофорах. Не забывай, нас видно со всех сторон.

Он кивнул.

— Нужен большой кальян. Поставим на сиденье, чтобы незаметно было. Кто увидит, подумает,

кислородная подушка.

Остаток ночи мы провели в сборах. А потом закинулись мескалином и пошли купаться в океане. Ближе к рассвету позавтракали в кофейне в Малибу, потом очень осторожно пересекли город и, выехав на окутанную смогом автостраду Пасадена, устремились на восток.

3. Странное лекарство в пустыне ... Кризис доверия

Меня до сих пор смутно тревожат слова нашего попутчика о том, что он «ни разу не катался в кабриолете». Этот дурень живёт в мире, где по шоссе мимо него один за другим проносятся кабриолеты, а он никогда в жизни в них не катался. Я ощутил себя королем Фаруком. У меня возникло желание заставить адвоката зарулить в ближайший аэропорт и составить простой договор о передаче машины в пользование этому несчастному дурачку: «Распишись вот здесь и тачка твоя». Отдать ему ключи, по кредитке купить билеты на реактивный самолет — например в Майами, там взять напрокат еще один красный кабриолет и, заправившись наркотиками, гнать на полной скорости по воде до самого Ки-Уэста ... а там поменять машину на лодку. Главное не останавливаться.

Но эта маниакальная затея быстро выветрилась у меня из головы. Парнишку арестуют — а это ни к чему, кроме того, у меня на машину свои планы. Я предвкушал, как буду рассекать на ней по Лас-Вегасу. Можно устроить нешуточный дрег-рейсинг на центральной улице: встать у большого светофора напротив отеля «Фламинго» и заорать: «Ну что, цыплята дрисливые! Задроты! Когда загорится зеленый, я выжму газ и всех до одного вас трусливых ушлепков уделаю нахер!»

Точно. Бросить гадам вызов на их же территории. С визгом тормозов подкатить юзом к «зебре» — в руке бутылка рома — клаксоном глушить музыку ... изрыгая бессвязные вопли ... за маленькими стеклами гризерских очков в золотой оправе остекленелые глаза с огромными зрачками... по-настоящему опасный пьяница, от которого разит эфиром и веет неизлечимым психозом. Разогнать движок до жуткого дребезжащего визга ... дожждаться зеленого ...

Когда еще представится такая возможность? Выморозить гадов до самой селезенки. Старые слоны идут умирать в холмы; старые американцы выезжают на шоссе и мчатся на своих огромных машинах навстречу смерти.

Но у нашей поездки иная цель: классическое утверждение всего правильного, истинного и порядочного, что есть в национальном характере. Грубая физическая дань уважения фантастическим возможностям, что открывает эта страна — но только тем, кто крепок духом. Мы были крепки.

Мой адвокат, при всей своей расовой неполноценности, эту идею понимал, но нашего попутчика убедить было нелегко. Он сказал, что понял, но по его глазам я видел, что это не так. Он меня обманывал.

Внезапно мы свернули с дороги, заскользили по гравию и остановились на обочине. Меня швырнуло о приборный щиток. Адвокат обмяк на руле. «Что такое? — закричал я. — Здесь нельзя останавливаться. Здесь летучие мыши!»

— Сердце, — застонал адвокат. — Где лекарство?

«А, лекарство, погоди, сейчас достану». Я полез в чемоданчик за амилами. Паренек застыл в ужасе. «Не бойся, — сказал я. — У него большое сердце — стенокардия. Но у нас есть лекарство. Ага, вот оно». Я вынул из жестяной банки четыре ампулы и две вручил адвокату. Тот немедля разломил одну под носом. Я сделал то же самое.

Он глубоко затаился и откинулся на сиденье, подставив лицо солнцу: «Музыку, блядь, погромче! У меня сердце как аллигатор!»

«Громче! Чётче! Басы! Побольше басов!» — он замолотил воздух голыми руками. «Да что за херня? Что мы как старушки?» Я выкрутил громкость радио и магнитофона на полную. «Подлый адвокатишка, — сказал я. — Подбирай выражения. Ты разговариваешь с доктором журналистики!». Он истерически хохотал. «Хули мы делаем в этой пустыне? Полиция! На помощь!»

«Ты на этого борова не смотри, — сказал я попутчику. — Он не умеет обращаться с лекарствами. Вообще-то мы оба — доктора журналистики и едем в Лас-Вегас писать главный материал о нашем поколении». И тут меня пробило на смех ...

Мой адвокат развернулся лицом к попутчику со словами: «На самом деле мы едем в Лас-Вегас завалить героинового барона по кличке Свирепый Генри. Мы с ним давно знакомы, но недавно он нас

кинул. Чуешь, чем пахнет?» Я хотел его заткнуть, но нас обоих скрутило в приступе смеха. Хули мы делаем в этой пустыне, если у нас обоих больное сердце?

«Свирепый Генри подписал себе смертный приговор! — зарычал адвокат. — Мы ему легкие вырвем!»

«И сожрём! — выпалил я. — Ублюдок своё получит. Что творится в этой стране, если какая-та мразь безнаказанно обувает доктора журналистики?»

Никто не ответил. Адвокат разломил вторую капсулу, а паренек пополз через заднее сиденье по багажнику. «Спасибо, что подвезли! — прокричал он, — Большое спасибо! Вы хорошие ребята! За меня не беспокойтесь!» Он спрыгнул на асфальт и побежал в сторону Бейкера. Вокруг пустыня, ни дерева.

«Постой, — крикнул я, — Вернись за пивом». Но он, видимо, меня не слышал. Музыка играла очень громко, а он удалялся очень быстро.

— Скатертью дорога, — сказал адвокат, — Мы напоролись на настоящего психа. Мальчишка заставил меня понервничать. Ты видел его глаза? — Он до сих пор смеялся. — Хорошее лекарство, ей богу!

Я выскочил из машины и метнулся кругом к водительской двери.

— Двигайся, я поведу. Надо валить из Калифорнии, пока он не нашёл полицейского.

— Запарится искать, ему отсюда докуда угодно — полтораста километров.

— Нам тоже.

— А может развернемся и обратно в «Поло»? — сказал он. — Там нас точно искать не будут.

Я пропустил его слова мимо ушей. «Открывай текилу», — потребовал я, перекрикивая снова поднявшийся ветер.

Я выжал газ, и нас вынесло обратно на шоссе. Адвокат тут же склонился над картой: «Прямо по курсу Мескаль-Спрингс. Как твой адвокат, советую тебе остановиться и искупаться».

Я покачал головой: «Надо всенепременно добраться до гостиницы «Минт» до конца регистрации журналистов. Иначе за номер придется платить».

Он кивнул: «Но давай забьем на Американскую мечту. Великая самоанская мечта важнее». Он покопался в чемоданчике. «По-моему, пора заточить промокашку. Мескалин попался дрянь, давно отпустило, а эфирной вони я больше не выдержу».

— А мне нравится. Давай пропитаем полотенце и положим на полу возле педали газа, чтобы испарения поднимались мне в лицо всю дорогу.

Он завозился с магнитофоном. Радио вопило «Power to the People — Right On!» — политическая песня Джона Леннона, запоздавшая лет на десять. «Куда этот дятел лезет, — сказал адвокат, — Когда такие ушлёпки пытаются быть серьезными, они только все портят».

«Да, кстати, если серьезно, — сказал я, — то пришло время эфира и кокаина».

«К черту эфир, оставим на потом, пропитаем им коврик в номере. Вот, держи, твоя половинка промокашки. Только разжуй хорошенько».

Я взял промокашку и положил её в рот. Адвокат возился с солонкой с кокаином. Открывает. Рассыпает. С воплями судорожно ловит воздух, а драгоценный белый порошок крошечным, но очень дорогим смерчем взмывает из Большой красной акулы и рассеивается по шоссе. «О Господи! — застонал он. — Ты видел, что Бог с нами только что сделал?»

— Это не Бог! — крикнул я. — Это всё ты. Ебучий наркоагент! Я раскусил тебя с самого начала, свинья!

— Ты смотри, — он вдруг наставил на меня здоровый «Магnum» 357 калибра, тупорылый кольт «Питон» с фасками на барабане. — В округе полно стервятников. Начисто обглодают твои кости до утра.

— Ах ты сука. Доберемся до Лас-Вегаса, на бифштекс порублю. Что, по-твоему, сделает профсоюз наркоторговцев, когда я заявлюсь в город с самоанским агентом наркополиции?

— Пришьют нас обоих. Свирепый Генри знает, кто я такой. Черт, я же твой адвокат, — Он залился диким смехом, — Ты обожрался кислоты, дурила. Нам чертовски повезет, если доберемся до гостиницы и заселимся прежде, чем ты превратишься в животное. Как тебе перспектива? Поселиться в вегаской гостинице под вымышленным именем с умыслом совершить мошенничество в особо крупных размерах, предварительно обожравшись кислоты? — он снова захохотал и запустил нос в

солонку, выбирая туго свернутой 20-долларовой банкнотой остатки порошка.

— Сколько у нас еще времени?

— Где-то полчаса. Как твой адвокат, советую ехать на предельной скорости.

Лас-Вегас уже маячил впереди. Вдали, в голубой дымке пустыни виднелась просека главной улицы, а над ней посреди кактусов торчали серые прямоугольники отелей: «Сахара», «Лендмарк», «Американа» и зловещий «Тандербёрд».

Полчаса. Времени в обрез. Наша цель — высокая башня отеля «Минт» в центре города, а, если не успеем добраться туда до того, как потеряем всякое самообладание — тогда нам на север, в тюрьму штата в Карсон-Сити. Я был там однажды, но только чтобы взять интервью у заключенных — и возвращаться мне туда не хотелось ни при каких обстоятельствах. Так что выбора на самом деле не было: прорываться — и плевать на кислоту. Преодолеть бюрократические дебри, поставить машину в гараж, разобраться с администратором, договориться с коридорным, выписать журналистские пропуска — всё это подлог, совершенно противозаконно, мошенничество чистой воды — но, разумеется, иначе нельзя.

«УБЕЙ ТЕЛО, И ГОЛОВА УМРЕТ»

Запись в моем блокноте, к чему она? Может как-то связано с Джо Фрейзером? Он еще жив? Не разучился говорить? Я видел тот бой в Сиэтле — сидя в хлам на четыре ряда ниже губернатора. Очень тягостное впечатление во всех смыслах, настоящий занавес шестидесятых: Тим Лири в плену у Элдриджа Кливера в Алжире, Боб Дилан стрижет купоны в Гринвич-виллидж, обоих Кеннеди убили мутанты, Оусли в тюрьме складывает салфетки, и вот, наконец, Кассиус/Али неммыслимым образом повержен с пьедестала человеком-гамбургером и стоит на пороге смерти. Джо Фрейзер, как и Никсон, одержал верх по причинам, которые люди вроде меня отказываются понимать — или хотя бы говорить о них во всеуслышание.

... Но то была иная эпоха, что отцвела и истлела, такая далекая от грубой действительности скверного года 1971 от Рождества Христова. Многое изменилось за эти годы. Теперь я в Лас-Вегасе, пишу статью для раздела автомобильного спорта по поручению редакции глянцевого журнала, отправившей меня сюда на Большой красной акуле не пойми зачем. «Ты там сам разберешься ...»

Точно. Разберемся. Но когда мы наконец приехали в гостиницу, мой адвокат не сумел хитроумно обойти процедуру регистрации и нам пришлось стоять в очереди вместе со всеми, что в данных обстоятельствах оказалось нелёгким испытанием. Я твердил себе: «Тихо, спокойно, молчать ... говорить, только когда спросят ... фамилия, должность, издание ... ничего лишнего, не поддаваться этому ужасному веществу, делать вид, что ничего не происходит ...»

Невозможно объяснить тот ужас, что обуял меня, когда я наконец оказался перед администратором и начал что-то бормотать. Перед каменным взглядом этой женщины рассыпались все отрепетированные фразы. «Здрасьте, ... меня зовут ... э ... Рауль Дюк ... да-да, я в списке. Бесплатный обед, окончательное просвещение, полное освещение ... а что? Со мной приехал адвокат, да, конечно, я в курсе, что его в списке нет, но это наш номер, да, то есть он мой шофер. Мы приехали сюда на Красной акуле с самого Лос-Анджелеса, и сейчас время пустыни, так? Да. Посмотрите в списке. Не беспокойтесь. Какие тут расклады? Что дальше?»

Она даже не моргнула:

— Ваш номер еще на готов, но вас кое-кто ищет.

— Нет! За что? Мы еще ничего не сделали!

Ноги стали резиновыми. Вцепившись в стойку, я накренился к администратору. Она протягивала мне конверт, но я не хотел его брать. Ее лицо менялось: оно раздувалось, пульсировало ... жуткая зеленая челюсть и клыки наружу — мурена! Смертельный яд! Я отскочил и врезался в адвоката. Тот подхватил меня за руку и протянулся за конвертом. «Я сам разберусь, — сказал он женщине-угрю. — У него большое сердце, но я запасся лекарствами. Меня зовут доктор Гонзо. Приготовьте наш номер поскорее. Мы будем в баре».

Она пожала плечами, а он повел меня прочь. В полном городе буйнопомешанных кислотного торчка никто даже не замечает. Протолкавшись через многолюдный вестибюль, мы нашли два стула у барной стойки. Адвокат заказал две «кубы либре» с пивом и мескалем, потом вскрыл конверт. «Кто такой Ласерда? — спросил он. — Он ждёт нас в номере на двенадцатом этаже».

Я не мог вспомнить. Ласерда? Знакомое имя, но я не мог сосредоточиться. Жуткие вещи происходили вокруг нас. Рядом со мной женщине в шею вгрызалась какая-то рептилия, ковер — пропитан-

ная кровью губка, ходить невозможно, провалишься. «Закажи туфли для гольфа, — прошептал я. — Иначе живыми нам отсюда не выбраться. Видишь, ящеры запросто шастают по этой грязи — потому, что у них на ногах когти».

«Ящеры, говоришь? Ты просто не видел еще, что творится в лифтах», — он снял свои бразильские очки и я заметил, что он плакал. «Я только что поднимался наверх к этому Ласерде, — продолжил он. — Сказал ему, что нам известно, кто он такой. Он говорит, он фотограф, но когда я упомянул Свирепого Генри — тут он и спалился, сел на измену. Я по глазам понял. Он знает, что мы его раскусили».

— Он знает, что у нас есть «Магнумы»?

— Нет. Но я сказал ему, что у нас есть «Винсент Блек Шэдоу». От страха он чуть не обоссался.

— Отлично. Но как же наш номер? И туфли? Мы сидим прямо посреди террариума! И этим ебучим тварям продают бухло! Еще чуть-чуть и нас порвут на клочки. Господи, ты на пол взгляни! Ты видел когда-нибудь столько крови? Сколько народу они уже убили? — я показал на группу у стены в другом конце комнаты; они, кажется, наблюдали за нами. — Блядь! Смотри на ту стаю! Нас засекли!

— Это столик регистрации журналистов, — сказал он. — Там ты должен расписаться и получить на нас документы. Черт, давай наконец разберемся с делами. Иди туда, а я займусь номером.

4. Мерзкая музыка и ружейная канонада ... Грубые вибрации субботним вечером в Лас-Вегасе

Ближе к закату мы наконец заселились в номер, и мой адвокат немедля позвонил в обслуживание номеров и заказал четыре клубных сэндвича, четыре креветочных коктейля, литр рома и девять свежих грейпфрутов. «Витамин С, — пояснил он. — Чем больше, тем лучше». Я согласился. К тому времени алкоголь разбавил кислоту, а галлюцинации поутихли. На лице у официанта, что принес нам заказ, едва заметно проступали змеевидные черты, но я уже не видел огромных птеродактилей, бродивших по лужам свежей крови в коридоре. Беспокоила теперь только гигантская неоновая вывеска, заслонявшая нам вид на горы: миллионы разноцветных шаров с гулом пробегали по очень запутанной траектории, вспыхивали странные символы и завитушки.

— Выгляни наружу, — сказал я.

— А что там?

— Там большая ... машина в небе ... вроде электрической змеи ... ползет прямо на нас.

— Пристрели её.

— Еще рано. Хочу изучить её повадки.

Он зашел в угол и потянул за цепочку от портьер.

— Слушай, — сказал он. — Прекращай эти разговоры про змей, пиявок и ящеров. Меня уже тошнит.

— Не волнуйся.

— Не волнуйся?! Да я там в баре чуть не умом не тронулся. Нас туда больше не пустят — особенно после того, что ты учинил у столика регистрации.

— А что я учинил?

— Мудила, я оставил тебя всего на три минуты! А ты запугал этих несчастных так, что они чуть не обоссались! Размахивал своим гребаным гарпуном и вопил про рептилий. Тебе повезло, что я вовремя вернулся. Они уже собирались вызвать полицию. Я сказал им, что ты просто напился и я отведу тебя в номер и поставлю под холодный душ. Журналистские пропуска они нам выдали только чтобы от тебя избавиться.

Он нервно ходил кругами по комнате.

— С этим приключением меня совсем отпустило! Мне нужны наркотики! Куда ты дел мескалин?

— В чемоданчике.

Он открыл чемоданчик и съел два катышка, а я включил диктофон.

— А тебе и одного хватит. Тебя еще кислота держит.

Я согласился.

— Нужно успеть на трассу до темноты. Но пока есть время посмотреть новости. Давай-ка по-прежнему грейпфрут и сделаем отличный пунш. Можно добавить промокашку ... а где машина?

— Мы её отдали кому-то на стоянке. Квиток у меня в портфеле.

— Какой у них номер? Позвоню, скажу, пусть отмоют как следует.

— Отличная мысль, — сказал он. Но квитанцию не нашел.

— Заебись, — сказал я. — Мы теперь ни за что не уговорим их отдать нам машину без документов.

Он задумался, потом снял трубку и попросил соединить его с гаражом.

— Это доктор Гонзо из восьмьсот пятидесятого. Я тут потерял квитанцию на парковку от красного кабриолета, что я у вас оставил, но мне через полчаса будет нужна машина — чистая. Вы можете прислать дубликат? ... Что? ... Вот и отлично ... - Он повесил трубку и взял гашишную трубочку. — Всё нормально, Тот тип запомнил меня в лицо.

— Здорово. Они, наверно уже приготовили к нашему приходу большую сеть.

Он покачал головой.

— Как твой адвокат, советую тебе обо мне не беспокоиться.

В теленовостях показывали вторжение в Лаос — череда жутких кадров: взрывы, искореженные руины, бегущие в ужасе люди, нелепое вранье пентагоновских генералов.

— Выключай эту хуйню! — завопил мой адвокат. — Поехали отсюда!

Мудрый ход. Сразу после того, как мы забрали машину, мой адвокат впал в наркотическую кому и, прежде, чем я вернул управление, успел проехать на красный на Главной улице. Я усадил его на пассажирское сидение и сам сел за руль ... чудесное ощущение бодрости. Вокруг меня я люди разговаривали в машинах, и мне хотелось слушать их разговоры. Все разговоры. Но выносной микрофон лежал в багажнике, и я решил его не доставать. Лас-Вегас не тот город, где можно разъезжать по главной улице, целясь в людей черным прибором, похожим на базуку.

Радио погромче. Погромче магнитофон. Любуемся закатом впереди. Опустить стекла и вдыхать прохладный бриз пустыни. О да! Вот оно. Полный контроль. Катаемся субботним вечером по главной улице Лас-Вегаса, два старых приятеля на огненно-красном кабриолете ... укуренные, бухие, обдолбанные ... Хорошие люди.

О Боже! Что за мерзкая музыка?

«Боевой гимн лейтенанта Кэлли»:

« ... Мы продолжаем свой марш ...

Когда я достигну последнего лагеря,
в краю за солнцем

И великий командующий спросит меня ...

(О чём он спросил тебя, Расти?)

« ... Бился ли ты или бежал?»

(и что ты ему ответил, Расти?)

«на их выстрелы мы ответили всем, чем могли ... »

Нет, не верю! Это слуховые галлюцинации. Я взглянул на адвоката, но тот таранился на небо; видимо, его мозг отправился в тот самый лагерь за солнцем. Слава богу, он не слышит. Иначе бы с ним случился припадок расистской ярости.

К счастью, песня кончилась. Но настроение было уже испорчено ... а теперь меня забрал бесовский сок кактуса, погрузил меня в недочеловеческий страх. Вдруг мы оказались у поворота к стрелковому клубу «Минт».

На знаке было написано «Одна миля». Но даже за милю я услышал затихавший треск двухтактных мотоциклетных двигателей ... а подъехав поближе — другой звук.

Ружья! Этот плоский гулкий грохот не спутать ни с чем.

Я остановил машину. Что за чертовщина там происходит? Я поднял все окна и, прижавшись к рулю, потихоньку двинулся по гравийной дороге ... пока не увидел десяток фигур, паливших в небо из ружей через равномерные промежутки времени.

Они стояли на бетонной плите посреди поросшей мескитом пустыни, в этом скудном крохотном оазисе к северу от Вегаса ... теснились со своими ружьями в полусотне метров от одноэтажного бетонного строения в полутени от десятка деревьев, окруженные полицейскими машинами, мотоприцепами и мотоциклами.

Ну конечно. Стрелковый клуб «Минт»! Эти психопаты не признавали никаких помех своим уп-

ражнению в стрельбе. Здесь в гаражной зоне ошивалось около сотни мотоциклистов, механиков и прочих околomotоспортивных субъектов — регистрировались на завтрашнюю гонку, попивали пиво и оценивали чужую технику — и посреди этого балагана, не замечая ничего, кроме тарелочек, взлетавших в воздух где-то каждые пять секунд, люди с дробовиками невозмутимо расстреливали свои мишени.

А что? Стрельба задавала определенный ритм — своего рода четкая басовая партия под хаотическое дребезжание мотоциклетной тусовки. Я припарковал машину и влился в толпу, оставив адвоката пребывать в коме.

Я купил пива и встал наблюдать за регистрацией мотоциклов. Много шведских «Хускварн 405», ... еще много «Ямах», «Кавасаки», несколько «Триумфов 500», «Майко», кое-где CZ, один «Пурсанг» ... все очень быстрые, сверхлегкие кроссовые мотоциклы. «Харлеям» здесь не место, даже «Спортстерам» ... Как если бы мы записали Большую красную акулу в гонку багги.

А это мысль. Вписать адвоката пилотом, заправить эфиром и кислотой и отправить на старт. Что они тогда будут делать?

Никто не отважится выйти на трассу с таким психом. Он перевернется на первом же повороте и раздавит пяток багги — заезд камикадзе.

— Какой взнос за участие? — спросил я у регистратора.

— Два пятьдесят.

— А если я скажу, что у меня «Винсент Блек Шэдоу»?

Он поднял на меня пристальный недружелюбный взгляд. Я заметил у него на поясе револьвер 38 калибра.

— Проехали. Всё равно мой пилот заболел.

Он прищурился.

— Твой пилот, дружок, тут не единственный больной.

— У него кость в горле застряла.

— Чего? — мужик начинал злиться, но вдруг что-то его отвлекло...

Мой адвокат. Он стоял без своих датских очков, без гавайской рубашки... с голым торсом, тяжело дыша и ничего не соображая.

— В чем дело? — прохрипел он. — Этот человек — мой клиент. Вы готовы предстать перед судом?

Я схватил его за плечо и плавно развернул его кругом.

— Проехали. Они не принимают «Винсент блек шэдоу».

— А ну-ка постой! — взревел он. — Что значит не принимают? Ты что, пошел на сделку с этими свиньями?

— Конечно нет, — я подталкивал его к воротам. — Сам посмотри, они все вооружены. Мы тут одни без оружия. Разве не слышишь, как там стреляют?

Он замер, прислушался, и вдруг бросился бегом к машине.

— Хуесосы! — орал он через плечо — Мы еще вернемся!

К тому времени, когда мы выехали обратно на шоссе, он обрел способность разговаривать.

— Господи! Как мы вообще затесались в банду этих ебанатиков? Скорее валим из города. Эти пидоры хотели нас убить!

5. Освещение событий ... Пресса в действии ... Безобразный провал

Гонщики были готовы к рассвету. Красивый восход над пустыней. Очень напряженный. Но гонка начиналась только в девять, а потому нам предстояло убить три долгих часа в казино рядом с гаражами. Тут-то и начались все неприятности.

Бар открывался в семь. В бункере была еще «коффейная и пончиковая», но те из нас, кто провел всю ночь в заведениях вроде «Цирка-цирка», были не в настроении для кофе и пончиков. Нам хотелось чего покрепче. Мы были похмельные и злые, и нас было человек двести, так что бар открыли пораньше. К половине девятого у игорных столиков образовались большие толпы. Было шумно, повсюду раздавались пьяные крики.

К барной стойке притопап какой-то костлявый вахлак средних лет в майке «Харлей Дэвидсон» и гаркнул: «Етить твою мать! Какой сегодня день — суббота?»

— Скорее воскресенье, — ответил кто-то.

— Эх! Вот засада, а! — воскликнул он, обращаясь к неведомой аудитории. — Сижу я вчера вечером у себя в Лонг-Бич, и кто-то мне говорит, мол сегодня «Минт-400», ну я своей и говорю: «Ну я поехал».

Он загоготал.

— А она мне мозг сверлить ... Ну я ей навешал, и тут бац — какие-то два перца, которых я вообще впервые вижу, тащат меня на улицу и давай рихтовать. Отдубасили меня мама не горюй.

Он опять засмеялся, обращаясь ко всем сразу, причем ему было всё равно, слушали его или нет.

Во блин! — продолжал он. — И тут один говорит: куда собрался-то? А я говорю — в Лас-Вегас, на «Минт-400». Короче, они дали мне десятку и отвезли на вокзал ... - Он замолк. — Или это не они уже были ...

— Ну вот, короче, я здесь. И ночка, скажу вам, была долгая! Семь часов в автобусе трясся! На рассвете очухался где-то в центре Вегаса и не одуплю, как я сюда попал-то. Думал только: «О господи, опять-двадцать пять, на этот раз кто со мной развелся?»

Он взял протянутую ему кем-то из толпы сигарету и прикурил её, всё еще ухмыляясь.

— Но тут вспомнил, ей-богу! Я ж на гонку приехал ... и всё, больше мне ничего знать не надо. Тут просто охрененно. Похер, кто выиграет, кто проиграет. Как здорово сидеть тут с вами ...

Никто ему не возражал. Мы все понимали. В определенных кругах «Минт-400» котируется гораздо выше, чем Суперкубок, Дерби в Кентукки и финал дерби роллеров в южном Кентукки вместе взятые. Эта гонка привлекает особую породу людей, и наш приятель в харлеевской майке явно к ней принадлежал.

Корреспондент журнала «Лайф» с сочувствием кивнул и заорал на бармена: «Дайемучоонхочет!»

— И поживее, — каркнул я. — А может пять?!

Я впечатал в стойку свою кровоточащую ладонь.

— Точняк! Давай десять!

— Поддерживаю! — завопил тип из «Лайф». Он медленно стекал с барной стойки на колени, однако продолжал вещать твердым голосом:

— Это волшебный миг в истории спорта! Он может никогда не повториться.

Потом его голос дрогнул.

— Я был однажды на Тройной короне, вообще не сравнить ...

Лупоглазая тетка отчаянно тянула его за ремень. «Вставай! — умоляла она. — Ну пожалуйста! Будь красавчиком, вставай!».

Он залился диким смехом.

— Послушай, дамочка. Я и здесь, где я есть, красавец что надо, а если встану, то ты ляжешь!

Тетка продолжала его поднимать. Она целых два часа пялилась на его локти, а теперь делала свой ход. Мужик из «Лайф» она была до лампочки, он еще больше обмяк.

Я отвернулся. Гадкое зрелище. А ведь мы самые сливки национальной спортивной прессы. И мы собрались здесь в Лас-Вегасе ради особого события: четвертой ежегодной гонки «Минт-400» ... и на таких мероприятиях нельзя страдать херней.

Но уже сейчас — еще до начала зрелища — чувствовалось, что мы можем потерять контроль над ситуацией. Этим погожим прохладным невадским утром мы сидим в каком-то зачуханном баре в бетонной коробке казино под названием «Стрелковый клуб Минт» в пятнадцати километрах от Лас-Вегаса ... гонки вот-вот начнутся, а в нашем стане разброд и шатания.

На улице психопаты-гонщики занимались последними приготовлениями: обклеивали фары мотоциклов, доливали масло в вилки, подтягивали болты, гайки и муфты ... и ровно в девять первые десять мотоциклов рванули с места. Волнующее зрелище, мы все вышли посмотреть. По взмаху флажка десять несчастных чертей выжали сцепление и все вместе вошли в первый поворот. Потом кто-то вырвался вперед («Хускварна-405», насколько я помню). Раздались крики одобрения, а гонщик поддал газу и скрылся в облаке пыли.

— Ну вот и всё, — сказал кто-то. — Через часок вернутся. Пойдем обратно в бар.

Не тут-то было. Как же. На старте ждало еще 190 мотоциклов. Они стартовали по десять в ряд, каждые две минуты. Сначала их было видно на двести метров от старта. Но видимость продержалась недолго. Третья десятка исчезла в пыли в сотне метров от нас ... а когда пошла вторая сотня (а еще была третья), видимость упала до пятидесяти метров. Видно было не дальше тюков с сеном возле гаражей ...

За этой чертой над пустыней образовалось невероятных размеров и плотности облако пыли, которое провисит здесь еще два дня. Тогда еще никто из нас не догадывался, что больше «Феерическую гонку Минт-400» мы не увидим —

К полудню под палящим солнцем из бара/казино гаражную зону в сотне метров от нас было едва видно. Затея «освещать гонку» традиционным способом смотрелась нелепо: это всё равно, что высматривать пловцов в олимпийском бассейне, где вместо воды тальк. Компания «Форд Моторс», как и было обещано, выдала журналистам джип «Бронко» и водителя, но, после нескольких отчаянных вылазок в пустыню в преимущественно бесплодных поисках гонщиков, я оставил машину на растерзание фотографам и вернулся в бар.

Настал час Мучительной Переоценки происходящего. Гонка определенно шла полным ходом. Я стал свидетелем старта, вот пожалуй и все. И что теперь? Нанять вертолет? Лезть обратно в вонючий джип? Мотаться по пустыне и наблюдать, как эти шуты проносятся мимо контрольных пунктов? По одному за полчаса ...?

К десяти они расплозились по всей трассе. То была уже не гонка, а Битва на Выживание. Виден был только старт, он же финиш, куда каждые несколько минут из облака пыли вырывался какой-нибудь псих, сползал с мотоцикла, механики заправляли бак и мотоцикл возвращался в гонку со свежим водителем ...еще один круг на восемьдесят километров, еще один час не щадящей почек кошмарной тряски в беспросветном пыльном аду.

Часам к одиннадцати я сделал еще один круг в журналистской машине, но нашли мы только два багги, где сидели персонажи, похожие на отставных унтеров из Сан-Диего. Он подрезали нас в пересохшем русле и потребовали знать: «Где эта херня?»

«Без понятия, — ответил я. — Мы простые патриоты Америки, как и вы».

На их машинах красовались зловещие эмблемы: орлы с американскими флагами в когтях, косоглазая змея, кромсаемая звёздно-полосатой бензопилой; а в одной машине на пассажирском сиденье стоял пулеметный станок.

Они гоняли по пустыне на полной скорости в свое удовольствие и докапывались до каждого встречного.

— Вы из какого подразделения? — выкрикнул один из них. За ревом моторов, мы едва слышали друг друга.

— Спортивная пресса, — крикнул я. — Свои, наемные шуты.

Глуповатые улыбки.

— Хотите погоняться, крикнул я. — Ловите козла из «Си-би-эс ньюс» на большом черном джипе. «Продажный пентагон» — его рук дело.

— Да ты чо? — одновременно воскликнули двое. — Черный джип, говоришь?

Они с ревом сорвались с места, мы тоже. Подпрыгивая на камнях, карликовых дубах и, похожих на кактусы чугунных кустах перекасти-поля. Мое пиво выпорхнуло из кружки, шлепнулось о крышу и приземлилось мне на штаны, покрыв пах теплой пеной.

— Ты уволен, — сказал я водителю. — Вези меня обратно.

Я чувствовал, что пора приземлиться — обдумать, как справиться с этим поганым заданием. Ласерда настаивал на Полном Освещении. Он рвался обратно в пыльную бурю, чтобы продолжить свои попытки перебором пленок и линз найти ту комбинацию, с помощью которой в этом аду можно хоть что-то запечатлеть.

«Джо», наш водитель, был непрочь. На самом деле его звали не Джо, но нам велели называть его именно так. Накануне я разговаривал с боссом из «Форда» и, когда речь зашла о водителе, он сказал: «Его настоящее имя — Стив, но вы называйте его Джо».

— А что? Джо так Джо, — сказал я. — Как ему нравится. А может «Зум»?

— Не пойдет, только «Джо».

Ласерда ближе к полудню снова отправился в пустыню в сопровождении нашего водителя Джо. Я вернулся в бар/казино, который на самом деле «Стрелковый клуб Минт» — и там принялся бухать

по-черному, думать тяжкие мысли, и делать мрачные записи

6. Ночь в городе ... стычка в «Дезерт Инне» ... Наркотический угар в «Цирке-цирке»

Полночь субботы ... Воспоминания о той ночи весьма туманны. Мои единственные проводники в этом тумане — полная горсть карточек лото и салфеток, покрытых едва разборчивыми записями. Вот например: «Связаться с типом из «Форда», потребовать джип — наблюдать за гонкой ... фото? ... Ласерда — позвонить ... а может вертолет? ... Сесть на телефон, наехать на пидарасов, устроить взбучку».

Еще: «Вывеска на бульваре Парадайз — «Дамы без верха и без комплексов» ... стриптиз по сравнению с ЛА — дилетантство; здесь кружки из фольги на сиськах ... в ЛА — групповуха ... Лас-Вегас — общество вооруженных мастурбаторов/здесь кайфуют от азартных игр/секс как экзотическая добавка для толстосумов ... шлюхи от заведения для выигравших, дрочка для неудачников».

Давным-давно, когда я еще жил в Биг-Суре по соседству с Лайонелом Олеем, у меня был приятель, любивший съездить в Рено сыграть в кости. У него был магазинчик спорттоваров в Кармеле. Один месяц он три уикенда подряд катался в Рено на своем крейсерском «Мерседесе» — каждый раз срывал большой куш. После трех поездок он разбогател тысяч на пятнадцать и решил в четвертый раз не ездить, а свозить своих друзей на ужин в ресторан. «Всегда выходи из игры, пока ты в выигрыше, — объяснил он. — К тому же далеко тащиться»

В понедельник утром ему из Рено позвонил управляющий казино, в котором он играл.

— Нам здесь вас не хватало, — сказал управляющий. — Музыканты скучали.

— Черт, — сказал мой приятель.

И вот на следующие выходные он вылетел в Рено на частном самолете, с другом и двумя подружками — все они «особые гости» управляющего. Для крупных игроков — всё что угодно.

Утром в понедельник он вернулся в аэропорт Монтерея на том же самом самолете, предоставленном казино. Летчик одолжил ему десять центов позвонить другу, чтобы тот приехал за ним и отвез его домой в Кармель. Он задолжал 30 тысяч, и два месяца спустя к нему в дверь постучались ребята из самого сурового агентства по взысканию долгов.

Он продал свой магазинчик, но все равно не хватило. Ничего, подождут, говорил он, но когда его отделали, то убедился, что лучше занять денег и расплатиться полностью.

Системная игромания — очень жесткий бизнес, и Рено по сравнению с Лас-Вегасом — это детский утренник. Для проигравшего Вегас — самый злой город на свете. Еще год назад на окраине Лас-Вегас висел гигантский плакат:

**«НЕ ИГРАЙТЕ С МАРИХУАНОЙ!
В НЕВАДЕ
ХРАНЕНИЕ — 20 ЛЕТ ТЮРЬМЫ
СБЫТ — ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК!»**

Так что я не очень уверенно чувствовал себя, разъезжая субботним вечером по казино под кистотой в набитой марихуаной машине. Несколько раз мы чуть не спалились: в один из них я попытался въехать на Большой красной акуле в прачечную отеля «Лендмарк», но дверной проем оказался слишком узок, и люди внутри пришли в нездоровое возбуждение.

Мы заехали в «Дезерт Инн» посмотреть представление с Дебби Рейнольдс и Гарри Джеймсом. «Не знаю как у тебя, — сказал я своему адвокату, — но в моей профессии важно быть в теме».

— В моей тоже, — ответил он. — Но как твой адвокат, советую заехать в «Тропикану и заценить Гая Ломбардо. Он выступает в Синем зале со своими «Роял Канадианс».

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем я буду выкладывать свои кровные — поглазеть на труп?

— Слушай, мы вообще для чего здесь? Ради развлечений или по работе?

— Конечно по работе, — ответил я. Мы наворачивали круги по автостоянке казино «Дюны», которое оказалось потом «Тандербердом» ... или «Гасиендой» ...

Мой адвокат изучал журнал «Вегас Визитор» на предмет куда бы сходить. «Смотри-ка — «Игровые автоматы Ника-четвертака? — спросил он. — Горячие щёлки. Жесть Хотдоги по двадцать девять центов ...

Вдруг какие-то люди стали на нас кричать. Мы влипли. Два громилы в красно-золотых шинелях нависли над капотом: «Вы что делаете? Здесь нельзя парковаться!»

«А что?» — спросил я. Нормальное место для стоянки, вокруг свободно. Я так долго искал, где припарковаться. Слишком долго. Я был готов бросить машину и вызвать такси ... но тут, ура, мы нашли это место.

Которое оказалось тротуаром у главного входа в «Дезерт Инн». К тому времени я переехал через столько бордюров, что последний просто не заметил. Но теперь мы оказались в труднообъяснимом положении ... загродили вход, громилы на нас орут, скверная неразбериха ...

Мой адвокат мигом выскочил из машины, размахивая пятидолларовой банкнотой. «Припаркуйте машину! Я старый друг Дебби. Я её жарил!»

На миг мне показалось, что он всё испортил ... Но тут один из швейцаров протянул руку за банкнотой со словами: «Ладно, ладно, я позабочусь об этом, сэр». И выдал парковочный купон.

— Охренеть! — сказал я, когда мы поспешно преодолевали вестибюль. — Нас чуть не спалили. Быстро ты сообразил.

— А ты чего ожидал? — Я ведь твой адвокат ... и с тебя пять баксов. Давай сюда».

Я пожал плечами и отдал ему деньги. В пафосном, выложенном толстым слоем орлона вестибюле «Дезерт Инна» казалось неуместным торговаться из мелких взяток парковщику. Это была территория Боба Хоупа. Фрэнка Синатры, Спиро Агню. Изрядно пованивало дорогим огнеупорным материалом и пластмассовыми пальмами — первоклассное убежище для Крупных Клиентов.

Преисполнившись уверенности, мы подошли к роскошному залу, но нас отказались пускать. Тип в бордовом смокинге сказал, что мы опоздали. Аншлаг, мест не осталось, даже за большие деньги.

— Хуй с ними с местами, — сказал мой адвокат. — Мы старые друзья Дебби. Мы приехали на это представление из самого Лос-Анджелеса и по-любому на него попадем.

Смокинг что-то залопотал насчет «противопожарной безопасности», но мой адвокат и слушать его не хотел. Наконец, после долгого скандала, он впустил нас бесплатно — при условии, что мы будем тихо стоять у дверей, не шуметь и не курить.

Мы пообещали, что не будем, но как только очутились внутри, не смогли удержаться. Сказалось накопившееся напряжение. Дебби Рейнольдс скакала по сцене в серебряно парике в стиле «афро». Под звуки «Сержанта Пеппера» из золотой трубы Гарри Джеймса.

— Нихуя себе! — сказал адвокат. — Мы попали в капсулу времени!

Тяжелые руки схватили нас за плечи. Я вовремя спрятал трубочку для гашиша обратно в карман. Вышибалы выволокли нас из зала, протащили через вестибюль и держали у входной двери, пока не пригнали нашу машину. «Так, валите отсюда, — сказал бордовый смокинг. — Даем вам шанс. Если у Дебби такие друзья, дела у неё еще хуже, чем я думал».

«Это мы еще посмотрим! — прокричал адвокат, когда мы отъезжали — Мразь параноидальная!»

Я подъехал к казино «Цирк-цирк» и припарковался у задней двери. «Место что надо, — сказал я. — Здесь до нас не будут доебываться».

«Где эфир? — спросил адвокат. — Мескалин не прёт».

Я дал ему ключ от багажника и раскурил трубочку с гашишем. Он вернулся с бутылкой эфира, откупорил её, плеснул на салфетку, прижал её к носу и глубоко задышал. Я тоже промокнул салфетку и вдохнул эту гадость. От машины, несмотря на закрытую крышу, во все стороны завоняло эфиром. Вскоре мы уже ковыляли вверх по парадной лестнице, заливаясь глупым смехом, цепляясь друг за друга, как заправские алкаши.

Главное преимущество эфира в том, что под ним ты ведешь себя как деревенский пьяница из старого ирландского романа ... полная утрата основных двигательных навыков: в глазах мутнеет, равновесие пропадает, язык во рту немеет — обрубаются все связи между телом и мозгом. Что любопытно, потому что мозг продолжает работать более или менее нормально ... Ты видишь, во что ты

превратился, но поделаться ничего не можешь.

Приближаешься к турникетам на входе, зная, что нужно заплатить два доллара человеку на входе, иначе не пустят ... но когда оказываешься там, всё идет наперекосяк: неверно оценив расстояние до турникета, врезаешься в него, отлетаешь и, чтобы не упасть, хватаешься за какую-то старуху, тебя толкает какой-то сердитый ротарианец и думаешь: в чем дело? что здесь происходит? Потом слышишь свой голос: «Псы выебли Папу, я ни при чем. Осторожно! ... Какие деньги? Меня зовут Бринкс, я родился ... родился? Овец за борт ... женщин и детей в бронемашину ... приказ капитана Зипа.

Коварный эфир — однозначно телесный наркотик. Разум, не в силах связаться со спинным мозгом, в ужасе отворачивается. Нелепо трепыхаются руки — никак не достать деньги из кармана ... дикий смех и шипение ... всё это время с лица не слезает улыбка.

Эфир — идеальный наркотик для Лав-Вегаса. В этом городе любят пьяниц. Свежее мясо. В общем, нас пропустили через турникеты.

«Цирк-цирк» — это место, где весь бомонд проводил бы субботний вечер, выиграй фашисты войну. Это Шестой рейх. Первый этаж, как и во всех остальных казино, заставлен игорными столами ... но здесь четыре этажа, на манер циркового шатра, и наверху происходят ярмарочно-карнавальная вакханалия. Прямо над игровыми столами под куполом цирка Сорок летящих братьев Карасито исполняют трюки на трапедии вместе с четырьмя Волчицами в намордниках и Шестью Сестричками-Нимфетками из Сан-Диего ... Сидишь ты в главном зале, играешь в двадцать одно, ставки растут, и вдруг смотришь вверх, а там прямо над головой пролетает полуголая четырнадцатилетняя девочка, за ней рычащая волчица, которая внезапно вступает в смертельную схватку с двумя поляками в серебристом трико, которые сигают с противоположным балконов и встречаются в воздухе, хватая волчицу за гриву ... Поляки устремляются вместе со зверюгой вниз, прямо на карточный стол — но отскакивают от сетки; взмывают под купол, разлетаясь в три разные стороны и, едва они снова начинают падать, их подхватывают Корейские кошечки и развозят на трапедии по балконам.

Это безумие повторяется снова и снова, но никто его, кажется, не замечает. В главном зале играют круглые сутки напролет, и цирк никогда не заканчивается. А на всех верхних ярусах, клиентов завлекают самыми нелепыми ярмарочными аттракционами. Сбей выстрелом из ружья накладки с сосков у огромной лесбиянки и получишь козла из сахарной ваты. Встань напротив этой фантастической машины, друг мой, и всего за 99 центов твое изображение высотой в шестьдесят метров появится на экране над центром Лас-Вегаса. Еще девяносто девять центов — и можешь что-нибудь сказать. «Говори что хочешь, приятель. Тебя услышат, не волнуйся. Главное, что ты будешь ростом в шестьдесят метров».

Вот это да. Я представил себе, как лежу в полудреме на кровати в гостинице, гляжу в окно, и вдруг в полночном небе появляется злобная шестидесятиметровая фашистская пьянь и орет на всю округу: «Вудсток?ber Alles!»

Занавесим сегодня на ночь окна. От такого зрелища наркоман может запрыгать по комнате словно пинг-понговый шарик. И так хватает галлюцинаций. Но со временем ты привыкаешь не обращать внимание на своих мертвых бабушек, ползущих у тебя по ноге с ножом в зубах. Всякий любитель кислоты способен справиться с такими вещами.

Но когда любое чучело с долларом и девяносто восемью центами в кармане может зайти в «Цирк-цирк» и внезапно появиться в небе над центром Лас-Вегаса ростом в двенадцать раз выше Бога и прокричать все, что ему взбредет в голову — выдержать такой трип никому не под силу. Нет, этот город не для психоделиков. Здесь слишком кривая реальность.

Хороший мескалин вставляет не сразу. Первый час проходит в ожидании, еще через полчаса начинаешь проклинать ту сволочь, которая тебя кинула, потому что ничего не происходит ... а потом БАЦ! Адская острота ощущений, странное свечение и вибрации ... очень жесткая штука в таком месте, как «Цирк-цирк»

«Мне неприятно об этом говорить, — сказал мой адвокат, когда мы уселись в баре-карусели на втором ярусе, — но это место меня выстегивает. Кажется, меня забирает Страх».

— Чушь, — сказал я. — Мы пришли сюда найти американскую мечту, и теперь, когда мы в самом центре круговорота, ты хочешь свалить. — Я сжал его бицепс, — Пойми же, мы нащупали глав-

ный нерв.

— Я знаю. Оттого и Страшно.

Эфир отпускал, кислота отпустила давно, но мескалин накрывал в полную силу. Мы сидели за маленьким золотистым пластиковым столиком, вращаясь по орбите вокруг бармена.

— Смотри. Две бабы ебут белого медведя.

— Ну, пожалуйста, Не говори мне таких вещей. Не сейчас. — Он жестом попросил официантку принести еще два виски. — Последняя стопка. Сколько ты можешь мне одолжить?

— Не много, а что?

— Мне надо уходить.

— Уходить?

— Да, валить из страны. Сегодня вечером.

— Спокойно, через несколько часов тебя отпустит.

— Нет, я серьезно.

— Джордж Метески тоже был серьезный. И смотри, что с ним сделали.

— Не еби мне мозг! Еще час в этом городе и я кого-нибудь грохну!

Я понял, что он на грани. Та самая страшная острота ощущений на пике мескалинового прихода.

— Ладно, я одолжу тебе денег. Давай выйдем и посмотрим, сколько у нас осталось.

— А мы сможем выйти?

— Ну ... зависит от того, до скольких человек мы доедем по пути отсюда до выхода. Ты хочешь выйти по-тихому?

— Я хочу выйти по-быстрому.

— Ладно, расплавиваемся и медленно встаем. Мы оба удолбаны. Путь будет долгий. — Я крикнул официантку. Она подошла со скучающим видом, адвокат поднялся.

— Тебе платят за случку с медведем? — спросил он.

— Что?

— Это он шутит, — сказал я встряв между ними. — Эй, док, пойдем вниз, поиграем. Я довел его до края карусели, но он не хотел сходить, пока та не остановится.

— Она не остановится, — сказал я. — Она вообще не останавливается. — Я сошел и повернулся, ожидая его, но он застыл на месте ... я не успел его выхватить и он уехал.

— Стой на месте! — крикнул я — Сейчас вернешься по кругу!

Он тупо глядел вперед перекошенными от страха и растерянности глазами. Но не пошевелил и мускулом, пока не сделал круг.

Я дождался, пока он очутился напротив меня и вытянул руку, чтобы его схватить — но он отпрыгнул и поехал по второму кругу. Я сильно занервничал. Я был на грани. Казалось, бармен наблюдает за нами.

Карсон-сити, подумал я. Двадцать лет.

Я залез на карусель, и быстро зашел к нему вдоль барной стойки со спины. Когда мы оказались на нужном месте, я столкнул его. Шатаясь, он побрел по проходу, потерял равновесие и, издав истошный вопль, врезался в толпу ... покатился как бревно, потом резво поднялся на ноги, сжал кулаки и стал высматривать, кого бы ударить.

Я подошел к нему с поднятыми руками, изображая улыбку. «Ты навернулся, — сказал я. — Пойдем».

В этот раз на нас действительно все смотрели. Но этот болван не двинулся с места, а я знал, что будет, если я схвачу его.

— Ладно, стой здесь, за тобой сейчас придут. Я пошел.

Я быстро зашагал к лестнице, не обращая на него внимания.

На него это подействовало.

— Видал? — спросил он, поравнявшись со мной. — Какой-то козел пнул меня в спину.

— Наверно бармен, — сказал я. — За то, что ты сказал официантке.

— Господи! Давай выбираться отсюда. Где лифт?

— К лифту не подходи. Они только этого и ждут ... запрут нас в стальном ящике и спустят в подвал. — Я обернулся, но никто за нами не шел.

— Не беги. Им нужен только повод, чтобы расстрелять нас.

Он кивнул, вроде понял. Мы быстро миновали большую аллею аттракционов: тир, тату-салоны, менялы и сладости, прошли ряд стеклянных дверей и спустились по газону к стоянке, где нас ждала «Большая красная акула».

— Поведешь ты, — сказал он. — Кажется, со мной что-то не то.

7. Параноидальный ужас ... и жуткий призрак содомии ... сверкание ножей и зеленые воды

Доехав до «Минт», я припарковался напротив казино, за углом у автостоянки. Не стоит лезть на рожон в вестибюле. За пьяных мы никак не сойдем. Мы оба перевозбуждены. Повсюду вокруг нас чрезвычайно угрожающие вибрации. Мы кинулись бегом через казино и дальше вверх по эскалатору в конце зала.

До номера мы добрались никого не повстречав — но замок не отпирался. Адвокат отчаянно с ним возился. «Суки, поменяли нам замок, — застонал он. — И наверняка устроили обыск в комнате. Господи, нам конец». Вдруг дверь распахнулась. Мы замерли, потом метнулись внутрь. Всё чисто. «Запри дверь на все засовы», — сказал адвокат. Он разглядывал два ключа от номеров. Подняв ключ с номером 1221 он спросил: «А этот откуда?»

— Номер Ласерды, — сказал я.

Он улыбнулся: «Да, точно. Я решил, пригодится».

— Зачем?

— Давай поднимемся к нему и вытащим его из постели струей из пожарного шланга, — предложил он.

— Нет, лучше к нему не соваться. У меня такое чувство, что он нас почему-то избегает.

— Ты прикалываешься? Этот португальский сукин сын опасен. Он следит за нами как ястреб. — Он искоса посмотрел на меня. — Ты что, с ним сговорился?

— Я позвонил ему, пока ты мыл машину. Он сказал, что сегодня ложится, чтобы завтра быть на старте к рассвету.

Адвокат не слушал. Он издал страдальческий вопль и ударил в стену кулаками.

— Вот козёл! Я знал! Он завладел моей женщиной!

Я рассмеялся: «Та блондиночка со съемочной группой? Думаешь, он отымел ее в задницу?»

— Правильно, смейся! Вы белые все такие. — Он уже успел открыть новую бутылку текилы и пил ее большими глотками. Потом схватил грейпфрут и разрезал его пополам стальным охотничьим ножом с острым как бритва лезвием.

— Откуда у тебя нож? — спросил я.

— Принесли из обслуживания номеров, я попросил. Чтобы резать лаймы.

— Какие лаймы?

— Лаймов не было. Они в пустыне не растут. — Он порезал грейпфрут на четыре части, потом на восемь, потом на шестнадцать ... потом стал кромсать их на ошметки. — Вот козлиная, знал ведь, надо выйти с ним поговорить, пока была возможность. А теперь она с ним.

Я помнил ту девчонку. Несколькими часами ранее у нас с ней в лифте вышел конфуз: мой адвокат свалил дурака.

— Вы, наверно, гонщик — сказала она. — В каком вы классе?

— Классе? Каком нахуй классе?

— На чем вы ездите? — спросила он поспешно улыбнувшись. — Мы снимаем гонку для телевидения, и могли бы вас использовать.

— Меня использовать?

Матерь Божья, подумал я. Началось. В лифте было полно народу, мы поднимались с этажа на этаж очень медленно. Когда мы остановились на третьем, его трясло. Еще пять ...

— Я езжу на больших мотоциклах, — вдруг вскрикнул он, — невьебенных.

Я засмеялся, чтобы разрядить обстановку. «Винсент блек шэдоу, — сказал я. — Мы в заводской команде.

В толпе послышался грубый недовольный ропот. «Херня», — сказал кто-то сзади.

— Минуточку! — крикнул адвокат Потом, повернувшись к девушке: «Простите, мадам, но сюда, кажется, затесался какой-то невежественный ушлепок, который напрашивается, чтобы ему

вскрыли ебало».

Он запустил руку в карман черной синтетической жилетки и повернулся к толпе сзади. «Ну что, пидоры бледножопые, кого тут покоцать?»

Я следил за индикатором этажей. Лифт остановился на седьмом, дверь открылась, но никто не двинулся с места. Мёртвая тишина. Двери закрылись. Восьмой ... В кабине ни звука, ни движения. Только двери начали закрываться, я шагнул вперед и выдернул его за руку. Как раз вовремя. Двери сомкнулись, и лифт поехал на девятый.

«Бегом в номер! — сказал я. — Эти гады вызовут копов!» Забежав за угол, мы оказались у двери номера. Адвокат безудержно хохотал. «Обстремались. Видал? Обстремались. Как крысы в клетке!» Когда мы заперли дверь на засов, он перестал хохотать. «Чёрт! Теперь всё серьёзно. Девчонка поняла. Она в меня влюбилась».

Теперь, по прошествии нескольких часов, он убедил себя, что Ласерда, так называемый фотограф, каким-то образом овладел девчонкой. «Давай поднимемся к нему и кастрируем уёбка, — сказал он, оскалив зубы и выписывая восьмерки своим новым ножом. — Это ты ему сдал ее?»

— Так, — сказал я. — Убери-ка свой ножик подальше и поди протрезвись. Я поставлю машину на стоянку.

Я медленно попятился к двери. За долгие годы общения с наркоманами ты понимаешь, что всё серьёзно. Ты можешь повернуться спиной к человеку, но никогда не поворачивайся спиной к наркотику — особенно если он размахивает острым охотничьим ножом перед твоим лицом.

— Прими душ, — сказал я. — Вернусь через двадцать минут.

Я быстро вышел, заперев дверь на ключ и прихватив с собой украденный моим адвокатом ключ от номера Ласерды. Вот бедняга, думал я по пути к лифту. Его отправили сюда выполнять совершенно нормальное задание: фотографировать гонки мотоциклов и багги в пустыне, а он, сам того не подозревая, очутился в запредельном для его понимания чудовищном мире. Он ни за что не разберется, что тут происходит.

Что мы здесь делаем? В чем смысл это поездки? Неужели меня в самом деле на улице ждет большой красный кабриолет? Катаюсь ли я на эскалаторах гостиницы в каком-то наркотическом угаре или же я приехал в Лас-Вегас, чтобы сделать репортаж?

Я запустил руку в карман: ключ с номером 1850. Хотя что-то реально. Итак, сейчас мне надо поставить машину и вернуться в номер ... а потом хоть как-то прийти в себя, чтобы разобраться с делами, которые возникнут утром.

С эскалатора в казино? Вокруг игорных столов по-прежнему толпы. Кто эти люди? Что за лица? Откуда они? Карикатуры на торговцев подержанными машинами из Далласа. Но они настоящие. И их чертовски много — все еще стоят вокруг игорных столов в городе посреди пустыни и что-то кричат в четыре тридцать утра в воскресенье. Все еще дронят на Американскую Мечту, на образ Большого Выигрыша, вырисовывающегося в предрассветном хаосе затхлого казино.

Большая удача в «Силвер-сити». Обыграй крупье и вернешься домой богачом. Почему бы и нет? Я остановился у «Денежного колеса» и поставил доллар на Томаса Джефферсона ... двухдолларовая банкнота-фрик, как всегда думая, что инстинкт не подведет.

Не тут-то было. Еще два бакса в трубу. Сволочи!

Ну же, успокойся. Научись радоваться и проигрышу. Главное — сделать правдивый репортаж, всё как есть, остальное оставим журналам «Лайф» и «Лук» — по крайней мере пока. Съезжая вниз на эскалаторе, я увидел журналиста «Лайф», скрючившегося в телеграфной будке — он что-то вещал какому-то перевозбужденному роботу в конторской ячейке на том побережье. Вроде того: «Лас-Вегас на рассвете — Гонцики еще спят, пыль еще не осела над пустыней, 50000 призовых покоятся в темном сейфе Дель Уэбба в сказочном отеле «Минт» в самом сердце Центра Казино. Обстановка чрезвычайно напряженная. На месте группа журнала «Лайф» (как всегда в сопровождении отряда полиции...) Пауза. «Да, я сказал полиции. В конце концов, это специальный репортаж для «Лайф»...»

Красная акула стояла напротив казино «Фримонт», где я её и оставил. Я отвёз её в гараж — «машина доктора Гонзо, всё в порядке, если у ваших сотрудников появится свободная минутка — пусть натрут её воском к утру. Да, конечно, запишите в счёт номера».

Когда я вернулся, адвокат был в ванне. Погруженный в маслянистую зеленую воду — раствор каких-то японских солей — он прихватил их в сувенирной лавке гостиницы вместе с новым радиоприемником, теперь включенным в розетку для электробритвы. На полную громкость. Какая-то херня под названием *Three Dog Night* про лягушку Иеремию, желавшую принести «Радость всему миру».

Сначала Леннон, теперь это, подумал я. На очереди стоны Гленна Кемпбелла о том «куда исчезли все цветы?»

И правда, куда? Цветов в этом городе нет. Только плотоядные растения. Я убавил громкость и заметил рядом с приемником комок пожеванной белой бумаги. Адвокат, кажется, не заметил, что стало тише. Он был окутан клубами зеленого пара, над водой виднелось только полголовы.

— Ты всё это сожрал? — спросил я, подняв комок бумаги.

Он меня не замечал. Я так и знал. Следующие шесть часов до него будет не достучаться. Он заточил целую промокашку.

— Гнусный сукин сын, — сказал я. — Молись, чтобы в чемоданчике оказался торазин, иначе завтра тебе придется очень худо.

— Музыка! — зарычал он. — Погромче. Поставь вон ту кассету.

— Какую кассету?

— Новую. Вон там.

Я поднял приемник и заметил, что в нём встроенный магнитофон. Кассету — *Surrealistic Pillow* — нужно было только перевернуть. Он уже прослушал первую сторону — на такой громкости, что слышно, наверно, было во всех номерах через все стены в радиусе сто метров.

— «Белый кролик», — сказал он. — Хочу нарастающий звук.

— Ты обречен, — сказал я. — Через два часа я отсюда сваливаю, а потом сюда придут люди с большими дубинками и выбьют из тебя всё говно. Прямо в ванне.

— Я копаю свои могилы — сказал он. — Зеленая вода и «Белый кролик» ... Поставь, а не то я тебя ...

Из воды взлетела рука с зажатым в кулаке охотничьим ножом.

— Господи, — пробормотал я. В этот момент я понял, что он безнадежен — лежит, обожравшись кислоты, в ванне, размахивает самым острым ножом, что я когда-либо видел, ничего не соображает и требует «Белого кролика». Всё, подумал я, с меня хватит. Больше возиться с этим дегенератом я не намерен. На этот раз он решил убиться по-настоящему. Сам напросился

— Ладно, — я перевернул кассету и нажал воспроизведение, — Но сделай мне напоследок одно одолжение, хорошо? Дай мне два часа. Больше я не прошу — всего-то два часа поспать. Подозреваю, что завтра будет очень тяжелый день.

— Разумеется. Я ведь твой адвокат. Я выделю тебе столько времени, сколько тебе нужно, по обычной ставке: 45 долларов в час, но тебе понадобится подушка, так что положи купюру в сто баксов под радио и пиздуй отсюда.

— Может чеком? Пилозубого национального банка. У тебя его примут без удостоверения личности. Меня там знают.

— Как угодно, — сказал он, начиная подергиваться под музыку. В ванной было как внутри огромного неисправного низкочастотного динамика. Мерзкие вибрации, оглушительный звук. На пол натекло воды. Я положил радио как можно дальше от ванны, насколько хватило провода, вышел и закрыл за собой дверь.

Через пару секунд он заорал: «На помощь! Сука! На помощь!»

Я кинулся обратно, думая, что он случайно откромсал себе ухо.

Однако нет ... он тянулся из ванной к полочке, на которой лежало радио.

— Дай сюда радио, блядь.

Я выхватил у него приемник. «Дурила! Лезь обратно в ванну! Уйди нахуй от радио!» Регулятор громкости был выкручен до предела, невозможно было понять, что играет, если не помнишь «Белого кролика» по нотам ... я тогда помнил и знал, что песня закончилась ... кульминация миновала.

Но адвокат, видимо, пропустил момент. Ему хотелось ещё. «Поставь обратно! — закричал он. — Ещё раз!» Он смотрел невидящими, обезумевшими глазами. Он был на грани какого-то жуткого психического оргазма ...

«Включай! — вопил он. — Чтоб хуячило на полную! А как дойдет до той фантастической ноты, где кролик откусывает себе башку, кидай радио мне прямо в ванну».

Я пристально посмотрел на него, крепко держа приемник. «Только не я, — сказал я наконец. — Я бы с удовольствием захерачил тебе в ванну 440-вольтовый скотопогонщик, но только не радио. От взрыва тобой прошибет стену, через десять секунд тебе пиздец, — я рассмеялся. — Черт, а меня заставят давать показания, потащат на вскрытие, будут допрашивать, как всё было — в мельчайших подробностях. Мне это нахуй не надо».

— Херня! — взревел он. — Скажи им, я хотел вскрыться!

Я задумался. «Ладно, — сказал я наконец. — Ты прав. Пожалуй, это единственный выход». Я занес над ванной радио/магнитофон — он был до сих пор включен в сеть. «Погоди, я проверю, всё ли в порядке, — сказал я. — Ты хочешь, чтобы я бросил эту штуку в ванну на кульминации «Белого кролика», так?»

Он улегся обратно в воду с благодарной улыбкой. «Да, блядь, наконец-то. Я уж думал, придется вылезать и ловить горничную, чтобы поручить это ей».

«Спокойно, — сказал я. — Готов?» Я нажал пуск и «Белый кролик» заиграл снова. Почти сразу он забыл и застонал ... очередной скоростной забег на вершину, с намерением в этот раз всё-таки взлететь. Он крепко зажмурился, из маслянистой зеленой воды торчали только колени и голова.

Пока песня двигалась к кульминации, другой рукой я перебирал жирные спелые грейпфруты, сложенные в кучу рядом с умывальником. Самый большой весил почти килограмм. Я ухватил его покрепче, и когда наступила кульминация песни — метнул его в ванну как пушечное ядро.

Адвокат истошно завопил и забился в ванной, как акула над жертвой, расплескивая воду и пытаясь до чего-то дотянуться.

Я выдернул шнур из радио/магнитофона и мигом выскочил прочь из ванной ... Аппарат продолжал играть, но теперь он питался от своих безопасных батареек. Пока я пересек комнату и подошел к своему чемоданчику, музыка стихла. Я достал газовый баллончик Тут вывалился из ванной мой адвокат, чуть не сорвав дверь с петель. Он смотрел невидящими глазами, но размахивал перед собой ножом как человек, всерьез вознамерившийся что-то порезать.

«Газ! — крикнул я. — Хочешь отведать? — Я помахал баллончиком перед его слезящимися глазами.

Он остановился. «Ссука! — прошипел он. — С тебя ведь станется, так?»

Я рассмеялся, по-прежнему размахивая баллончиком. «Да ладно, тебе понравится. Что может быть лучше прихода от «Мейса» — сорок пять минут на коленях с удушьем и сухом рвотой. Успокойсь в миг».

Он смотрел в мою сторону, пытаясь сосредоточить взгляд. «Подлый бледножопый сукин сын, — пробормотал он. — С тебя ведь станется?»

— А что? Минуту назад ты упрашивал меня убить тебя! А теперь ты хочешь убить меня! Да мне, черт подери, пора уже полицию вызывать!

Он поник. «Копов?»

Я кивнул. «Да, выбора нет. Как я лягу спать, когда ты бродишь рядом в таком состоянии — пережрал кислоты и хочешь покромсать меня на куски этим сраным ножом»

Он закатил глаза, попытался улыбнуться.

«Ну почему сразу покромсать? Я просто хотел вырезать тебе на лбу букву Z — ничего серьезного», — он пожал плечами и потянулся за сигаретной пачкой на телевизоре.

Я снова погрозил ему баллончиком. «Дуй назад в ванну. Закинься красными, попробуй успокоиться. Пыхни травы, вмажься медленным — делай, сука, что хочешь, только дай мне поспать».

Он пожал плечами и рассеяно улыбнулся, будто безоговорочно соглашаясь со всем, что я сказал. «Да, черт возьми, — сказал он с предельно серьезным видом. — Тебе и правда надо поспать. Завтра у тебя много работы».

Он с грустью покачал головой и побрел в ванную. «Вот жопа!» Он помахал мне на прощание.

— Отдыхай. Не хватало еще, чтобы ты из-за меня не спал.

Я кивнул, взглядом проводил его до ванной — он всё еще держал нож в руке, но уже забыл о нём. Кислота в нем сбавила обороты; следующей фазой, скорее всего, будет нечеловечески сильный интроспективный кошмар. Часа четыре кататонического отчаяния, но никакой физической опасности. Только за ним закрылась дверь, я тихонько подставил под дверную ручку тяжелый угловатый стул и

положил газовый баллончик возле будильника.

В комнате стало очень тихо. Я подошёл к телевизору и переключил его на неработающий канал — помехи на полную громкость, отличный фон для сна, мощное неумолкающее шипение глушит все посторонние звуки.

8. «Гении всего мира стоят, держась за руки, и каждое потрясение от узнавания гонит весь хоровод по кругу». Арт Линклеттер

Я живу в тихом местечке, где ночью каждый звук что-то предвещает: резко просыпаешься с мыслью, что там такое?

Обычно ничего, но иногда ... трудно привыкнуть к городу с его ночными звуками. Все они успокаивающе обыденные ... машины, клаксоны, шаги ... не расслабишься; приходится глушить всё помехами из косоглазого телевизора. Зажать переключатель между каналами ... и баиньки....

Не замечать этот кошмар в ванной. Еще один озверевший дезертир Поколения любви, обреченный клоун, который не выдержал и сломался. Мой адвокат так и не смог принять убеждение, часто исповедуемое завязавшими наркоманами — особенно тем, кто отбывает условный срок — будто без наркотиков прет гораздо круче, чем от них.

Как, впрочем, и я. Но однажды я жил по соседству с Доктором, бывшим кислотным гуру, который впоследствии заявил, что ему удалось совершить большой скачок от химического неистовства к сверхъестественному сознанию. В один прекрасный день, еще на заре Великой сан-францисской кислотной волны, я заглянул в гости к Доброму доктору с намерением спросить его, (поскольку он уже тогда был известным авторитетом в психотропных веществах) что он мог бы посоветовать своему соседу, который испытывает здоровое любопытство насчёт ЛСД.

Я оставил машину на дороге и зашагал по гравию подъездной дорожки, остановившись по пути радостно помахать рукой его жене, ушедшей в садовые работы с головой, покрытой огромной широкополой шляпой ... какая идиллия, подумал я: муж сидит дома и варит свой фантастический психоделический отвар, а жена — работает в саду, пропалывает морковь, или чем она там занимается ... и напевает какую-то мелодию — тогда я так и не смог ее узнать.

Мелодия. Как же ... Лишь лет десять спустя я понял, что это были за звуки: подобно Гинсбергу, распевавшего «ом» на суде, — пытался заглушить мантрой мое присутствие. В саду работала не его жена, а сам добрый доктор, а эти напевы — отчаянная попытка изгнать меня из своего расширенного сознания.

Я несколько раз пытался объяснить: что зашел по-соседски за советом насчет приёма ЛСД у себя дома. В конце концов у меня было оружие. И мне нравится стрелять — особенно ночью, когда из ствола вырывается красивое синее пламя, и шум ... и пули, да, пули тоже. Нельзя закрывать на это глаза. Шарики свинца/сплава летят по долине со скоростью до 1125 км/с ...

Но я всегда стрелял в ближайший холм, а если холма не было — в темноту. Я ни в кого не метил, мне просто нравились взрывы. И я никогда не убивал больше, чем мог съесть.

«Убивать»? Я понял, что никогда не смогу растолковать это слово тому существу в саду. Оно вообще когда-нибудь ело мясо? Умеет ли спрягать глагол «охотиться»? Понимает ли, что такое голод? Способно ли понять, что такое 32 доллара в неделю — мой средний доход в тот год?

Нет ... здесь общение невозможно. Но прежде, чем до меня дошло, доктор успел проводить меня своей мантрой обратно до машины и на машине вниз под горку. Забудь об ЛСД, подумал я. Смотри, что оно сделало с этим несчастным.

Так что еще где-то полгода я продержался на траве и роме, а потом перебрался в Сан-Франциско и одним вечером очутился в месте под названием «Филлмор аудиториум». Тут всё и началось. Серый кубик сахара и БУМ! Я снова у доктора в саду. Но не на поверхности, а под землей, пробиваюсь грибом-мутантом сквозь тщательно возделанную почву. Жертва Психоделического Взрыва. Настоящий уличный торчок, жрущий все что попало. Помню, как однажды в «Матрицу» зашел какой-то бродяга с большим рюкзаком за плечами, крича: «Кому Л ... С ... Д ...? Все материалы с собой, нужно только место, где приготовить».

К нему сразу подбежал администратор: «Тихо, тихо, пойдем в кабинет». Больше я никогда его не видел, но прежде, чем его увели, он успел раздать образцы. Большие белые капсулы. Я зашел съесть свою в мужской туалет. Но сначала половинку, подумал я. Здравая мысль, но трудно осуществ-

вимая в тех обстоятельствах. Одну половину я съел, а другую просыпал на рукав своей красной клетчатой рубашки ...И, пока стоял в раздумьях, что с ней делать, зашёл один из музыкантов. «Что случилось?» — спросил он.

«Видишь, — ответил я. — Белый порошок у меня на рукаве — это ЛСД».

Он, ни слова не говоря, хватает меня за руку и начинает её облизывать. Стрёмная картина. Я подумал, а что случится, если вдруг войдет какой-нибудь молодой биржевой брокер/поклонник Кингстон Трио и застучает нас на месте? И хуй с ним. Если повезёт, травма на всю жизнь — теперь он всегда будет думать, что во всех его любимых барах в помещениях за узкой дверью мужики в красных рубашках ловят невероятный кайф от вещей, которые он никогда не узнает. Отважился бы он облизать рукав? Наверное нет. Обойти сторонкой, не высовываться ...

Странные воспоминания этой нервной ночью в Лас-Вегасе. Пять лет прошло? Шесть? Будто целая жизнь, или хотя бы Главная Эпоха — золотой век, пик, который никогда не повторится. Сан-Франциско в середине шестидесятых — особое время, особое место. Может быть, это что-то значило. Может и нет, в конечном счете ... но никак не передать — ни словами ни музыкой — и не забыть то чувство причастности, биения жизни на том отрезке времени в том уголке мира. Что бы это ни значило

Трудно знать историю — всякий продажный сброд постарался — но даже без «истории» кажется вполне закономерным, что время от времени накопленная энергия целого поколения вдруг вырывается ярким красивым пламенем. Почему — никто не в силах понять тогда и объяснить потом.

Ядро моих воспоминаний о том времени — одна или пять или сорок ночей — или предрассветных часов, когда я, едва соображая, выезжал из «Филмора» и ехал не домой, а гнал свой большой мотоцикл 650 Лайтнинг через Бэй-бридж на скорости 150, в шортах и ковбойской куртке ... мчался по туннелю Трежер-айленд к огням Окленда, Беркли и Ричмонда, не зная еще, куда свернуть на выезде (я всегда гложу на турникете, не в состоянии нащупать нейтралку, одновременно копясь в поисках мелочи) но будучи совершенно уверен: куда бы я ни взял путь, везде меня встретят люди такие же веселые и безумные, как я ... в этом сомневаться не приходилось.

Безумие царило повсеместно, ежедневно и всеобщно. Если не на ту сторону залива, то по мосту Золотые ворота или по шоссе 101 в Лос-Альтос или Ла-Хонду. Куда ни попади, выбьешь искру. Мы были во власти фантастического всеобщего чувства своей безоговорочной правоты, грядущей победы ...

Да, пожалуй, вот в чём было дело: чувство неизбежной победы над силами Старого Порядка и Зла. Не агрессивной, военной победы; она нам была ни к чему. Мы верили, что просто возобладает наша энергия. Борьба бессмысленно — ни на их, ни на нашей стороне. Мы набрали полную скорость, мы взлетали на гребне прекрасной волны

Не прошло и пяти лет, и сегодня можно взобраться в Лас-Вегасе на вершину холма и посмотреть на запад, и, если умеешь видеть, то перед взором замаячит уровень полной воды — там, где волна наконец разбилась и отхлынула вспять.

9. Никакого сочувствия к дьяволу ... Пытки журналистов? ... Бегство сквозь безумие

Решение бежать пришло внезапно. А может и нет. Может, я всю дорогу его планировал — подсознательно выжидал верного момента. Пожалуй, счёт сыграл свою роль. Мне нечем было его оплатить. И я не собирался выкидывать номер с переводными векселями. Особенно после того, как я имел неосторожность связаться с Сидни Зайном, когда у меня отозвали «Америкэн экспресс», и теперь эти сволочи подали на меня в суд — вместе с «Дайнерс клуб» и Внутренней налоговой службой....

Кроме того, за всё отвечает журнал. Мой адвокат об этом позаботился. Мы ничего не подписывали, только счета за обслуживание в номере. Сколько всего набежало, мы так и не узнали, но прямо перед отъездом адвокат посчитал, что выходило где-то по 29—36 долларов в час, за двое суток.

— Вот это да, — сказал я. — Как так получилось?

Ответить на этот вопрос было некому. Адвокат уже уехал.

Он наверняка почуял неладное. Вечером в понедельник он заказал в номер набор чемоданов из тонкой воловьей кожи, и заявил мне, что у него забронировано место на ближайший рейс до Лос-Анджелеса. Придется поторопиться, сказал он, и по пути в аэропорт стрельнул у меня 25 долларов на

билет.

Я проводил его, а на обратной дороге зашёл в сувенирную лавку и спустил все оставшиеся деньги на всякий хлам: пластмассовые зажигалки «Зиппо» со встроенным рулеточным колесом за 6.95\$, 50-центовые фишки с портретом Кеннеди, жестяные банки для костей в виде обезьян по 7.50\$... Я собрал всё это в кучу и свалил на заднее сиденье Затем с достоинством уселся на водительское место (крыша была, как всегда, откинута), включил радио и задумался.

Как поступил бы в такой ситуации Хорацио Эджер?

«Одна затяжка и вперед ... »

Паника. Она поползла по позвоночнику, как бывает в начале кислотного прихода. На меня вдруг обрушилось ясное осознание пугающей действительности: я один в Лас-Вегасе, на баснословно дорогой машине, в полном неадеквате, адвокат улетел, деньги кончились, статью для журнала я не написал и поверх всего — невъебенный гостиничный счёт. Мы поназаказывали в номер все, что способны унести человеческие руки; среди прочего — шестьсот кусков прозрачного мыла «Ньютроджина».

Оно валялось по всей машине: на полу, на сиденьях, в бардачке. Мой адвокат договорился с метисками-горничными на нашем этаже, чтобы те нам его приносили — шестьсот кусков непонятной прозрачной херни — и теперь это всё моё.

Ещё мне достался пластмассовый портфель: я внезапно заметил его справа на переднем сиденье. Я поднял его и сразу догадался, что лежит внутри. Ни один самоанский адвокат в здравом уме и твердой памяти не пойдёт через металлодетектор коммерческой авиалинии с огромным «Магнумом» в кармане

Он оставил его мне, чтобы я потом ему его вернул — если сам вернусь в Лос-Анджелес. Если ... я живо представил себе беседу с полицейским из дорожного патруля Калифорнии.

Что? Какой пистолет?? Этот заряженный, незарегистрированный, в скрытном ношении, возможно, находящийся в розыске «Магнум-357»? Как он у меня оказался? Видите ли, по совету своего адвоката, который впоследствии исчез, я свернул с дороги у Мескаль-Спрингс, и пока я безо всякой цели бродил по этому оазису, вдруг откуда ни возьмись передо мной появился маленький бородастый тип — в одной руке линолеумный нож, в другой огромный чёрный пистолет ... он предложил вырезать мне на лбу большую букву X, на память о лейтенанте Кэлли, ... но когда я сказал ему, что я доктор журналистики, он резко передумал. Да, вы конечно не поверите, но он вдруг швырнул нож в солёные мескалевые воды у наших ног, а потом дал мне этот револьвер. Именно так, вручил мне его рукояткой вперед, а потом убежал во тьму.

Вот откуда у меня этот пистолет. Верите?

Нет.

Но я не собирался его выбрасывать, вот еще. В наши дни хороший «Магнум» не так-то просто достать.

Короче, довезу его до Малибу, и он мой. Рисковал я — пистолет мой: всё правильно. А если самоанская свинья припрётся ко мне домой и поднимет визг — получит из этого пистолета пулю в берцовую кость. Да. 158 гранов свинца и сплава, помноженные на скорость 500 метров в секунду дают двадцать килограмм самоанского мяса вперемешку с обломками костей. А что?

Бред, бред ... а тем временем я в полном одиночестве сижу в Красной акуле на стоянке в аэропорту Лас-Вегаса. К черту панику. Собраться. Продержаться. Следующие сутки самое главное — сохранить самообладание. Один посреди ебучей пустыни, в гнезде вооруженных психопатов, в машине, полной опасностей, страхов и долгов, которые я должен довести до Лос-Анджелеса. Потому что если меня возьмут здесь, я обречен. Мне пиздец. Без вариантов. Для доктора журналистики на должности главного редактора тюремной газеты нет будущего. Катить из этого штата-атавизма, да побыстрее. Да. Но сперва — обратно в гостиницу, обналичить чек на 50 баксов, подняться в номер, заказать два клубных сэндвича, два литра молока, кофейник и 0,75 «Бакарди аньехо».

Без рома сегодня ночью не обойтись — надо почистить записи, этот позорный дневник ... всю ночь напролёт крутить на полной громкости магнитофон: «Allow me to introduce myself. I'm a man of wealth and taste...»

Сочувствие?

Только не ко мне. Лас-Вегас не пощадит преступника и наркомана. Здесь как в армии, действует

акуля мораль: пожирай раненых. В закрытом обществе, где виновен каждый, единственное преступление — попасться. В мире воров единственный смертный грех — глупость.

Дикое ощущение — сидеть в четыре утра в гостинице Лас-Вегаса, склонившись над блокнотом и диктофоном в люксе за 75 долларов в сутки и с баснословным счётом за обслуживание, набежавшим за двое суток крошечного безумия, зная, что на рассвете ты сбежишь, не заплатив не единого цента ... гулками шагами преодолев вестибюль, вызвать из гаража свой красный кабриолет и стоять и ждать с полным чемоданом травы и оружия ... пытаюсь выглядеть непринужденно, просматривать первый утренний номер местной газеты «Сан».

Это последний шаг. Несколько часами ранее я уже отнес все грейпфруты и прочий багаж в машину.

Оставалось только избежать западни: Да, вести себя чрезвычайно естественно, спрятать бешеные глаза за зеркальными стеклами очков ... дожждаться, пока пригонят Акулу. Кстати, где она? Я отдал злобному парковщику-сутенеру пять долларов, крайне уместное капиталовложение.

Спокойно, читаем газету. Вверху страницы кричащий синий заголовок:

Троица снова под арестом в связи со смертью красавицы

Как сообщили в морге округа Кларк, причиной смерти 19-летней красавицы Дианы Хэмби, чей труп был обнаружен на прошлой неделе в холодильнике, стала передозировка героином... Окружная бригада по расследованию убийств задержала подозреваемых, одна из которых, 24-летняя женщина попыталась выпрыгнуть через стеклянную дверь своего трейлера, но была остановлена стражами порядка. По словам полицейских, женщина билась в истерике и кричала: «Живой меня не возьмете». Однако полицейские надели на неё наручники, и никто не пострадал

Американские солдаты гибнут от наркотиков

Вашингтон (АП) — Согласно докладу подкомитета Палаты представителей, в прошлом году из-за передозировки наркотиков погибло 160 американских военнослужащих, из них 40 во Вьетнаме ... Также предполагается, что наркотики вызвали смерть еще 56 солдат в Азии и на Тихом океане ... В докладе подчеркивается, что проблема героина во Вьетнаме приобретает всё более угрожающие масштабы из-за лабораторий в Лаосе, Таиланде и Гонконге. «Борьба с наркотиками во Вьетнаме фактически безрезультатна, — утверждают авторы доклада, — как из-за некомпетентности местных правоохранительных органов, так и по вине неустановленных пока лиц в аппарате правительства, вовлеченных в наркоторговлю».

Слева от этой мрачной заметки по центру страницы красовалась фотография на четыре колонки: полицейские в Вашингтоне в схватке с «юными пацифистами, устроившими сидячую забастовку и загородившими вход в Центральную призывную комиссию».

Рядом с фотографией жирный чёрный заголовок:

«На суде всплывают рассказы о пытках на войне»

Вашингтон — Вчера добровольные свидетели рассказали неофициальной комиссии конгресса о том, что при исполнении должностных обязанностей в ходе допросов вьетнамских военнопленных они постоянно пытали их электричеством и сбрасывали их с вертолетов. Младший сержант разведки сухопутных войск признался, что застрелил свою китайскую переводчицу, на что его начальник ответил: «Ничего, она ж косоглазая», имея в виду, что та была азиаткой

Прямо под этой заметкой был заголовок: «Пять человек ранено в трущобах Нью-Йорка» ... неизвестным злоумышленником открывшим огонь с крыши здания, причины неизвестны. Сверху ещё один: «Арестован владелец аптеки» ... «в результате», как пояснялось в статье, «предварительного расследования (в аптеке Лас-Вегаса), выявившего недостачу свыше 100 тысяч таблеток препарата, запрещенного к свободной продаже ... »

По прочтении первой полосы мне стало намного лучше. На фоне этих гнусностей мои преступления выглядели блекло и ничтожно. Я был сравнительно приличный гражданин — пусть много-

кратно преступивший закон, зато не опасный. Что непременно отразится на счёте, когда Большой Судья подведет итоги моей игры.

Или нет? Я перевернул газету на спортивную страницы и увидел короткую заметку о Мохаммеде Али; Верховный суд рассматривал его последнюю апелляцию. Его приговорили к пяти годам за отказ убивать «косоглазых».

«А чо, я против вьетконговцев ничо не имею», — сказал он.

Пять лет.

10. Вмешательство «Вестерн юнион»: предупреждение от мистера Хима ... Новое задание от спортивного отдела и беспощадное приглашение от полиции

Я снова ощутил себя виновным. Акула! Где она? Я отбросил газету и зашагал туда-сюда. Теряя самообладание. Я почувствовал, как рушится весь мой план ... и тут заметил, что из ближайшего гаража по пандусу выезжает машина.

Свобода! Я схватил свой кожаный рюкзак и шагнул навстречу своим колесам.

— Мистер Дюк!

Голос прозвучал за спиной.

— Мистер Дюк! Мы вас искали!

Я чуть не рухнул на тротуар. Каждая клетка мозга и тела обмякла ... Нет! Подумал я. Это галлюцинации. Там никого нет, меня никто не зовёт, это параноидальная галлюцинация, амфетаминовый психоз ... Продолжаем шагать к машине и улыбаться ...

— МИСТЕР ДЮК! Пойдите!

Мда... а что? В тюрьме написано немало хороших книг. К тому же в Карсон-сити я не буду чужим. Меня узнают директор и пахан: я однажды брал у них интервью для «Нью-Йорк таймс». А также у многих зеков, охранников, копов, которые потом рассердились и стали угрожать мне по почте, потому что статья так и не вышла.

Почему нет, спрашивали они. Они хотели поведать миру свои истории. Но как им объяснишь, что все их рассказы оказались в мусорной корзине или навсегда осели в архиве, потому что первые несколько абзацев не угодили какому-то нью-йоркскому редактору — нервному трутню, сидящему за серым пластиковым столом в недрах журналистской бюрократии, чьих тонкостей не понять ни одному невадскому зеку — и статья погибла на корню, потому что я отказался переписать вступление. По своим соображениям ...

Ни одно из которых не прокатило бы в тюремном дворе. Да и какого чёрта? К чему подробности? Я повернулся к своему обвинителю, невысокому молодому клерку с широкой улыбкой на лице и жёлтым конвертом в руке.

— Я звонил вам в номер, — сказал он. — А потом заметил вас на улице.

Я кивнул, уже не в силах сопротивляться. Теперь Акула стояла рядом, но я даже не видел смысла класть туда сумку. Доигрался. Приехали.

Клерк по-прежнему улыбался: «Вам только что пришла телеграмма. То есть, как бы не вам. Она на имя Томпсона, но написано «вручить Раулю Дюку». Вы понимаете, о чем речь?»

У меня закружилась голова. Слишком много всего и сразу. Свобода, тюрьма, потом снова свобода — и всё за полминуты. Я пошатнулся назад и облокотился на машину, ощупывая дрожащей рукой складки белой брезентовой крыши. Клерк, по-прежнему улыбаясь, тыкал в меня телеграммой.

Я кивнул, не в силах сказать ни слова. «Да, — наконец выговорил я. — Понимаю». Я взял конверт и вскрыл его:

Молния хантеру томпсону через рауля дюка номер люкс 1850 гостиница минт лас-вегас звони мне немедленно повторяю немедленно новое задание с завтрашнего дня тоже лас-вегас не уезжай тчк национальная конференция окружных прокуроров приглашает на четвертый семинар по наркотикам и психотропным веществам в гостинице дюны тчк звонили из роллинг стоун нужна статья 50 тысяч слов большой гонорар все расходы оплачены включая образцы тчк заказаны номера в гостинице фламинго и белый кадиллак тчк всё готово подробности по телефону звони немедленно срочно повторяю срочно *доктор гонзо*

— Охуеть! — пробормотал я — Не может быть!

— Хотите сказать, это не вам? — клерк вдруг занервничал. — Я посмотрел Томпсона в книге постояльцев. Его там нет, но я решил, что он работает с вами.

— Так и есть, — выпали я. — Не волнуйтесь, я ему передам.

Я закинул сумку на переднее сиденье, намереваясь уехать, пока не истекла отсрочка приговора. Но клерк не унимался.

— А что с доктором Гонзо?

Я уставился на него, предоставив ему возможность полюбоваться своим отражением в зеркальных стеклах очков.

— С ним всё в порядке. Но у него скверный нрав. Доктор ведёт все наши дела, вся финансовая отчетность на нём.

Я быстро уселся в машину и приготовился отчаливать. Клерк засунул голову внутрь.

— Нас смутило то, что на этой телеграмме из Лос-Анджелеса стоит его подпись, а по нашим данным он должен быть в гостинице, — он пожал плечами. — Кроме того, телеграмма адресована постояльцу, который у нас не записан ... так что задержки было не избежать. Я надеюсь, вы понимаете ...

Я кивнул, желая побыстрее свалить: «Вы поступили правильно. Никогда не пытайтесь разобраться в журналистских телеграммах. В половине случаев мы шифруем сообщения, особенно с доктором Гонзо».

Он снова улыбнулся, но в этот раз какой-то странно: «Скажите, а когда доктор проснётся?»

Я напрягся: «Проснётся? То есть?» Он замаялся.

— В общем, управляющий, мистер Хим, хотел бы с ним побеседовать, — Теперь его улыбка определенно превратилась в злобную ухмылку. — Ничего такого. Мистер Хим всегда лично знакомится с постояльцами с крупным счетом ... там просто поболтать, пожать руку, ну вы понимаете.

— Разумеется, — ответил я. — Но на вашем месте я бы не стал беспокоить доктора, пока он не позавтракает. Он очень грубый человек.

Клерк осторожно кивнул.

— Но сегодня он выкроит время? Ближе к обеду?

Я понял, куда он клонит.

— Послушайте, в телеграмме всё наоборот. Она от Томпсона, а не для него. В «Вестерн юнион» видимо напутали.

Я сунул ему в лицо телеграмму, зная, что он её уже прочёл.

— На самом деле, это срочное сообщение доктору Гонзо, который сейчас наверху, о том что Томпсон едет из Лос-Анджелеса на новое задание, — Я помахал телеграммой, отгоняя его от машины. — До свидания, мне нужно на трассу.

Он отошел, а я включил первую передачу. «Спешить некуда, — крикнул он вслед. — Гонка уже закончилась»

— Только не для меня, — я дружески махнул ему рукой.

— Звоните если что! — крикнул он, пока я выезжал на дорогу.

— Обязательно! — крикнул я в ответ.

Я влился в транспортный поток. Проехав несколько кварталов по Главной улице не в том направлении, я развернулся и направился на юг, в сторону Лос-Анджелеса. Но размеренно и неторопливо. Спокойно, главное выехать за пределы города

Надо свернуть с дороги, где меня никто не увидит, постоять и подумать над телеграммой от моего адвоката. Телеграмма настоящая, в этом я был уверен. В ее тоне явственно проступала неподдельная срочность, здесь ошибиться было нельзя ...

Но я был ни в настроении, ни состоянии оставаться в Лас-Вегасе еще на неделю. Только не сейчас. Нельзя столько искушать судьбу в этом городе ... а я дошёл до края. Теперь ко мне со всех сторон подбирались мерзкие хищные твари; я уже чуял их запах.

Да, определенно пора уезжать. Мои шансы здесь упали до нуля.

Теперь, без спешки двигаясь по бульвару Лас-Вегаса со скоростью 50 км/ч, я мечтал о местечке, где бы отдохнуть и оформить решение. Оно, разумеется, уже было принято, но мне требовалась кружка-другая пива, чтобы обмыть сделку и заглушить один мятежный нерв, проводивший дурные вибрации

Придется с ним разобраться. Потому что всё-таки был кое-какой довод в пользу того, чтобы остаться. Предательский, глупый и безумный во всех отношениях — но нельзя было не увидеть извращенную иронию препохабнейшей картины: гонзо-журналист, на, возможно, последней стадии наркотического психоза приглашается на освещение Конференции окружных прокуроров по наркотикам и психотропным веществам.

Ещё нездоровым блеском светилась мысль жестоко кинуть один отель в Лас-Вегасе, но не бежать обреченно от возмездия в Лос-Анджелес, а прокатиться по городу, поменять красный «Шевроле» на белый «Кадиллак», поселиться за счет журнала в другом отеле и затесаться в толпу полицейских со всей Америки, пока они будут втирать друг другу про Проблему Наркотиков.

Опасное безумие, но именно такую затею поддержал бы настоящий знаток работы на грани. Ибо где в последнюю очередь будет местная полиция искать наркомана и мошенника, только что выставившего на деньги отель в центре города?

Правильно, на Конференции окружных прокуроров по борьбе с наркотиками в фешенебельном отеле на центральном проспекте ... у «Дворца Цезаря» в сверкающем «Куп де вилле» ... на вечеринке для наркоагентов и их жён в «Дюнах».

В самом деле, лучше места не найти. Но только не мне. И уж точно не моему адвокату — очень заметный человек. По одиночке, у нас бы, может, и получилось. Но вместе никак, мы спалимся. Слишком много взрывоопасных реактивов в этой комбинации; искушение учинить жесть и ахуй окажется непосильным.

И тогда, конечно, нам конец. Никто не даст нам пощады. Проникнуть под прикрытием в стан агентов, работающих под прикрытием, значит принять правила игры всех шпионов: «Как всегда, если вы или любой другой сотрудник организации попадет в руки противнику, министр будет отрицать всякую связь ... и т. д. и т. п.»

Нет, это уж слишком. Граница между безумием и мазохизмом начала расплываться; пора возвращаться ... заняться делами, взять тайм-аут, отсрочить приговор ... как угодно.

А что? Время выходить из игры приходит рано или поздно: а уж подсчитывать убытки или выигрыш — это как повезёт.

Я ехал неспеша, выискивая подходящее место, где с утра пораньше можно посидеть за кружкой пивка и собраться с мыслями ... Спланировать это противоестественное отступление.

11. ААААА, Мама, неужели это конец? ... На дне Лас-Вегаса; снова амфетаминовый психоз?

Вторник, девять утра ... Сейчас, сидя в кафе «У дикого Билла» на окраине Лас-Вегаса, я всё понял. Дорога в Лос-Анджелес только одна — автострада 15, прямая трасса без проселков и объездных путей — скоростной заезд через Бейкер, Барстоу и Берду, затем выезжаю на Голливудское шоссе и напрямик в безумие и забвение: безопасность и анонимность, ещё один фрик в Царстве фриков.

Но пока ближайшие пять-шесть часов я буду заметной мишенью на этой поганой дороге — единственный красный кабриолет между Монтаной и Тихуаной ... мчащий по пустынному шоссе под управлением полуголого деревенщины, которого с распростертыми объятьями ждут в дурдоме. Что лучше — надеть лилово-зеленую гавайскую рубашку или не надевать ничего?

В этой чудовищной машине не спрятаться.

Невесёлая предстоит поездка. Даже бог солнца отвернулся. Скрылся за тучи впервые за три дня. Солнца нет вообще. Небо серое и скверное.

Въезжая на автостоянку «Дикого Билла», которую так просто не найдешь, я услышал рёв над головой и, задрвав голову, увидел, как в километре над шоссе, оставляя за собой дымный след, взлетает большой серебристый ДС-8. Интересно, Ласерда на борту? А репортер «Лайф»? Есть ли у них все нужные снимки? Все факты? Выполнили ли свои обязанности?

Я даже не знал, кто выиграл гонку. Может, никто. Может, всё зрелище досрочно завершилось чудовищным побоищем, вакханалией бессмысленного насилия, вспыхнувшего по вине пьяных ублюдков, которые не хотели соблюдать правила.

Я решил заполнить этот пробел в своих знаниях при ближайшей возможности: купить номер «Лос-Анджелес таймс» и отрыть в спортивном разделе заметку о «Минт-400». Взять подробности, написать свой текст. Даже В Бегах, во власти нещуточного Страха ...

Я знал, что Ласерда в том самолете — летит домой в Нью-Йорк. Вчера вечером он сказал, что

собирается успеть на первый рейс.

Он улетает ... а я остаюсь, один, без адвоката, в таверне «У Дикого Билла», нервно попивая «Будвайзер» сижу сутулясь на красной табуретке в баре, просыпающемся от раннего утреннего наплыва сутенеров и пинбольных маньяков ... а на улице меня ждёт огромная Красная акула, доверху забитая уликами, так что я даже боюсь на нее посмотреть.

Но тачку я бросить не могу. Единственная надежда — преодолеть на ней пятьсот километров по открытой местности, что лежат между мной и Убежищем. Но, Боже, как же я устал! Я боюсь. Я спятил. Местная культура меня одолела. Хули я здесь делаю? Пишу совсем не то, что от меня требуется. Адвокат ведь меня предупреждал. Всё предвещало беду — особенно тот злобный карла с розовым телефоном в баре «Поло». Надо было оставаться там ... всё лучше, чем здесь.

ААААААА ... Мама

Неужели это конец?

Нет!

Чья это песня? Неужели я правда только что слышал эту херню из музыкального автомата? В 9:19 мерзким серым утром в таверне «У Дикого Билла»?

Нет. Послышалось — эхо, блуждающее по закоулкам памяти о том мучительном рассвете в Торонто ... так давно, на грани потери рассудка в другом мире ... но всё, как сейчас.

НА ПОМОЩЬ!

Сколько еще ночей и жутких утренних часов будет тянуться этот невыносимый бред? Сколько еще этого обреченного безумия выдержат тело и мозг? Скрежет зубов, пот градом, кровь гулко стучит в висках ... разбухшие синие вены перед ушами, четверо суток без сна ...

А вот теперь заиграл автомат! Да, никаких сомнений ... а что? Очень популярная песня: «Как мост над бурными водами ... я улягусь ...»

БУМ! Вспышка паранойи. Какая ебнутая сволочь поставила эту песню сейчас, в такой момент? Знает ли барменша, кто я? Видит ли меня за зеркальными стеклами?

Все бармены вероломны, но эта — угрюмая толстая тётка в гавайском платье и рабочем комбинезоне ... наверно, жена Дикого Билла.

Боже, тёмные волны паранойи, безумия, страха и ненависти — в этом месте невыносимые вибрации. Прочь отсюда. Бежать ... и вдруг меня осеняет — последняя вспышка угасающего разума, перед тем, как он окончательно и бесповоротно померкнет — срок пребывания в гостинице истекает только в полдень ... что дает мне самое малое два часа законного времени, прежде чем я стану беглым преступником в глаза закона, чтобы на предельно разрешенной скорости покинуть этот проклятый штат.

Сказочная удача. Когда раздастся тревога, я буду мчать сломя голову где-то между Нидлс и Долиной смерти — продавив педаль газа сквозь пол и грозя кулаком Ефрему Цимбалисту, пикирующему на меня в фэбээровском вертолете.

БЕГИ, ВСЁ РАВНО НЕ СПРЯЧЕШЬСЯ

Пошёл ты в жопу, Ефрем, к тебе это тоже относится.

Вы с гостиничным персоналом можете спокойно полагать, что я до сих пор в номере 1850 — юридически и духовно, хоть и не физически — с табличкой «Не беспокоить», на двери — чтобы не беспокоили. Ни одна горничная и близко не подойдет, пока на ручке висит эта табличка. Мой адвокат договорился об этом, как он договорился и насчёт 600 кусков мыла «Ньютроджина», которыми завалена Большая красная акула и которые я должен доставить в Малибу. Что на это скажет ФБР? Всё совершенно законно. Горничные подарили нам это мыло. Они подтвердят это под присягой ... Или не подтвердят?

Конечно нет. Подлые горничные поклянутся, что им пришлось отдать всё мыло двум вооруженным до зубов буйнопомешанным, которые вымогали его у них, угрожая «Винсентом блек шэдоу».

Господи, мать твою, Иисусе! Есть в этой таверне священник? Я хочу исповедаться! Я грешен, пиздец как грешен! Грешник я подлый, смертный, плотский, крупный, мелкий — как ни назови, Господи ... Я виновен.

Но сделай мне одно последнее одолжение: дай мне пять часов быстрой езды, прежде чем опустишь на меня карающий меч; проведи меня через пустыню и избавь от проклятой машины.

Чёрт тебя побери, не так уж и много я прошу, Господи, ибо истина, главная, невероятная истина

в том, что я не виновен. Я ничего не делал, только принял твой бред всерьёз ... и видишь, до чего это меня довело? Мои первобытные христианские инстинкты сделали из меня преступника.

Помню, пока пробирался через казино в шесть утра с чемоданом, полным грейпфрутов и сувенирных футболок «Минт-400», то твердил себе снова и снова: «Ты не виновен». Это лишь маневр, чтобы избежать неприятной сцены. В конце концов, я не подписывал обязательных соглашений; весь долг лежит *на организации* — ничего личного. Весь этот кошмар — вина сраного безответственного журнала. Какого-то болвана из Нью-Йорка. Это его затея, Господи, не моя.

А теперь взгляни на меня: растеряв от страха разум, я со скоростью под двести несусь по Долине смерти на машине, которую я даже никогда не хотел. Злобный подлец! Твоих рук дело! Господи, тебе лучше позаботиться обо мне ... иначе будешь за меня отвечать.

12. Адская скорость ... поединок с калифорнийским дорожным патрульным на шоссе 61

Вторник, 12:30 ... Бейкер, штат Калифорния ... Перешёл на «Баллантайн эль», пьяный в хлам и на нервах. Знакомое чувство: три-четыре дня пьянки, наркоты, солнца, бессонницы, выжженные запасы адреналина дают зыбкий, полуобморочный кайф, означающий, что скоро ты срубишься. Но когда? Сколько еще мне осталось? Это напряжение — тоже часть кайфа. Физический и умственный коллапс близок как никогда ...

... но коллапс исключён; это не решение, даже не дешёвая альтернатива, это просто не приемлемо, и точка. Вот он, момент истины, тонкая судьбоносная линия между контролем и катастрофой — а также выбор: марафоны на вольных улицах или пять лет баскетбола по утрам во дворе Карсон-Сити.

Помни, нет сочувствия к дьяволу. Купи билет, прокатись ... а если вдруг становится чуть жестче, чем ты рассчитывал ... спишем на форсированное «расширение сознания»: настройся, вскройся, огреби. Всё, как в Библии Кизи ... Дальняя Сторона Реальности.

Всё, хватит бредить; даже Кизи мне теперь не поможет. Только что меня дважды сильно встряхнуло: сначала патрульный, потом призрак автостопщика — кажется, это был тот самый ... или всё-таки кажется — и сейчас, на грани тяжелого психоза, я сижу с диктофоном в «пивном баре» (на самом деле подсобка огромного магазина скобяных товаров — всевозможные плуги, упряжи и горы мешков с удобрением) и размышляю, как так вышло.

В пяти милях отсюда я нарвался на дорожного патрульного. Ни притормозил, ни свернул на обочину как положено. Я всегда езжу аккуратно; пусть слегка превышая скорость, зато уверенно и ни на миг не теряя врожденного чувства дороги, что признают даже копы. Не родился ещё тот коп, что не поведется на превосходно исполненный управляемый занос по всей петле развязки на автостраде.

Мало кто знает психологию общения с дорожным патрульным. Обычный превысивший гражданин, завидев сзади большую красную сирену, запаникует и сразу съедет на обочину ... рассыплется в извинениях, взмолит о пощаде.

Это неправильно. Это вызывает презрение в душе копа. Нужно делать так: когда на скорости за 160 км/ч ты вдруг замечаешь у себя на хвосте патрульную машину с красной сиреной, жми на газ. Никогда не тормози при первом же звуке сирены. Дави на педаль и пусть гад погонится за тобой под 190 до следующего съезда, никуда он не денется. Но его озадачит твой мигающий правый поворотник.

Этим ты показываешь ему, что ищешь подходящее место, чтобы остановиться и поговорить ... Не выключай поворотник и жди съезда с шоссе, петли вверх со знаком «максимальная скорость — 40 км/ч» ... И здесь фокус в том, чтобы внезапно уйти с трассы и повести его за собой на скорости не меньше сотни.

Он затормозит одновременно с тобой, но не сразу поймет, что на такой скорости его развернёт на 180 ... а ты готов к перегрузкам и молниеносной работе ногами с педалями, и, если удача не повернулась к тебе задом, ты остановишься на вершине поворота и, пока он к тебе подъедет, будешь уже стоять у машины.

Сначала он будет разъярен — неважно. Пусть остынет. Он захочет высказаться первым. Пусть выскажется. Его мозг кипит; он может сорваться и захлебнуться в потоке ругательств, даже выхватить пистолет. Пусть выдохнется; улыбайся. Смысл в том, чтобы показать ему: ты, в отличие от него, ни на миг не потерял ни самообладания, ни управления.

А когда он успокоится и потребует права — вот тут полезно иметь в бумажнике полицейский/репортерский значок. У меня был такой значок, но еще у меня в руке оказалась банка «Будвайзера». До того момента я даже не сознавал, что держу её. Я чувствовал себя на высоте положения ... но когда заметил эту серебристо-красную улику у себя в руке, то понял, что мне пиздец ...

Одно дело — превышение скорости, но Вождение в Нетрезвом Виде — совсем другое. Коп, кажется, догадался: забыв о банке с пивом, я запорол весь свой трюк.

Выражение лица его смягчилось, он даже улыбнулся. Я улыбнулся в ответ. Потому, что в тот момент мы оба поняли: мой смертельный номер с головокружительной погоней с треском провалился — мы чуть не заставили друг друга наложить в штаны вообще ни за что — потому что банка пива в моей руке делала дальнейшие препирательства о «превышении скорости» неуместными.

Левой рукой он взял открытый бумажник, правую протянул за банкой.

— Разрешите?

— Отчего ж ...

Он взял банку, приподнял ее и вылил пиво на дорогу.

Я безразлично ухмыльнулся: «Всё равно нагрелось». За моей спиной, на заднем сидении Акулы красовалась горка из десятка банок горячего «Будвайзера» и дюжины грейпфрутов. Я совсем о ней забыл, но сейчас ни я, ни он не могли их не заметить. Вопиющая очевидность моей вины не оставляла места для оправданий.

Коп это понял.

— Вы сознаете, — начал он. — что нарушили ...

— Да, — ответил я. — Я знаю. Я виновен. Я понимаю. Я знал, что это преступление, но всё равно его совершил. — Я пожал плечами. — Да что тут спорить? Я преступник.

— Странное отношение, — сказал он.

Я уставился на него и впервые заметил, что передо мной стоит молодой парень с ясным взглядом лет тридцати, которому явно нравится его работа.

— Сдается мне, вам надо поспать. Вон там, — он кивнул, — есть зона отдыха. Вы бы туда заехать и отдохнуть несколько часов.

Я сразу понял, что он хочет мне сказать, но по какой-то идиотской причине покачал головой: «Несколько часов не помогут, я слишком долго не спал — три-четыре ночи, даже не помню точно. Если засну сейчас, вырублюсь часов на двадцать».

Боже мой, что я сморозил? Он же пытается со мной по-человечески, он может посадить меня в тюрьму, но вместо этого советует мне поспать. Ради бога, соглашайся с ним: «Да, сэр, конечно, я воспользуюсь этой стоянкой. Я вам крайне признателен, что вы даете мне шанс...»

Но нет же ... я настаиваю, что как только он меня отпустит, я рвану напрямик в Лос-Анджелес — это правда, но ему-то зачем говорить? Зачем его провоцировать? Сейчас не время для поединка. Это Долина Смерти ... возьми себя в руки.

Точно. Взять себя в руки. «Послушайте, — сказал я. — Я ездил в Лас-Вегас освещать гонку «Минт-400». Я показал пальцем на наклейку «VIP- стоянка» на лобовом стекле. «Это что-то с чем-то. Багги и мотоциклы, два дня битвы на выживание в пустыне. Не видели?»

Он покачал головой с печальной понимающей улыбкой на лице.

Я читал его мысли. Опасен ли я? Готов ли он сам к неприятным и долгим приключениям, что начнутся, когда он возьмет меня под арест? Сколько часов ему придется вместо работы потратить в судах в ожидании очереди дать против меня показания? И какого чудовищного адвоката я найму против него?

Я-то знал, но откуда ему знать?

— Значит так, — сказал он. — В журнале я запишу, что сегодня задержал вас ... за превышение скорости и выдал письменное предупреждение ... вот ... проследовать до ближайшей зоны отдыха, куда вы, по вашим же словам, и направлялись, понял? Там вы планируете хорошенько отоспаться ... - Он повесил пачку штрафных бланков обратно на ремень. — Я понятно выразился? — спросил он, разворачиваясь.

Я пожал плечами: «А до Бейкера далеко? Я собирался там пообедать».

— Это вне моей юрисдикции. Граница города пролегает в двух целых двух десятых мили от зоны отдыха. Вы в состоянии туда добраться? — Он широко ухмылялся.

— Постараюсь. Я давно хотел побывать в Бейкере. Я много о нем слышал.

— Там отличные морепродукты. С вашим умом вам, пожалуй, понравится земляной краб. Загляните в кафе «Маджестик».

Я помотал головой и сел обратно в машину, чувствуя себя изнасилованным. Этот гад обложил меня со всех сторон, а теперь с довольной ухмылкой едет на западную границу города — ждать, пока я попытаюсь прорваться в Лос-Анджелес.

Я вернулся на шоссе и проехал мимо зоны отдыха до перекрестка с поворотом на Бейкер. Подъезжая к повороту, я увидел ... Господи, это же тот самый автостопщик, парень, которого мы подобрали и запугали на пути в Лас-Вегас. Я сбавил скорость на повороте, и мы встретились взглядами. Хотел было помахать ему рукой, но когда он опустил руку, решил, что это будет неуместно ... Одному богу известно, что он там про нас наплел, когда наконец добрался до города.

Газ. Мигом отсюда. Почему я уверен, что он меня узнал? Машина бросается в глаза. И почему бы еще он попятился?

В этом забытом богом городке я вдруг обзавелся двумя заклятыми врагами. Попытаюсь прорваться в Лос-Анджелес — меня свинтит коп, а если я останусь, из-за этого гадёныша меня затравят как дикого зверя. (Господи Иисусе! Сэм! Это он! Тот самый мужик, про которого нам рассказывал паренек! Он вернулся!)

Засада со всех сторон — а если эти праведные туземные хищники сообразят, что к чему — сообразят, не иначе, в таком-то маленьком городке — я неизбежно огребу по полной программе. Мне бы выбраться из этого городка живым. В дёгте и перьях на тюремном автобусе, куда меня заташат разгневанные аборигены ...

Вот он — Кризис. Я промчался по городу и нашёл телефонную будку на северной окраине, между бензоколонкой и ... да-да, кафе «Маджестик». Я заказал срочный разговор за счёт абонента со своим адвокатом в Малибу. Он сразу взял трубку.

— Меня обложили! — кричал я. — Я застрял в какой-то перди посреди пустыни. Времени в обрез. Окружают со всех сторон.

— Кто окружает? — спросил он. — По-моему, ты параноишь.

— Ах ты ублюдок! — завопил я. — Сначала меня отымел патрульный, потом меня засёк тот самый пацан! Мне нужен адвокат — срочно!

— Что ты делаешь в Бейкере? Ты разве не получил мою телеграмму?

— Какая нахуй телеграмма! Я попал!

— Ты должен быть в Вегасе. У нас заказан номер во «Фламинго». Я как раз собирался в аэропорт.

Я сполз по стенке будки, не в силах выдержать этот кошмар. Я звоню своему адвокату в минуту страшного кризиса, а этот дурила обдолбался и ничего не сообщает — проклятый овощ!

— Никчёмный ублюдок, — застонал я. — Да я тебе жопу порву. Вся эта херня в машине — твоя! Ты понял? Когда я закончу давать здесь показания, тебя лишат адвокатской практики!

— Безмозглый уёбок! — закричал он. — Я послал тебе телеграмму! Ты должен освещать Национальную конференцию окружных прокуроров! Я забронировал номера ... белый «Кадиллак» ... обо всём договорился! Хули ты там забыл посреди ебучей пустыни?

Я вдруг вспомнил. Да, телеграмма. Всё стало ясно. Мой разум успокоился. Перед глазами мелькнула чёткая картина. «Не волнуйся, — сказал я. — Я тебя разыграл. На самом деле я сижу возле бассейна во «Фламинго». Говорю по переносному телефону. Его принёс из казино какой-то карлик. У меня неограниченный кредит! Понимаешь?» — я тяжело дышал, пот капал в трубку, я чувствовал себя психом.

— А ты даже близко сюда не подходи! — прокричал я. — Иностранцев здесь не любят.

Я повесил трубку и прогулочным шагом направился к машине. Что ж, так устроен мир. Все потоки энергии подчиняются закону Великого Магнита. Глупец, зачем я отвергал его. Он ведь знал. С самого начала знал ... Это Он настиг меня в Бейкере. Я забежал слишком далеко, и Он остановил меня ... перекрыл все пути к отступлению, сперва натравил на меня патрульного, потом мерзкого автостопщика-призрака... поверг меня в страх и смятение.

Никогда не противься Великому Магниту. Теперь я понял ...

и с пониманием пришло чувство почти окончательного облегчения. Решено, я возвращаюсь в Лас-Вегас. Уйти от автостопщика и обхитрить патрульного — поехать не на запад, а на восток. Это

будет самый хитроумный ход в моей жизни. Снова в Лас-Вегас, записаться на Конференцию по наркотикам. Я и тысяча свиней. А что? Уверенно затесаться в их гущу. Поселиться во «Фламинго» и сразу же заказать белый «Кадиллак». Всё по правилам, помни Горацио Элджера

Через дорогу я увидел большую красную вывеску «ПИВО». Чудесно. Я оставил Акулу возле будки и перебежал через шоссе в магазин скобяных товаров. Из-за пирамиды шестеренок выглянул какой-то еврей и спросил что мне угодно.

«Баллантайн эль», — сказал я, надеясь только на чудо: между Сан-Франциско и Нью-Арком этот напиток неизвестен.

Он подал мне кружку с ледяным напитком.

Я расслабился. Вдруг всё стало по своим местам; наконец удача мне обернулась ко мне лицом.

Бармен обратился ко мне с улыбкой: «Куда путь держите, молодой человек?»

— В Лас-Вегас.

Он улыбнулся: «Дивный город, Вегас. Таким, как вы, там везет».

— Я знаю, по знаку я тройной скорпион.

Он, кажется был благодушно настроен.

— Отличное сочетание, не проиграете.

Я засмеялся.

— Не волнуйтесь. На самом деле я прокурор округа Игното. Такой же добропорядочный американец, как и вы.

Улыбка сползла с его лица. Он понял? Как знать. Но теперь и не важно. Я возвращался в Лас-Вегас. Выбора не было.

ЧАСТЬ 2

1.

В милях тридцати к востоку от Бейкера я остановился проверить чемоданчик с наркотиками. Сильно пекло солнце, и мне хотелось убить какую-нибудь тварь. Какую угодно. Хотя бы большую ящерицу. Продырявить нахуй. Я достал «Магнум» адвоката из багажника и прокрутил барабан. Он был полностью заряжен: длинные злые пули — 158 гранов, позолоченные золотом ацтеков наконечники, четкая настильная траектория. Я несколько раз нажал на клаксон, надеясь выманить игуану. Вылезайте, твари. Я знал, что они там — едва дыша, притаились в море кактусов, и каждая вонючая мелкая гадина заряжена смертельным ядом.

Три быстрых взрыва едва не лишили меня равновесия. Три оглушительных выстрела из самовзводного «Магнума» с правой руки. Господи! Я стрелял в никуда, просто так. Дурное безумие. Я бросил пистолет на переднее сиденье Акулы и нервно посмотрел на шоссе. Ни одной машины в обоих направлениях на две-три мили.

Повезло. Нехорошо, если меня найдут в пустыне при таких обстоятельствах: палящим без разбора по кактусам из набитой наркотиками машины. Особенно сейчас, в бегах от дорожного патруля.

Возникнут неловкие вопросы: «Скажите, мистер ... э ... Дюк, вы понимаете, что стрелять из любого оружия на федеральной автостраде противозаконно?»

— Что? Даже для самозащиты? Послушайте, у этой дурацкой пушки очень чувствительный курок. На самом деле я хотел стрельнуть всего разок — попугать мелких гадов».

Пристальный взгляд, потом вопрос, произнесенный чуть ли не по слогам: «Мистер Дюк, вы утверждаете ... что на вас здесь напали?»

— Ну ... нет ... не то, чтобы напали, но всерьез угрожали. Я остановился отлить, и только вышел из машины, как меня со всех сторон окружили эти ядовитые гаденыши. Юркие, как тараканы!»

Прокатит ли такая версия?

Нет. Меня арестуют, потом, разумеется, обыщут машину — и тут начнется. Они ни за что не поверят, что все эти наркотики необходимы мне для работы; что я на самом деле профессиональный журналист, направляющийся в Лас-Вегас на Конференцию окружных прокуроров по проблеме наркотиков и психотропных веществ.

— Это просто образцы. Я достал их у роуди Неоамериканской церкви в Барстоу. Он начал дурить ... и я его отрихтовал».

Поведутся ли они на это?

Нет. Меня бросят в какой-нибудь зиндан и прутьями отобьют почки — и я буду писать кровью всю оставшуюся жизнь

К счастью, пока я бегло осмотрел содержимое чемоданчика, меня никто не побеспокоил. Все запасы превратились в кашу, слиплись и крошились. Мескалиновые катышки рассыпались в красновато-коричневую муку, но я насчитал еще 35—40 целых. Все транки пожрал адвокат, но скорости оставалось прилично ... трава кончилась, склянка из-под кокаина пуста, одна промокашка, увесистый комок опиумного гашиша, шесть ампул с амилон ... В общем, это не серьезно, но при умелом дозировании мескалина, нам его хватит на четыре дня Конференции по наркотикам.

Я заехал в драгстор на окраине Лас-Вегаса и купил два литра текилы «Голд», полтора литра «Шивас ригал» и пол-литра эфира. Хотел было спросить еще амилон — снова зашало сердце — но у продавца были глаза злобного истеричного баптиста. Я сказал ему, что мне нужен эфир, чтобы снять пластырь с ног, но к тому времени он уже пробил чек и сложил товар в пакет. На эфир ему было похуй.

Интересно, а если б я попросил «Ромилара» на 22 доллара и баллон закиси азота. Наверно бы продал. А что? Свобода предпринимательства.... Удовлетворять спрос покупателей, особенно если покупатель нервно говорит, истекает потом, все ноги у него в пластыре, ужасно кашляет, вдобавок у него стенокардия и богомерзкие приступы каждый раз, когда он выходит на солнце. *Послушайте, сержант, у него был очень нездоровый вид. Откуда я знал, что он начнет злоупотреблять всеми этими лекарствами, как только сядет в машину?*

И правда — откуда? Я на мгновение задержался у полки с журналами, взял себя в руки и поспешил на выход к машине. Затея до одури надышаться веселящим газом на конференции по борьбе с наркотиками определенно манила своей извращенностью. Но не в первый же день. Оставим на потом. Арест и приговор еще до начала конференции мне ни к чему.

Я стащил местный журнал «Ревью» с полки на автостоянке, но выкинул его, прочитав статейку на первой полосе:

Поможет ли операция вернуть зрение?

балтимор (ЮПИ) — Хирурги не уверены, удастся ли им вернуть зрение молодому человеку, который вырвал себе глаза, находясь в состоянии передозировки наркотиками в тюремной камере.

Двадцатипятилетний Чарльз Иннс, сын известного деятеля Республиканской партии из Массачусетса, был прооперирован в центральной больнице Мэрилэнд вечером в четверг, но врачи в пятницу сказали, что исход операции возможно будет определить только через несколько недель.

В официальном заявлении руководства больницы сообщается, что у Иннса «до операции отсутствовала светочувствительность, и вероятность, того, что она к нему вернется, крайне мала».

Иннса с вырванными глазами обнаружил в тюремной камере надзиратель.

В среду вечером Иннс был задержан в окрестностях своего дома, где он разгуливал голым. Его осмотрели в больнице Мерси и поместили в тюремную камеру. По словам полицейских и приятеля Иннса, он принял сверхдозу транквилизатора для животных.

По данным полиции, это был фенциклидин, выпускаемый компанией «Парк-Девис», с 1963 года запрещенный в медицине для использования на людях. Однако представитель «Парк-Девис» заявил, что, по его мнению, это вещество нетрудно достать на чёрном рынке.

По его словам, действие фенциклидина длится не более 12—14 часов. Однако неизвестно, как может подействовать фенциклидин в сочетании с галлюциногеном, например ЛСД.

В прошлую субботу, через день после приема наркотика, Иннс пожаловался соседу на зрение и сказал, что не может читать.

В среду вечером, как сообщил представитель полиции, Иннс находился в крайне угнетенном состоянии и у него отсутствовала чувствительность к боли, так что даже не кричал, когда выдавливал себе глаза.

2. Еще один день, еще один кабриолет ... еще один полный отель копов

Первый пункт повестки дня — избавиться от Красной акулы. Она слишком бросается в глаза. Слишком многие могут её узнать, особенно местные полицейские; хотя они могут спокойно считать, что машина уже вернулась в Лос-Анджелес. В последний раз ее видели, когда она на полной скорости пересекала Долину Смерти по федеральной автостраде №15. В Бейкере ее остановил полицейский, выписал предупреждение ... потом она вдруг исчезла. .

Я решил, что в последнюю очередь её будут искать в автопрокате в аэропорту. Мне всё равно придется ехать туда встречать своего адвоката. Он прилетал из Лос-Анджелеса ближе к вечеру.

Я очень тихо проехал по шоссе, совладав с привычкой резко ускоряться и внезапно менять полосу — пытался не выделяться — и, добравшись до места, припарковал Акулу между двумя автобусами ВВС на служебной стоянке в километре от аэровокзала. Очень высокие автобусы. Пусть поедутся. Немного прогуляться пешком пойдет им только впрок.

К тому времени, когда я добрался до аэровокзала, пот лил с меня градом. Но это нормально. В тёплом климате я всегда обильно потею. От заката до рассвета моя одежда пропитана потом, хоть выжимай. Поначалу меня это беспокоило, но когда я пошёл к врачу и поведал ему свою дневную норму алкоголя, наркотиков и яда, он велел мне возвращаться тогда, когда я перестану потеть. То будет критическая точка, сказал он, знак того, что моя донельзя перегруженная выделительная система пришла в окончательную негодность. «Я верю в естественные процессы, — сказал он. — Но в вашем случае ... в общем, мне не известны прецеденты. Поживём — увидим и будем лечить то, что останется».

Я просидел в баре два часа, попивая «Кровавую Мери», чтобы не сбавлять обороты, и наблюдая прилетающие из Лос-Анджелеса самолеты. Почти сутки я ничего не ел, кроме грейпфрутов, и моя голова плыла, сорвавшись с якоря.

Надо следить за собой. Возможности человеческого тела всё-таки не безграничны. Не стоит падать под стол с кровью из ушей прямо в аэропорту. Не в этом городе. В Лас-Вегасе слабых телом и умом добивают.

Я это осознал и сидел тихо, даже когда чуял симптомы подступавшего кровавого пота. Но они прошли. Я заметил, что официантка занервничала, поэтому заставил себя встать и на негнущихся ногах вышел из бара. Адвокат так и не объявился.

Спустился в кабинку VIP-проката, поменял Красную Акулу на Белый Кабриолет «Шевроле». «Из-за этой проклятой машины я поимел кучу неприятностей, — пожаловался я. — У меня такое чувство, что меня из-за нее унижают, особенно на заправках, когда приходится вылезать и открывать капот самому».

— Ну ... ясное дело, — ответил мне клерк. — По-моему, вам нужен «Мерседес 600 Таун-Крузер Спешл» с кондиционером. В нем можно даже возить свой бензин, если хотите. Мы предусмотрели такую возможность ...»

— Я что, похож на фашиста? Мне нужна только настоящая американская машина!

Сразу пригнали белый «Куп де виль». Сплошная автоматика. Сидя в красном кожаном кресле водителя, нажатием нужной кнопки я мог управлять каждой мелочью. Чудо техники: на десять штук прибабасов и роскошных Спецэффектов. Нажимаешь кнопку — и задние окна выскакивают как лягушки в пруду от динамита. Белая брезентовая крыша поднимается и опускается, как вагончик на американских горках. На приборной панели таинственно мерцают лампочки, циферблаты и счетчики, в которых мне ни за что не разобраться, но я ничуть не усомнился, что мне достался превосходный автомобиль.

Разгонялся «Кадиллак» не так быстро, как Красная акула, но набрав скорость до 130 км, он превращался в ураган на колесах ... Мчишься по пустыне, сидя в мягком кресле этой массивной элегантной машины и чувствуешь, будто проносишься сквозь ночь на старом калифорнийском экспрессе «Зефир».

Всю сделку я провернул при помощи кредитной карточки, которая, как я потом узнал, была «аннулирована» — то есть я совершил подлог. Но Большой Компьютер меня еще не вычислил, и пока я считался привилегированным заемщиком.

Позже, вспоминая эту сделку, я четко представлял себе непременно последовавший вслед за ней разговор:

— Здравствуйте. Это VIP прокат автомобилей в Лас-Вегасе. Мы хотим проверить номер 875-045-616-B. Это не срочно, обычная проверка ...

(Долгая пауза на том конце провода. Затем:) «Твою мать!»

— Что?

— Прошу прощения Да, этот номер у нас проходит. Он занесён в чёрный список. Немедленно свяжитесь с полицией и не выпускайте его из виду.

(Еще одна долгая пауза) Нуэээ ... вы знаете, в нашем чёрном списке его нет, и ... а ... номер 875-045-616-B только что покинул нашу стоянку в новом кабриолете марки «Кадиллак».

— Как?!

— Так. Он давно уехал. Полностью застрахован.

— Куда?

— Кажется, в Сент-Луис. Да, так написано на кредитке. Рауль Дюк, левый защитник и лучший отбивающий «Сент-Луис Браунс». Пять дней по 25 долларов, плюс 25 центов за каждую милю. Его карточка была действительна, так что отказать мы ему не могли ...

Это правда. Прокатное агентство не имело законных оснований ко мне придраться, поскольку моя кредитка была формально действительна. В течение следующих четырех суток я катался на этой машине по всему Лас-Вегасу — даже проезжал мимо главного офиса фирмы на Парадайз-бульвар — и хоть бы одна сволочь мне что сказала.

Это одна из особенностей вегасского гостеприимства. Главное и основное правило — Не Обувай Местных. А на остальное всем плевать. Если что, закроют глаза. Если бы завтра утром завтра утром в «Сахаре» поселился Чарли Мэнсон, его бы стали беспокоить, давал бы только щедрые чаевые.

Взяв напрокат машину, я поехал прямо в гостиницу. Адвоката по-прежнему было не видеть, поэтому я решил заселиться один — хотя бы забраться в помещение и избежать психоза на людях. Я оставил Кита на VIP-стоянке и с опаской побрел в вестибюль с одним маленьким кожаным ранцем в руке, который только что изготовил для меня на заказ друг-кожевник из Боулдера.

Мы забронировали номер во «Фламинго», нервном центре Главной улицы: прямо напротив «Дворца Цезаря» и «Дюн» — мест проведения Конференции по борьбе с наркотиками. Почти все делегаты остановились в «Дюнах», но те из нас, кто по-модному опоздали с регистрацией, получили номера во «Фламинго».

Внутри было полно копов. Я сразу это заметил. Большинство просто стояли, напустив на себя праздный вид, все одетые в одинаковые дешёвые курортные шмотки: тенниски и клетчатые бермуды, из которых в прорезиненные «пляжные сандалии» спускались безволосые бледные ноги. Жуткая сцена — как будто попал в крупнейшую засаду. Если б я не знал о конференции, мой разум бы, наверное, не выдержал. Такое впечатление, что сейчас в любую минуту кто-то упадет под градом пуль, возможна вся семья Мэнсона.

Я явился не вовремя. Почти все окружные прокуроры и прочие жандармы уже заселились. Теперь они стояли в вестибюле и мрачно рассматривали вновь прибывших. Засада Века на деле оказалась сборищем двух сотен копов в отпуске, которым нечем заняться. Они не замечали даже друг друга.

Я подошел к стойке регистрации и стал в очередь. Передо мной был начальник полиции из маленького городка в Мичигане. Его похожая на Спиро Агню жена стояла справа в метре от него, а он ругался с администратором:

— Послушай дружок, я тебе говорю: вот открытка, где написано, что у меня здесь бронь. Чёрт, я приехал на Конференцию окружных прокуроров! Я заплатил деньги за свой номер.

— Извините, сэр. Вы в списке опоздавших. Вашу бронь перевели в ... э ... мотель «Лунный свет», это на бульваре Парадайз, очень приятное место, всего в шестнадцати кварталах отсюда, там есть свой бассейн и

— Ах ты педрила! Зови сюда управляющего! Мне надоело слушать твою брехню!

Появился управляющий и предложил вызвать такси. То, видимо, был уже второй, или даже третий акт драмы, разыгравшейся задолго до моего появления. Жена начальника полиции рыдала. Его приятелям — стайка, которую он собрал вокруг себя для поддержки — было неловко за него заступиться, даже сейчас, когда этот мелкий злобный коп бросался в последнюю и решающую атаку на администратора. Они знали, что он проиграл; он нарушал ПРАВИЛА, и люди, в чьи служебные обя-

занности входило следить, чтобы правила соблюдались, говорили ему: «свободных мест нет».

Постояв минут десять в очереди за этим буйным мудаком и его дружками, я почувствовал приступ ярости. Как этот коп — подумать только — коп! — смеет кому-то что-то втирать о правах и здравом смысле? Мне доводилось иметь дело с такими скотами — и, я чуял, доводилось и администратору. У него был вид человека, которому в свое время изрядно поебали мозг злобные копы, помешанные на правилах ...

А теперь он швырял им в лицо их собственные доводы: неважно, кто прав, кто неправ неважно, кто заплатил, а кто нет ... важно то, что сейчас, впервые в жизни, я могу отыграться на Свиные: «Идите вы в жопу, сэр. Здесь я главный, и я говорю вам, что для вас у нас места нет».

Я с удовольствием наблюдал за этой показательной поркой, но вскоре у меня закружилась голова, расшалились нервы и нетерпение возоблагодало над развлечением. Поэтому я обошел свинью и обратился к администратору.

— Простите, что перебиваю, но у меня забронирован номер, и если можно как-нибудь проскочить и не мешать вам ...

Я улыбнулся, давая ему понять, что оценил его хладнокровное издевательство над стайкой копов, что стояли сбитые с толку и тарасились на меня как на выползшую к стойке ондатру.

Выглядел я не ахти: старые джинсы «Ливайс» и белые баскетбольные кеды ... и гавайская рубашка за десять песо, что давно разошлась по шву на плече от ветра на дороге. Трехдневная щетина, как у заправского алкоголика, глаза скрыты за зеркальными стеклами очков.

Но в голосе моем звучала уверенность человека, знавшего, что у него забронирован номер. Я поставил на предусмотрительность своего адвоката ... не желая при этом упустить возможность подколоть копа:

... и угадал. Номер забронирован на имя моего адвоката. Администратор позвонил в колокольчик, чтобы вызвать носильщика. «С собой у меня сейчас больше ничего нет, — сказал я. — Всё остальное — вон в том белом кабриолете, Я показал на красовавшийся перед входом «Кадиллак». — Попросите кого-нибудь подогнать его к номеру».

Администратор дружелюбно ответил: «Не извольте ни о чем беспокоиться, сэр. Приятного пребывания в нашей гостинице. Если что-то понадобится, звоните в регистратуру».

Я с улыбкой кивнул, краем глаза оценив реакцию в стане ошарашенных копов. От неожиданности они выпучили глаза. То есть как это так: они всеми доступными им средствами выбивают уже оплаченный номер — а тут подваливает и отодвигает их в сторонку какой-то зачуханный тип, по виду — бродяга из северного Мичигана. Да еще с полной горстью кредиток! Господи! Куда катится этот мир?

3. Лютая Люси ... «Зубы как бейбольные мячики, глаза, как застывшее пламя»

Я отдал сумку коридорному и велел ему принести литр виски, полтора «Бакарди Аньехо» и ведро льда, чтоб хватило на весь вечер.

Наш номер находился в дальнем корпусе «Фламинго». «Фламинго» — это больше, чем гостиница, это скорее обделенный финансированием огромный клуб «Плейбой» среди пустыни. Девять отдельных корпусов с общими проездами и бассейнами — обширный комплекс, иссеченный лабиринтом из пандусов и подъездных дорожек. Чтобы дойти от стойки регистрации до нашего крыла мне понадобилось минут двадцать.

Я собирался зайти в номер, получить выпивку и багаж, а затем в ожидании адвоката скуричь последний кусок сингапурского гашиша и посмотреть Уолтера Кронкайта. Перед Конференцией по наркотикам мне была необходима передышка, минута покоя, убежище. Это задание совсем не то, что «Минт-400». Там требовалось наблюдать, здесь — участвовать. И отношение должно быть совершенно другим. На гонках мы вращались в толпе близких по духу людей, а если порой вели себя грубо и оскорбительно. . что ж, то был всего лишь вопрос меры.

Но в этот раз оскорбительным будет само наше присутствие. Мы обманным путем проникнем на конференцию и сразу окажемся среди тех, кто собрался ради того, чтобы сажать в тюрьму таких, как мы. Мы будем для них Угроза, причем не таящаяся, а вызывающе невменяемая и бесцеремонно дерзкая ... мы не собирались что-то доказывать в плане социологии или даже просто стебаться. То был вопрос образа жизни, чувства ответственности и даже долга. Раз Свиные собирались в Vegas на

большую конференцию по наркотикам, мы считали, что там должна быть представлена и наркокультура.

Кроме того, я так давно утратил адекватность, что подобная выходка казалась мне совершенно логичной. С учетом всех обстоятельств я пребывал в полном согласии со своей кармой.

Пребывал ... пока не отворил большую серую дверь в мини-люкс 1150 в Дальнем Корпусе. Вскнув ключ в замок с мыслью «эх, вот я и дома!», я распахнул дверь. Дверь уперлась во что-то, что я тут же опознал как человеческое существо. Девица неопределенного возраста с лицом и комплекцией питбуля. В мешковатой синей сорочке и злыми глазами ...

Я почему-то знал, что попал в свой номер. Я не хотел в это верить, но вибрации были безнадежно верными ... Она, видимо, тоже знала, потому что не помешала мне войти. Я бросил рюкзак на кровать и оглянулся в поисках адвоката ... Вот и он, совершенно голый в дверном проеме ванной комнаты с нетрезвой ухмылкой на лице.

— Грязный дегенерат, — сквозь зубы процедил я.

— Ничего не поделаешь, — сказал он, кивнув на девицу-питбуля. — Это Люси. — Он засмеялся дурным смехом. — Как эта — Люси в небесах с алмазами ...

Я кивнул Люси, которая таращилась на меня с недвусмысленной злобой. Я был враг, вторгшийся на её территорию ... и судя по тому, как она передвигалась по комнате — очень быстро и напряженно — она меня оценивала. Она была готова к схватке, сомневаться не приходилось. Даже мой адвокат это заметил.

— Люси! — прикрикнул он. — Люси! Успокойся, черт побери! Помнишь, что было в аэропорту ... больше такого не надо, хорошо? — Он нервно улыбнулся ей. Она выглядела как зверь, которого только что бросили в яму биться насмерть ...

— Люси ... это мой клиент, мистер Дюк, известный журналист. Это он платит за номер. Он на нашей стороне.

Люси молчала. Она явно была не в себе. Бабища с широченными плечами и квадратным подбородком. Я сел на кровать и как бы невзначай запустил руку в рюкзак за газовым баллончиком ... нащупав пальцем кнопку, я почувствовал острое желание выхватить баллончик из рюкзака и окатить её с ног до головы чисто из принципа: я отчаянно нуждался в покое, отдыхе, убежище. Меньше всего мне хотелось сцепиться насмерть в своем собственном гостиничном номере с обдолбанным гормональным уродцем.

Мой адвокат, видимо, понял что к чему; он знал, зачем я полез в рюкзак.

— Стой! — крикнул он. — Не здесь! Надо выйти!

Я пожал плечами. Он явно был под кислотой. Люси тоже. Это было заметно по её безумному лихорадочному взгляду. Она смотрела на меня так, будто меня требовалось обезвредить, чтобы всё вернулось в нормальное для неё русло.

Мой адвокат подошел и обнял её. «Мистер Дюк — мой друг, — тихо сказал он. — Он любит художников. Давай покажем ему твои картины».

И тут я заметил, что номер заставлен картинами: сорок, а то и пятьдесят портретов — маслом, углем, все примерно одного размера и на всех изображено одно и то же лицо. Они красовались на всех плоских поверхностях. Лицо показалось мне смутно знакомым, но, чье именно, я так и не понял. Женщина с широкими губами, крупным носом и неестественным блеском во взгляде — демонически чувственное лицо, с нелепо преувеличенными драматичными чертами. Такие обычно висят в комнатах студенток-художниц, помешанных на лошадях.

— Люси пишет портреты Барбары Стрейзанд — пояснил адвокат. — Она художник из Монтаны ...

Он повернулся к ней.

— В каком городке ты живешь?

Она посмотрела на него, потом на меня, потом опять на него. Наконец она выдавила: «Калиспел. На севере. Я их с телевизора срисовала».

Мой адвокат радостно закивал. «Потрясающе, — сказал он. — Она прилетела сюда только ради того, чтобы отдать эти портреты Барбаре. Вечером мы собираемся в «Американу» и подойдем к ней за кулисами».

Люси смущенно заулыбалась. Её враждебный настрой исчез. Я оставил баллончик в рюкзаке и

поднялся. Тяжелый случай. Я вовсе не рассчитывал, обнаружить обкислоченного адвоката в процессе каких-то противоестественных брачных игр.

— Ну, машину уже, наверно, подогнали. Пойдем заберем вещи из багажника.

Он радостно закивал. «Точно, пойдем заберем вещи, — он улыбнулся Люси. — Скоро вернемся. Будет звонить телефон, не бери трубку».

Она улыбнулась в ответ и осенила нас одноперстным крестным знаменем: «С Богом».

Адвокат натянул широкие штаны и черную рубашку, и мы поспешили вон из номера. Я заметил, что он с трудом ориентируется в пространстве, но помогать ему не стал.

— Ну что, какие у тебя планы? — спросил я.

— Планы?

Мы стояли и ждали лифта.

— Люси, — подсказал я.

Он помотал головой, тшась вникнуть в вопрос. «Черт, — выдавил он. — Я встретил её в самолете, у меня было полно кислоты, — он пожал плечами, — Ну эти, синие бочки, знаешь. А она оказалась религиозная фанатичка. Сбежала из дома уже раз пятый за полгода. Ужас. Я дал ей капсулу, и только потом понял ... она до этого даже не пила не разу!»

— Что ж, — ответил я. — Это можно использовать. Не дадим ей протрезветь и будем продавать её на конференции по наркотикам.

Он уставился на меня.

— Она в самый раз для такого мероприятия. Копы скинутся по пятьдесят баксов, поколотят, чтоб не сопротивлялась и оттрахают всем скопом. Можно поселить её в каком-нибудь захудалом мотеле, развесить по всему номеру портреты Иисуса, а потом напустить на неё свиней ... Чёрт, сильная девка, выдержит.

Его лицо сильно дергалось. Мы спускались в лифте в вестибюль. «Боже мой, — пробормотал он. — Я знал, что ты извращенец, не никогда не думал от тебя такое услышать». Он выглядел ошеломленным.

Я рассмеялся: «Чистая экономика. Эта девка — подарок свыше!». Я одарил его широкой улыбкой Хамфри Богарта ... «Чёрт, у нас почти не осталось денег! И вдруг ты находишь психа-переростка, который может заработать для нас штуку в день».

«Нет! — вскричал он. — Не говори так!» Дверь лифта открылась и мы вышли на стоянку.

— Думаю, она сможет принимать четверых за раз. Если будем держать её под кислотой — выйдет по две штуки, а то и по три.

— Подлый ублюдок! — зашипел он. — Я тебе голову оторву. — Он косился на меня, прикрывая глаза от солнца рукой. Я заметил Кита в метрах пятнадцати от двери. «Вот она, — сказал я. — Неплохая машина. Для сутенера...»

Он застонал. На его лице отображалась знакомая мне борьба, происходившая у него в мозгу со спорадическими волнами кислоты: мощные приливы болезненной сосредоточенности и полная растерянность после. Когда я открыл багажник кита и полез за сумками, он рассердился: «Ты что делаешь? Это не её машина».

— Знаю. Это моя машина. И мой багаж.

— С какого хуя! — крикнул он. — Если я адвокат, это ни хрена не значит, что ты можешь воровать на моих глазах.

Он попятился.

— Ты что творишь? Если поймают — не отвертимся.

С трудом вернувшись в номер, мы попытались серьезно поговорить с Люси. Я чувствовал себя фашистом, но иначе было нельзя. Она опасна для нас? да еще в такой непростой ситуации. Дело и так выглядело неважно — чудная девочка с тяжелым случаем психоза, но гораздо больше меня беспокоила вероятность того, что через несколько часов она придет в себя, и её обуяет праведный гнев, когда она вспомнит, что с неё случилось: как в лос-анджелесском аэропорту её соблазнил какой-то жестокий самоанец, напоил, накормил ЛСД, затащил в лас-вегасскую гостинцу и зверски проник во все отверстия её невинного тела своим необрезанным членом.

Я вообразил себе страшную картину: как Люси врывает в гримерку Барбары Стрейзанд и начинает рассказывать ей эту леденящую душу историю. Нам конец. Нас разыщут и кастрируют, а потом

сдадут в полицию.

Я объяснил это адвокату, который заплакал от мысли о том, что от Люси придется избавиться. Держало её еще сильно, и я знал, что единственный выход — отвезти её подальше от «Фламинго», пока её не отпустило, и она не вспомнила, где она была и что с ней случилось.

Пока мы спорили, Люси лежала в патио и делала углем набросок портрета Барбары Стрейзанд, на сей раз по памяти. Портрет был анфас, зубы как бейсбольные мячи, глаза как застывшее пламя.

Она делала это так напряженно, что я и сам напрягся. Эта девка — ходячая бомба. Одному Богу известно, куда бы сейчас выплеснулась её шальная энергия, не окажись у нее с собой альбома. И что будет, когда её попустит и она прочитает в «Вегас Визитор», что в ближайшие три недели Стрейзанд в «Американе» выступать не собирается?

Мой адвокат наконец согласился, что от Люси придется избавиться. Решающую роль сыграла возможность получить приговор по закону Манна, что повлекло бы за собой лишение его адвокатской практики, а значит и всяких средств к существованию. Обвинение в федеральном суде — это неприятно. Особенно для чудовищного самоанца, которого судит коллегия присяжных из белых представителей среднего класса в южной Калифорнии.

— Это могут даже квалифицировать как похищение — прямиком в газовую камеру, как Чесмана. Даже если отобьешься — тогда обратно в Неваду за изнасилование и содомию с согласия потерпевшей.

— Нет! Я сжалился над девчонкой, я хотел ей помочь!

Я усмехнулся.

— Так говорил толстяк Арбакл, и ты знаешь, что с ним сделали.

— Кто?

— Неважно. Ты просто представь, как ты объясняешь присяжным, что пытался помочь бедной девочке, скормив ей ЛСД, а потом, повез её в Вегас, чтобы сделать ей свой фирменный массаж спины без одежды.

Он с грустью покачал головой: «Ты прав, они наверно сожгут меня на костре ... прямо на скамье подсудимых. Чёрт, никому нельзя помогать в наше время ...»

Мы заманили Люси в машину, сказав ей, что «пора ехать на встречу с Барбарой». Мы легко убедили её взять с собой все свои произведения, но она не могла понять, зачем адвокат хочет заодно принести её чемодан. «Я не хочу смущать её, — протестовала она. — Еще подумает, что я приехала к ней жить, или что-нибудь такое».

«Не подумает», — тут же ответил я ... но больше ничего добавить не смог. Я чувствовал себя Мартином Борманом. Куда попадет эта несчастная, когда мы её оставим? В тюрьму, на панель? Как поступил бы в таких обстоятельствах Дарвин? (Выживание ... наиболее приспособленных? Какое слово здесь лучше подходит? Рассматривал ли Дарвин возможность временной неприиспособленности? Как временного помешательства. Нашлось ли бы в его теории место для ЛСД?)

Это все, конечно, гипотезы, а на практике у нас на шее камнем висит Люси и тянет нас на дно. Выбора не было, кроме как бросить её и надеяться, что она ни хрена вспомнит. Но некоторые жертвы кислоты — особенно нервные олигофрены — обладают странной способностью вспоминать случайные подробности — и ничего больше. Возможно, что Люси проведет еще двое суток в полной амнезии, а потом очухается и в памяти у неё всплывет только номер нашей комнаты во «Фламинго»...

Я задумался ... но единственная альтернатива — отвезти её в пустыню и скормить ящерицам. Я не был готов спасать своего адвоката такой ценой. Поэтому надо придумать так, чтобы она не спятила и обошлось без катастрофических последствий для нас.

У неё были деньги. Мой адвокат в этом уже удостоверился: «Не меньше двухсот баксов. Если что, сможем позвонить в Монтану и сдать её местным копам».

Я был против. Сдавать её «властям» еще хуже, чем бросать на произвол судьбы в Лас-Вегасе ... это в любом случае исключено. Не сейчас. «Вот ты чудовище! — сказал я. — Сперва похитил девчонку, изнасиловал её, а теперь хочешь упрятать её за решетку?»

Он пожал плечами. «Да я просто подумал, что у нее нет никаких свидетелей. Всё, что она против нас скажет — голословные обвинения».

— Нас? — спросил я.

Он уставился на меня. Было видно, что его попускает. А значит, и Люси тоже. Пора рубить канаты.

Люси ждала нас в машине, слушая радио с кислотной улыбкой на лице. Мы стояли в метрах десяти поодаль. Со стороны это можно было принять за разборку из серии «чья эта девка». Обычная сцена на стоянке в Лас-Вегасе.

В итоге мы решили забронировать ей номер в «Американе». Мой адвокат подошёл к машине и под каким-то предлогом выведал у неё фамилию, а я поспешил внутрь и позвонил в гостиницу, представившись её дядей, я сказал, что хочу, чтобы с ней «обращались очень осторожно», потому что она художник и слегка на нервах. Администратор заверил меня, что с ней будут обходиться предельно учтиво.

Потом мы отвезли её в аэропорт, сказав, что собираемся поменять Белого кита на «Мерседес-600», а мой адвокат вывел её в коридор со всеми вещами. Когда он её уводил, она всё ещё была не в себе, и что-то лепетала. Я заехал за угол и стал его ждать.

Минут через десять он вышел. «Трогайся неспеша, — сказал он. — Не привлекай внимания».

Когда мы выехали на бульвар Лас-Вегас, он объяснил, что дал зазывале такси десятку, чтобы тот отвез его «пьяную подружку» в «Американу», где у неё забронирован номер. «Я сказал ему, пусть проследит, чтобы она туда доехала».

— Думаешь доедет?

Он кивнул. «Пообещал, что заплатит за проезд той пятеркой, что я ему дал сверху, и скажет таксисту, чтоб с ней был пообходительней. Я ему сказал, что у меня пока кое-какие дела, но через час я подъеду туда сам, и если девчонки там не будет, вернусь и вырву ему легкие».

— Правильно. В этом городе никому нельзя давать спуску.

Он ухмыльнулся.

— Как твой адвокат, советую сказать мне, куда ты дел мескалин.

Я остановился. Чемоданчик лежал в багажнике. Он вытащил два катышка, и мы их съели. За поросшими кустарником холмами на северо-западе от города садилось солнце. Радио хрипло играло приятную мелодию Кристофферсона. Мы неспешно ехали в город под теплыми лучами закатного солнца, расслабившись на красных кожаных кресла нашего электрического «Куп де вилля».

Когда мы проезжали мимо «Тропиканы» я сказал: «Может, сегодня стоит отдохнуть».

— Точно. Давай найдем хороший рыбный ресторан и отведаем красной нерки. Меня пробило на красную нерку.

Я согласился. «Но сначала надо вернуться в гостиницу и разобрать вещи. Можно будет искупаться и выпить рому».

Он кивнул, откинулся на сиденье и воткнул в небо. Понемногу смеркалось.

4. Нет убежища вырождакам ... Размышления о кровожадном наркомане

Мы проехали через стоянку «Фламинго» и через лабиринт сзади в наш корпус. Спокойно припарковались, спокойно поднялись на лифте, вошли в номер: мертвая тишина, полумрак и умиротворенная элегантность лужайки и бассейна за раздвигающимися стенами.

Подавал признаки жизни только телефон, мигавший красным огоньком? сообщение. «Наверно, обслуживание номеров, — сказал я. — Я заказывал выпивку и лёд. Наверно приносили, пока нас не было».

Мой адвокат пожал плечами. «У нас его и так полно, — сказал он. — Но лишней не будет. Хули, скажи, пусть приносят».

Я снял трубку и набрал номер регистратуры. «Звонили? У меня лампочка мигает».

Портъе замешкался. Послышался шелест бумаг. «Ах, да, — он наконец подал голос. — Мистер Дьюк? У вас два сообщения. Первое: «Национальная ассоциация окружных прокуроров приветствует вас в Лас-Вегасе».

shy;- Замечательно, — сказал я.

— ... и второе — «позвоните Люси в «Американу, номер 1600».

— Что?

Он повторил. Ошибки быть не могло.

— Блядь! — выругался я.

— Что? — спросил клерк.

Я повесил трубку.

В ванной адвокат совершал очередной Большой Проблѐв. Я вышел на балкон и воткнул в бассейн, дрожащим мешком воды в форме почки светившийся под нашими окнами. Я чувствовал себя Отелло. Всего несколько часов в городе, а мы уже заложили основу классической трагедии. Наш герой был обречен; он уже посеял всходы своей гибели.

Но кто он, Герой этой скверной драмы? Я отвернулся от бассейна и узрел своего адвоката, что выплывал из ванны, утирая рот полотенцем. Глаза его были ясные, стеклянные. «Мескалин, сука, — пробурчал он. — Хули его делают таким чистым? Бодяжили бы противорвотными порошками.

— Отелло применял драмамин, — сказал я.

Он кивнул, повесил полотенце на шею и включил телевизор.

— Ну да, слышал я про эти средства. А твой толстяк Арбакл использовал оливковое масло.

— Люси звонила, — сказал я.

— Что? — он обмяк, как подстреленный зверь.

— Я звонил портье. Она в «Американе, номер 1600 ... просила перезвонить.

Он уставился на меня ... вдруг зазвонил телефон.

Я пожал плечами и взял трубку. Прятаться ни к чему. Она нас нашла.

— Алло,? сказал я.

Это был снова портье.

— Мистер Дьюк?

— Да.

— Мистер Дьюк, прошу прощения, нас разъединили минуту назад ... но я подумал, что следует вам перезвонить, потому что я ...

— Да что такое?

Кольцо сжималось. Сейчас этот гад меня обрадует. Что эта овца ему наплела? Я попытался сохранять спокойствие.

— Мы смотрим новости! — завопил я. — За каким хером ты меня беспокоишь?

Молчание.

— Чего тебе надо? Я заказывал лёд и выпивку! Где они? Война идет, ты слышишь? Люди гибнут!

— Гибнут? — переспросил он почти шёпотом.

— Во Вьетнаме! В телевизоре!

— А ... да ... да, — Ужасная война. Когда ж она кончится?

— Скажи мне, — вкрадчиво осведомился я, — что тебе надо?

— Да, конечно, — он переключился на свой обычный тон портье. — Я подумал, что вам надо сказать ... потому что вы, я знаю, приехали на съезд полиции ... у женщины, которая оставила вам сообщение, был очень расстроенный голос.

Он замолк, но я ничего не ответил.

— Я подумал, что вам следует об этом знать, — наконец сказал он.

— Что ты ей сказал?

— Ничего. Ничего не сказал, мистер Дьюк. Я просто принял сообщение.

Он замолчал.

— Но с ней было очень трудно разговаривать. Она ... в общем... очень сильно расстроена. Помоему, она плакала.

— Плакала? — от мескалина мой мозг переключилось. Я не мог думать. — Почему она плакала?

— Ну ... а ... она не сказала, мистер Дьюк. Но поскольку мне известен род вашей деятельности, я подумал ...

— Понятно, — выпалил я. — Слушайте, если она позвонит еще раз, будьте с ней помягче. Мы проводим исследование. Мы внимательно за ней наблюдаем.

Я почувствовал, как снова закрутились шестеренки в голове, слова находились сами собой.

— Она, разумеется, совершенно безобидна ... никаких неприятностей не будет ... Она находится под действием настойки опия, это контролируемый эксперимент, но я подозреваю, что нам понадобится ваше содействие.

— Конечно ... разумеется. Мы всегда рады оказать содействие полиции ... главное, чтобы не

возникло неприятностей ... для нас, я имею в виду.

— Не беспокойтесь, вы под нашей защитой. Главное, обращайтесь с ней, как со всяким человеком, попавшим в беду.

— Что? — он начал запинаться. — Ах... да, конечно-конечно. Я вас понимаю ... да ... то есть ответственность вы берете на себя.

— Разумеется, — сказал я. — Я теперь мне надо посмотреть новости.

— Благодарю вас, — проямлил он.

— Принесите лёд, — сказал я и повесил трубку.

Мой адвокат блаженно улыбался в телевизор.

— Молодец, — сказал он. — После этого они будут обходиться с нами как с проклятыми прокаженными.

Я кивнул и налил в бокал «Шивас ригал».

— Новостей по ящику не было уже часа три как, — сказал он небрежно.

— Этот дурила подумает, что мы наверно настроились на какой-то специальный полицейский канал. Тебе надо перезвонить ему и заказать конденсатор на 3000 ватт вместе со льдом. Скажешь ему, наш только что перегорел ...

— Ты забыл про Люси, — сказал я. — Она ищет тебя.

Он засмеялся.

— Нет, она ищет тебя.

— Меня?

— Тебя. Она на тебя запала. Чтобы там в аэропорту от неё избавиться, мне пришлось напелсти ей, будто ты везешь меня в пустыню на разборку — из-за неё, — он пожал плечами. — Нужно же было ей что-то сказать. Ну я и сказал, пусть поезжает в «Американу» и ждет, кто из нас вернется.

Он снова засмеялся.

— По ходу, она решила, что победил ты. Сообщение-то не для меня, так?

Я кивнул. Какой-то бред, но я знал, что это правда. Наркоманская логика. Ритмы звучали зловеще и четко, рисуя совершенно понятную для него картину.

Он развалился в кресле и сосредоточился на сериале «Миссия невыполнима».

Я задумался, потом встал и принялся запихивать вещи в чемодан.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Неважно, — ответил я.

Молния заела, но я рывком застегнул её. Затем я обулся.

— Ну-ка постой. Ты что, уезжаешь?

Я кивнул.

— Ты, черт тебя подери, прав. Я уезжаю. Но не волнуйся. Я загляну в регистратуру. О тебе позаботятся.

Он вскочил, опрокинув свой бокал.

— Ладно, чёрт подери, дело серьезное! Где мой пистолет?

Я пожал плечами, не глядя на него, и запихал бутылки скотча в рюкзак.

— Я продал его в Бейкере. С меня 35 баксов.

— Он обошелся мне в сто девяносто!

Я улыбнулся.

Ты мне рассказывал, откуда у тебя этот пистолет, помнишь?

Он замялся, притворился, будто думает.

— А, да, — наконец сказал он. — От того засранца из Пасадены ...

Тут он снова завелся.

— Он обошелся мне в штуку зелени. Этот мудак завалил копа. Ему светил пожизненный срок! ... Черт, три недели работы в суде и что я получил — какой-то сраный револьвер.

— Болван, я предупреждал тебя не работать с торчками в кредит — особенно когда они виновны. Тебе повезло, что этот урод не отплатил тебе пулей в живот.

Адвокат поник.

— Это был мой кузен. Присяжные признали его невиновным.

— Нихуя себе! Скольких этот вонючий наркоман успел завалил с тех пор? Шестерых? Восьмерых? Этот убог виновен настолько, что я бы сам его грохнул, из принципа. Как он грохнул копа, так

он грохнул и ту девчонку в «Холидей Инн» ... и того парня в Вентуре!

Он осмотрел меня ледяным взглядом.

— Поосторожней на поворотах. Ты гнусно клеветешь.

Я рассмеялся, бросил свой багаж у подножья кровати и присел допить свой виски. Я в самом деле намеревался уехать. Вообще-то уезжать мне не хотелось, но я посчитал, что всё лучше, чем связываться с Люси ... Нет, конечно, она прекрасный человек, когда трезвая ... очень чувствительная, а за повадками питбуля скрыта прекрасная карма, большой талант и чуткость ... Простая девочка-переросток, у которой — вот несчастье — напрочь съехала крыша еще до того, как ей исполнилось восемнадцать.

Я против неё лично ничего не имел. Но я знал, что она запросто сможет — в таких обстоятельствах — отправить нас в тюрьму лет на двадцать; а за что, мы узнаем только на суде:

«- Да, сэр, эти двое на скамье обвиняемых дали мне ЛСД и отвезли в гостиницу ...

— А что они сделали потом, Люси?

— Ну, я не могу точно вспомнить ...

— Неужели? Тогда, возможно, этот документ из архива окружного прокурора освежит вашу память, Люси ... Вот показания, которые вы дали сотруднику полиции Сквейну, обнаружившему вас в окрестностях озера Мид, где вы бродили без одежды.

— Я точно не помню, что они со мной сделали, но помню, что это было ужасно. Один познакомился со мной в аэропорту в Лос-Анджелесе, это он дал мне капсулу ... а второй пришел к нам в гостиницу. Он все время потел и говорил так быстро, что я не понимала, что ему надо ... Нет, сэр, я не помню точно, что они со мной тогда делали, потому что я всё еще была под действием того наркотика ... Да, сэр, ЛСД, которое они мне дали ... И кажется, я долго была без одежды, может быть даже всё время, что они меня там держали. Вроде был вечер, потому что показывали новости. Да, сэр, с Уолтером Кронкайтом, мне запомнилось его лицо».

Нет уж, увольте. Присяжные ничуть не усомнятся в её показаниях, особенно произнесенных дрожащим голосом, со слезами на глазах и непристойными кислотными флэшбэками. А то, что она не сможет вспомнить точно, что мы с ней сделали, означает, что отпираться бесполезно. Присяжные догадаются. Он читали о таких, как мы в дешевых книжонках с названиями вроде: «По самые гланды» и «Во все щели» и видели таких, как мы, в дешевых порнофильмах.

Ну и, разумеется, ни в коем случае не стоит нам самим выступать в свое оправдание, особенно после обыска в машине: «И я хотел бы отметить, Ваша Честь, что присяжные могут ознакомиться со свидетельствами №1-№25. Это невероятная коллекция наркотиков, обнаруженная у подсудимых при задержании, произведенного силами целых девять сотрудников полиции, шесть из которых до сих пор находятся в больнице ... а также с свидетельством 26, показаниями под присягой трех профессиональных экспертов по наркотикам, специально отобранных председателем Национальной конференции окружных прокуроров, который был поставлен в крайне неловкое положение попытками подсудимых проникнуть на их ежегодный съезд, извратить и сорвать его ... Эти эксперты показали, что количества наркотиков, обнаруженного у потерпевших при задержании, хватило бы, чтобы убить целый взвод морской пехоты США ... Господа, я употребляю здесь слово «убить», сознавая, какой страх и ненависть вызывает в каждом из вас мысль о том, что эти насильники-дегенераты применили весь свой арсенал наркотиков, чтобы полностью разрушить разум и нравственность этой некогда невинной девочки, погубленной и поруганной девочки, что сидит, обесчещенная, перед вами ... да, они напичкали девочку наркотиками, чтобы выжечь ей мозг, чтобы она даже вспомнить не смогла мерзкие подробности той оргии, которую ей пришлось пережить ... а потом, дамы и господа, использовали её в своих богомерзких целях!»

5. Страшный опыт с чрезвычайно опасными веществами.

Ничего не поделаешь. Я встал и собрал свой багаж. Нужно срочно уезжать из города.

До адвоката, наконец, дошло. «Подожди! — закричал он. — Ты не можешь бросить меня одного в этой змеиной яме! Номер записан на мое имя!»

Я пожал плечами.

— Ладно, черт с тобой, — сказал он и пошёл к телефону. — Смотри, я ей позвоню. Я от нее отделаюсь.

Он кивнул.

— Ты прав, это моя проблема.

Я покачал головой.

— Нет, это зашло слишком далеко.

— Адвокат из тебя хреновый, — ответил он. — Расслабься. Я всё сделаю.

Он набрал «Американу» и попросил номер 1600.

— Привет, Люси. Да, это я. Я получил твое сообщение ... что? Нет, что ты, я проучил ублюдка так, что ввек не забудет ... что? ... Нет, живой, но еще долго никого не побеспокоит ... да, я бросил его там. Отдубасил, а потом выбил все зубы ...

Вот это да. Рассказывать такие ужасы человеку под кислотой.

— Но вот какая незадача, — продолжал он. — Мне надо срочно сваливать отсюда. Этот гад обналичил внизу фальшивый чек и назвал тебя как поручителя, так что искать будут вас обоих ... да, да, я знаю, Люси, но нельзя судить книгу по обложке; такие мрази встречаются ... короче, больше сюда ни в коем случае не звони. Звонок проследят и тебя посадят за решетку ... нет, прямо сейчас я переезжаю в «Тропикану», я позвоню тебе оттуда, когда поселюсь ... да, часа через два. Мне нужно вести себя естественно, а то возьмут и меня ... Я, наверно, впишусь под другим именем, но я тебе сообщу ... да, как только заселюсь ... что? ... конечно, мы пойдем в «Цирк-цирк» и посмотрим на номер с белым медведем, ты офигеешь ...

Он то и дело нервно перекидывал трубку из одной руки в другую.

— Нет ... послушай, мне пора; телефон наверняка прослушивается ... да, я знаю, это было ужасно, но всё кончено ... О БОЖЕ! ОНИ ЛОМАЮТ ДВЕРЬ!

Он швырнул телефон на пол и завопил: «Нет! Пустите! Я невиновен! Это всё Дьюк! Богом клянусь!» Он пнул телефон об стену, наклонился к трубке и снова заорал: «Нет, я не знаю, где она! Наверно, вернулась домой, в Монтану. Вам никогда не поймать Люси! Она улетела!» Он еще раз пнул трубку, поднял её на локоть от лица и издал протяжный дрожащий стон. «Не надо! Не надо! Не надевайте на меня эту штуку!» — завопил он. Потом впечатал трубку в аппарат.

— Ну вот, — тихо произнес он. — И все дела. Она наверно сейчас лезет в мусоросжигатель, — Он улыбнулся. — Да, думаю больше мы от Люси ничего не услышим.

Я рухнул на кровать. Его представление выбило меня из колеи. На миг мне показалось, что он спятил и в самом деле решил, что на его напали невидимые враги.

В комнате снова стало тихо. Он вернулся в свое кресло смотреть «Миссия невыполнима» и завопил с трубочкой для гашиша. Она была пуста. «Где опиум?» — спросил он.

Я кинул ему чемоданчик: «Не переусердствуй, там немного осталось».

Он усмехнулся.

— Как твой адвокат, советую тебе не волноваться. — Он кивнул в сторону ванной. — Угостись-ка из коричневого пузырька в моем бритвенном наборе.

— Что там?

— Адренохром. Много не надо. Всего капельку.

Я взял пузырек и макнул туда головку спички.

— Где-то столько, — сказал он. — По сравнению с этой штукой чистый мескалин покажется детской микстурой. Если переберешь, тебя перекроет так, что мало не покажется.

Я лизнул кончик спички.

— Где достал? Такое не продается.

— Неважно. Он абсолютно чистый.

Я с грустью покачал головой.

— Господи! Какое чудовище ты защищал в этот раз? У этого вещества есть только один источник ...

Он кивнул.

— Надпочечники из живого человеческого тела, — продолжил я. — Труп не годится.

— Я знаю. Но у него не было денег. Отмороженный сатанист. Предлагал мне человечесью кровь, сказал, вставляет круче всего, — он рассмеялся. — Я думал, он шутит, сказал ему, пусть лучше достанет унцию чистого адренохрома — или хотя бы свежие надпочечники — пожевать.

Я уже ощущал действие вещества. Первая волна походила на смесь мескалина и метедрина. Мне захотелось поплавать.

— Так вот, — продолжал адвокат. — Парню пришили растрление несовершеннолетних, но он клялся, что этого не делал. Зачем мне, говорит, ебать детей? Они же маленькие! — он пожал плечами. — Ну что я мог ответить? Даже поганый оборотень имеет право на адвоката ... Я не осмелился ему отказать. А то вдруг он схватил бы ножик для конвертов и вырезал мне шишковидную железу?

— А что? — откликнулся я. — Тогда бы его защищал Мелвин Белли.

Я кивнул, уже не в силах говорить. Мое тело будто меня включили в сеть на 220 вольт.

— Чёрт, надо достать, — наконец выдал я. — Закинуть горсть и посмотреть, что будет.

— Горсть чего?

— Экстракта шишковидки.

Он вытаращился на меня.

— Ага, отличная мысль. Да ты от одного запаха превратишься в иллюстрацию из медицинской энциклопедии. Башка у тебя раздуется как арбуз, за два часа наберешь пятьдесят килограмм... вырастут когти, кровоточащие бородавки, а потом ты заметишь у себя на спине шесть огромных волосатых сисек ...

Он решительно покачал головой.

— Я попробую всё что угодно, но в жизни не дотронусь до шишковидной железы.

— На прошлое рождество мне подарили целый корень дурмана, весил чуть ли не килограмм. Хватило бы на целый год — но я сточил его минут за двадцать!

Я подался к нему, внимая каждому слову. Малейшая пауза — и мне хотелось схватить его за горло и заставить говорить побыстрее.

— Да! — восторженно воскликнул я. — Дурман! И как?

— К счастью, я сразу выблевал его почти весь, — ответил он. — Но даже так я ослеп на три дня. Я даже ходить не мог! Всё тело как воск. Меня пришлось тащить обратно на ранчо в тележке ... потом рассказывали, что я пытался говорить, но похоже было на вопли енота.

— Потрясающе, — сказал я.

Но я его почти не слышал. Меня скрутило так, что руки сами вцепились в покрывало и дергали его из-под меня, пока он рассказывал. Пятки вжались в матрас, колени заклинило ... я почувствовал, что скоро глаза у меня полезут из орбит.

— Давай нахуй заканчивай историю, — прохрипел я. — Что было дальше? Что там с железами?

Он попятился в другой конец комнаты, не сводя с меня глаз.

— Может тебе еще выпить? — в его голосе слышалось волнение. — Тебя, я смотрю, мощно плющит, да?

Я попытался выдавить улыбку.

— Ну ... не хуже ... ой, уже хуже ...

Челюсти едва двигались, язык горел, как магний.

— Не, всё нормально, — прошипел я. — Может сбросишь меня в бассейн, или там ...

— Вот это да, — сказал он. — Ты перебрал. Ты сейчас взорвешься. Ну и рожа у тебя!

Я не мог пошевелиться. Полный паралич. Все мышцы свело. Я не мог даже вращать глазами, не то что поворачивать голову или разговаривать.

— Сейчас попустит, — сказал он. — Первая волна — самая жесть. Главное перетерпеть. Если я тебя сейчас брошу в бассейн, ты утонешь, как кирпич.

Смерть. Вот и все. Даже легкие отказали. Мне требовалось искусственное дыхание, но я и рта раскрыть не мог, чтобы сказать об этом. Я умирал. Сидя прямо здесь на кровати, обездвиженный ... ну, хотя бы не больно. Еще несколько секунд, и я отключусь, а что потом — уже неважно.

Мой адвокат вернулся к телевизору. Снова показывали новости. Лицо Никсона на весь экран, но все его слова безнадежно искажались. Удалось разобрать только слово «жертва». Снова и снова: «жертва ... жертва ... жертва ...»

Я слышал свое тяжелое дыхание. Адвокат, похоже, заметил. «Не напрягайся, — сказал вполголоса, не глядя на меня. — Не пытайся сопротивляться, а то мозг запузырится ... аневризмы, инсульт ... скрючишься и загнешься». Из-за кресла к телевизору вылетела его рука и переключила канал.

Ходить и говорить я смог только после полуночи ... но всё равно вещество меня не отпустило, лишь упало напряжение — с 220 до 110. Я как угорелый скакал по комнате, нес всякую чушь и не мог сосредоточиться на одной мысли дольше двух-трех секунд.

Мой адвокат тем временем сделал несколько звонков и положил трубку. «Есть только одно место, где мы можем поесть свежей сёмги, — объявил он. — И по воскресеньям оно закрыто».

— Ну конечно, чертовы фрики Христовы, плодятся как кролики!

Он окинул меня любопытным взглядом.

— Как насчёт «Процесса»? — спросил я. — Разве у них нет мест? Или может в деликатесный магазин? Где сзади столики? В Лондоне потрясающее меню. Я там ел однажды, превосходная еда ...

— Возьми себя в руки, — сказал он. — В этом городе о «Процессе» лучше и не заикаться.

— Ты прав. Надо вызвать инспектора Блора. Он разбирается в еде. Думаю, у него есть список.

— Лучше позвонить в обслуживание номеров. За двадцать баксов нам принесут крабов и кварту муската «Братья во Христе».

— Нет! — завопил я. — Надо выбираться отсюда. Мне нужен воздух. Поехали в Рено, закажем большой салат с тунцом ... чёрт, это не долго, всего-то 400 миль; дорога в пустыне свободна.

— Не выйдет, это территория военных. Они там испытывают бомбы и нервно-паралитический газ — нам не прорваться.

В итоге мы оказались в месте под названием «Биг Флип» на полдороги к центру. Я заказал «бифштекс по нью-йоркски» за 1,88, а мой адвокат — «корзинку койота» за 2,09 ... потом мы выпили кофейник водянистого «Голден Вест» и пронаблюдали, как четыре бухих ковбоя до полусмерти отколошматили педика между игровыми автоматами.

— В этом городе всюду бурлит жизнь, — заметил мой адвокат по дороге к машине. — Любой, кто покрутится здесь какое-то время и обзаведется нужными связями, легко достанет столько адренохрома, сколько надо.

Я согласился, но сейчас на адренохром меня не тянуло. Я не спал уже больше трех суток, и то страшное испытание веществом вымотало меня окончательно ... завтра надо браться за голову. Конференция по наркотикам начиналась в полдень ... а мы до сих пор не знали, как к ней подойти. Поэтому мы вернулись в гостиницу и посмотрели британский фильм ужасов.

6. Принимаясь за дело ... Открытие конференции по наркотикам

«От имени прокуроров нашей страны приветствую вас».

Мы сидели в главном зале гостиницы «Дюны» позади полуторатысячной толпы. Далеко впереди, настолько, что сзади едва было видно, исполнительный директор Национальной ассоциации окружных прокуроров Патрик Хили — средних лет, холеный, на вид — преуспевающий бизнесмен, член республиканской партии по имени — открывал их Третий национальный семинар по наркотикам и психотропным веществам. Его реплики доносились до нас из большого дешевого репродуктора, установленного на металлическом шесту в ближайшем углу. Еще штук десять было развешаны по залу и нацелены на толпу ... так что где бы ты ни сидел и даже где бы ты ни прятался, на тебя всё время смотрело дуло большого репродуктора.

Эффект получался странный. В слушатели каждой секции зала смотрели на ближайший динамик, а не на того, кто выступал где-то далеко впереди на подиуме. Такая схема размещения репродукторов образца 1935 года полностью обезличивала помещение, создавала зловещую авторитарную атмосферу. За акустику здесь, видимо, отвечал технический помощник шерифа из оклахомской глубинки, подрабатывавший в кинотеатре для автомобилистов, чьи владельцы не могли расщедриться на индивидуальные динамики для каждой машины и просто повесили десяток огромных громкоговорителей на телеграфных столбах вокруг стоянки.

Где-то за год до того я побывал на рок-фестивале «Скай Ривер» в сельской глуши штата Вашингтон, и там акустика, собранная группой нищих хиппи из Фронта Освобождения Сизтла доносила до полуоглохших жертв кислоты в кустах в полумиле от концертной площадки не то что самые тихие нотки акустической гитары, а даже кашель и стук башмака по сцене.

Но, видать, лучшим звукотехникам в распоряжении у руководства Национальной конференции окружных прокуроров в Лас-Вегасе, такая задача была не по силам. Через такую акустику, наверно, еще сам Улисс Грант обращался с речью к войскам во время осады Вилксберга. Голос вырывался из динамиков размытый, с треском и назойливым взвизгиванием, а задержка была такая, что слова оратора не совпадали с жестами, и это сбивало с толку.

«Мы должны принять факт существования наркокультуры в нашей стране! ... стране ... стране

... « - до задних рядов волнами доплывало искаженное эхо. «Окурочок самокрутки с травкой называется «тараканом», потому что он напоминает таракана ... таракана... таракана... »

«Что за хуйню они там несут? — прошептал адвокат. — Сколько надо сожрать кислоты, чтоб решить, что косяк похож на таракана».

Я пожал плечами. Было понятно, что мы зашли на огонек в пещеру к доисторическим людям. Из динамик трещал-вещал голос «эксперта по наркотикам», некоего Блумквиста: «... об этих флэш-беках пациент и не догадывается. Он думает, что всё кончилось и живет полгода нормальной жизнью, ... а потом — бац! и снова видит те же самые галлюцинации».

Ох уж это коварное ЛСД! Доктор медицины Е. Р. Блумквист значился основным докладчиком; большой человек на этой конференции. Он выпустил книжку под названием «Марихуана», в которой — судя по обложке — «рассказано всё как есть». (Он же автор гипотезы таракана ...)

Если верить обложке, Блумквист — «адъюнкт-профессор хирургии (анестезиологии) медицинского факультета Южно-калифорнийского университета», а также известный специалист по проблемам наркомании». Доктор Блумквист «выступал в программах центрального телевидения, работал консультантом государственных структур, является членом Комитета по проблемам наркомании и алкоголизма Совета по проблемам психического здоровья Американской медицинской ассоциации». Как уверяет издательство, его труды переиздаются и распространяются широкими тиражами. Короче, этот ученый входит в авангард второсортных шарлатанов от науки, которым отстегивают от 500 до 1000 долларов за выступление перед копами.

Блумквистовская книжка — это сборник заскорузлой херни. На странице 49 он сообщает о «четырёх рангах» в обществе курителей конопли: «Цивил, чувак в теме, хипповый и системный» — в порядке возрастания. «Цивил» едва ли может быть «в системе»? утверждает Блумквист, он не «втыкает», не знает, «что происходит». Но если ему удастся «воткнуть», он переходит на новый уровень — «чувак в теме». Если он одобряет то, «что происходит», «втыкает», он становится «хипповым». Затем, при наличии везения и настойчивости, он сможет дорасти до «системы» ...

Блумквист пишет так, будто он однажды вызвал на диспут Тима Лири в университетском коктейль-баре и заплатил за все напитки. И, видимо, кто-то вроде Лири с серьезным лицом поведал ему, что в наркокультуре солнечные очки зовутся «беспалевными стеклами».

Потом этой опасный бред множили на мимеографе и развешивали в раздевалках полицейских управлений.

Типа того: *«РАСПОЗНАЙ НАРКОМАНА. ОТ ЭТОГО МОЖЕТ ЗАВИСЕТЬ ТВОЯ ЖИЗНЬ! Ты не увидишь его глаз, скрытых за «беспалевными стеклами», но костяшки его пальцев белеют от напряжения, а на брюках — засохшая сперма, потому что он постоянно онанирует, когда не может найти жертву для изнасилования. Когда задаешь ему вопрос, он запинаятся и мямлит. Ему плевать на твой полицейский значок. Наркоман ничего не боится. Он нападает без повода, с любым подвернувшимся под руку оружием — даже твоим. БУДЬ БДИТЕЛЕН. При задержании подозреваемого в употреблении марихуаны любой сотрудник полиции должен не раздумывая применять силу. Один сделанный вовремя стежок (на нем) заменит семь стежков на тебе. Удачи.*

Начальник

Верно. Удача всегда нужна, особенно в Лас-Вегасе ... а наша удача от нас отворачивалась. С одного взгляда было ясно, что эта не та Конференция, на которую мы рассчитывали. Третий сидящих в зале выглядели так, будто они зашли поглазеть по пути на матч-реванш Фрезер-Али в «Конвеншн-центре» на другой стороне города. Или на благотворительный бой между Сони Листоном и Маршалом Каем в пользу старых торговцев героином.

В зале повсюду были бороды, усы и супермодные прикиды. Конференция окружных прокуроров явно собрала немало тайных агентов и прочих темных типов. Помощник окружного прокурора из Чикаго был одет в бежевые трикотажные брюки и жилетку; его дама — звезда казино «Дюны»; она прошла по залу, как Грейс Слик на встрече выпускников колледжа Финч. Классическая парочка; укурки-свингеры.

Даже если ты коп, не значит, что ты не можешь быть В Теме. На эту конференцию приехали несколько настоящих павлинов. Но мой наряд — остроносые фэбээровские туфли за 40 баксов и спортивная курточка были в самый раз для представителя средств массовой информации? средний вариант. Потому что на каждого модного горожанина здесь приходилось по двадцать сурового вида фермеров, которые сошли бы за помощников футбольного тренера в Миссисипи.

Такие люди заставляли моего адвоката нервничать. Как всякий калифорниец, он был потрясен, взаправду увидев целую толпу народа из Перди.

Я попытался его утешить.

— На самом деле они приятные люди, — сказал я. — Если с ними познакомиться поближе.

— Поближе? — он улыбнулся. — Ты что, прикалываешься? Эти твари выпили столько моей крови!

— Не произноси здесь этого слова. А то возбудятся.

Он кивнул.

— Да уж, я видел этих ублюдков в «Беспечном ездоке», но не верил, что они бывают на самом деле. А их здесь сотни!

На моем адвокате был синий двубортный костюм в полоску, гораздо более модный прикид, чем у меня ... но он из-за этого чересчур нервничал. Потому что щеголи в этой толпе были, скорее всего тайными агентами полиции, а мой адвокат ведет дела с людьми, которые очень щепетильны в этом отношении. «Блядь, это какой-то кошмар! — то и дело шипел он. — Проник на конференцию свиней, и ведь найдется в городе какой-нибудь барыга, который меня узнает, и пустит слух, что я здесь якшась с копами!»

У нас у всех были именные значки. Их выдавали после уплаты 100 долларов «регистрационного взноса». На моем было написано: «частный сыщик» из Лос-Анджелеса — что в каком-то смысле было правдой. А мой адвокат значился как «эксперт по анализу наркотиков». Что тоже, в общем-то, было правдой.

Но всем было всё равно, кто здесь кто и зачем. Слишком небрежная охрана для такой жесткой паранойи. Но мы немного напрягались еще и потому, потому что заплатили за два регистрационных взноса недействительным чеком. Его мой адвокат получил от одного из своих клиентов-сутенеров/наркоторговцев, и его большой опыт подсказывал ему, что чек совершенно ничего не стоит.

7. Если не знаешь, приходи учиться ... Если знаешь, приходи учить

Девиз на приглашении на

Национальный съезд окружных прокуроров в Лас-Вегасе 25—29 апреля 1971 года

Первая секция — вступительные речи — затянулась на полдня. Мы терпеливо просидели первые два часа, хотя с самого начала было ясно, что мы ничему не Научимся, и уж тем более было ясно, что с было бы опрометчиво с нашей стороны попытать Учить. Сидеть здесь под мескалином и выслушивать час за часом очередную порцию бреда нам удавалось без труда ... Мы совершенно ничем не рисковали ... Для этих баранов что мескалин, что макарены — одна фигня.

Подозреваю, что мы могли бы просидеть здесь и под кислотой ... если бы не некоторые персонажи; рядом попадались такие лица и тела, которые под кислотой стали бы невыносимы. Когда выключили свет и начали показывать Фильм О Наркотиках, туша начальника полиции из Техаса весом в полтора центнера полезла обниматься с ненамного более изящной спутницей (жена, или кем там ему приходилась эта бабища). Выдержать такое зрелище едва под силу под мескалином — а это вещество чувственно-поверхностное, оно утрирует реальность, но не искажает её — а уж под кислотой зрелище прилюдных брачных игрищ двух между двумя непомерно ожиревшими человеческими телами, пока тысяча сидящих вокруг копов смотрит кино об «опасностях марихуаны» было неприемлемо на эмоциональном уровне. Мозг её отторгнет: продолговатый мозг попытается заблокировать сигналы от лобных долей ... а средний мозг будет делать отчаянные усилия иначе интерпретировать сцену, прежде чем передавать её обратно к продолговатому мозгу и рисковать физическими действиями.

Кислота по своему действию — сравнительно сложный наркотик, тогда как мескалин — простой и прямолинейный, но данном случае практической разницы не было никакой. Всё на этой конференции взывало к массовому поглощению Депрессантов: Секонала, Травы и Бухла, потому как ее программу скорее всего составляли люди, не выходившие из состояния барбитуратного ступора с 1964 года.

Здесь собралось свыше тысячи высоких полицейских начальников, твердивших друг другу «мы должны принять факт существования наркокультуры», но не имевших понятия с чего начать. В кулуарах поговаривали, что за всем стоит Мафия. Или «Битлы». А кто-то из аудитории спросил Блум-

квиста, не связано ли «странное поведение» Маргарет Мид в последнее время с тем, что она покуривает марихуану.

«Не знаю, не знаю, — отвечал Блумквист. — Но если в ее возрасте она курнула бы травки, то словила бы кошмарный приход.

Зал ответил дружным хохотом.

Мой адвокат наклонился ко мне и прошептал, что собирается уходить: «Я буду внизу в казино, — сказал он. — Я знаю уйму способов гораздо лучше потратить свое время, чем слушать эту хуету». Он встал, сшиб пепельницу с подлокотника стула и направился к двери.

Расстановке стульев не допускала хаотических перемещений. Люди пытались освободить для него проход, но подвинуться было некуда.

— Смотри, куда прешься! — крикнул кто-то.

— Иди на хуй! — прорычал он.

— Эй, мне не видно! — крикнул еще кто-то.

Вот он уже почти добрался до двери.

? Мне надо выйти! — кричал он. — Мне здесь не место!»

— Скатертью дорога! — сказал кто-то.

Адвокат остановился, огляделся, потом, видимо, передумал и пошел дальше. Когда он добрался до выхода, в задних ряд царил переполох. Даже Блумквист далеко впереди на сцене заметил неладное. Он прервался, озабоченно вглядываясь туда, откуда доносился шум. Наверно, решил, что вспыхнула драка — какой-нибудь конфликт на расовой почве, лучше не вмешиваться.

Я встал и пустился к двери. Удачный момент для побега. «Извините, меня тошнит», — сказал я обладателю первой отдаленной мною ноги. Нога дернулась назад, я повторил: «Извините, меня сейчас стошнит ... извините, тошнит ... прошу прощения, да, тошнит ...»

На сей раз мне расчистили путь весьма поспешно. Никто даже не возмутился. Напротив, мне подталкивали руками, помогали пробраться побыстрее. Испугались, что меня вырвет, а не этого никто хотел — по крайней мере, чтобы на него. Я добрался до двери где-то за сорок пять секунд.

Адвокат был внизу в баре, беседовал со спортивного вида копом лет сорока, откуда-то из Джорджии, судя по значку.

— Я только виски пью, — говорил он. — В наших краях особых проблем с наркотиками нет.

— Будут, — сказал адвокат. — Однажды ночью ты проснешься и увидишь, как твою спальню разносит на куски наркоман.

— Хорош! Только не в моем городке.

Я подошел к ним и заказал бокал рома со льдом.

— А, ты тоже из Калифорнии, — сказал он. — Твой приятель мне тут рассказывает о наркоманах.

— Они повсюду, — сказал я. — Никто не застрахован. И уж точно не на юге. Любят тёплую погоду.

— Они работают в паре, — подхватил адвокат. — Иногда бандами. Залезут прямо в спальню — и как прыгнут с большими ножами тебе на грудь.

Он с серьезным видом закивал головой.

— А то и к жене твоей на грудь — и нож прямо в горло.

— Господи всемогущий, — пробормотал южанин. — Что ж это такое творится у нас в стране?

— Ты не поверишь, — отвечал адвокат. — В Лос-Анджелесе вообще беда. Сначала наркотики, теперь черная магия.

— Черная магия? Фигня, быть того не может!

— Газеты почитай, — сказал я. — Думаешь, всё в порядке, пока не окажешься лицом к лицу с наркоманами, жаждущих человеческих жертв.

— Хорош! Фантастика какая-то!

— Только не у нас, — сказал адвокат. — В одном только Малибу поганые сатанисты убивают по шесть по восемь человек в день.

Он отхлебнул из бокала и продолжил.

— Им нужна только кровь. Прямо на улице людей хватают, прикинь. Совсем недавно был слу-

чай: девчонку прямо из «Макдональдса» увели. Официантку. Лет шестнадцать. Причем вокруг было полно народу.

— И что было? — спросил наш приятель. — Что с ней сделали?

Услышанное его явно не на шутку взволновало.

— Что сделали, говоришь? — сказал адвокат. — Господи, да они ей башку оттяпали прямо на стоянке. Потом понаделали везде дырок и высосали кровь!

— Боже всемогущий! — воскликнул мужик из Джорджии ... - И никто ничего не сделал?

— А что они могли? — сказал я. — Тот, что ей голову отрубил, ростом был за два метра и весом полтора центнера. В руках два «Люгера», у остальных М-16. Все ветераны ...

— Тот здоровый был майор в морской пехоте, — сказал адвокат. — Нам известно, где он живет, но подобраться к нему мы не можем.

— Хорош! — крикнул наш приятель. — Только не майор!

— Ему была нужна шишковидная железа, — сказал я. — Вот почему он такой здоровый. В армии он был маленький.

— О господи! — воскликнул наш приятель. — Какой ужас!

— И так каждый день, — сказал адвокат. — Обычно целыми семьями. Ночью. Мало кто успевает проснуться — чувствуют только, что им голову рубят — а уже всё — позднйак.

Бармен остановился послушать. Я наблюдал за ним. Выражение лица у него было беспокойное.

— Еще три рома, — заказал я. — Побольше льда, и, пожалуй, горку лайма.

Он кивнул, но я видел, что его разум был занят отнюдь не работой.

— Вы, ребята, сверху, с полицейского съезда? — наконец поинтересовался он.

— А то ж, дружище, — расплылся в улыбке мужик из Джорджии.

Бармен с грустью покачал головой.

— Я так и думал. Я раньше таких разговоров в баре не слыхивал. Господи, как вы такую работу терпите?

Адвокат улыбнулся ему.

— Нам нравится. Прикольно.

Бармен отпрянул с гримасой ужаса на лице.

— А что такого? — сказал я. — Должен же кто-то этим заниматься.

Он окинул меня взглядом и отвернулся.

— Побыстрее с напитками, — сказал адвокат. — Пить охота.

Он рассмеялся, закатив глаза, когда бармен посмотрел на него.

— Только два рома, — поправил он. — Мне «кровавую Мэри».

Бармен напрягся, но наш приятель из Джорджии не заметил. Он думал о чем-то своем.

— Черт, вот мерзость, — тихо сказал он. — Ведь всё, что происходит в Калифорнии, рано или поздно докатится и до нас. Не дальше Атланты, обычно, но так было еще когда эти сукины дети были мирные. Нам нужно было только присматривать за ними. Они особо нигде не шлялись

Он пожал плечами.

— Но теперь-то никто не застрахован. Они могут объявиться где угодно.

— Точно, — подтвердил мой адвокат. — В Калифорнии мы это поняли. Помнишь, где появился Мэнсон, а? Прямо в Долине Смерти. У него там была целая армия извращенцев. Мы почти никого не взяли. Большая часть смылась; разбежались по дюнам, как большие ящерицы ... И все до одного голые, но с оружием.

— Скоро они будут объявляться повсюду, — сказал я. — Будем надеяться, что сможем дать отпор.

Мужик из Джорджии стукнул кулаком по барной стойке.

— Но мы ведь не можем запереться у себя дома! — воскликнул он. — Мы даже не знаем, кто они! Как их узнать?

— Никак, — ответил адвокат. — Единственный способ — взять быка за рога, выйти на охоту на этих тварями!

— То есть?

— Ну ты должен понимать, — сказал адвокат. — Мы делали так раньше, и мы, черт побери, можем сделать это сейчас.

— Отрубить им головы к чертям собачьим, — сказал я. — Всем до единого. В Калифорнии мы

так и работаем.

— Что?

— Ну да, — сказал адвокат. — Всё неофициально, но все важные люди с нами заодно.

— Господи! Я и не думал, что всё так плохо!

— Конспирация, — сказал я. — Наверху в зале лучше никому не рассказывать. Там журналисты.

Наш приятель согласился.

— Ясен хрен! А то начнут трещать на каждом углу.

— Доберманы не разговаривают, — сказал я.

— Что?

— Иногда проще вырвать сухожилия, — сказал мой адвокат, — Они дерутся как черти, когда пытаешься взять главного без псов.

— Боже всемогущий!

Мы оставили его у барной стойки. Он крутил лёд в бокале и не улыбался. Думал, стоит ли рассказывать жене. «Она ни за что не поймет, — бормотал он. — Сам знаешь, женщины, они такие».

Я кивнул. Адвокат уже ушел. Он пробирался через игровые автоматы к парадной двери. Я попрощался с нашим приятелем и предупредил его, чтобы молчал о том, что мы ему рассказали.

8. Прелестные булки ... и наконец серьезный дрег-рейсинг на Стрип

Около полуночи моему адвокату захотелось кофе. Пока мы катались по Стрип, он регулярно поплеывал, и теперь правый бок Кита был весь в заляпан. Мы стояли на светофоре перед казино «Силвер Слиппер» рядом с большим синим «Фордом» с оклахомскими номерами ... внутри две свинообразные парочки — видимо копы из перди, прикатившие на конференцию, чтобы показать своим женам Лас-Вегас. Выглядели они так, будто только что выиграли в «Дворце Цезаря» 33 доллара в блэкджек и теперь направлялись в «Цирк-Цирк» с шиком отпраздновать свою удачу ...

... но вдруг они очутились бок о бок с белым заблеванным «Кадиллаком», откуда на них орал огромный самоанец в желтой майке-сетке:

— Эй вы там! Героину купить не желаете?

Ответа не последовало. Будто не заметили. Их наверняка предупреждали о таких случаях: просто не обращайтесь внимания ...

— Эй, бледнолицые! — кричал адвокат. — Я не шучу. Хочу продать вам охуенно чистого герыча!

Он торчал из машины вплотную к ним. Но они по-прежнему не реагировали. Я метнул взгляд в их сторону и увидел четыре провинциальных лица, застывшие от шока и смотрящие прямо перед собой.

Мы стояли в среднем ряду. Поворачивать налево запрещено. Когда загорится зеленый, придется ехать прямо и уходить на следующем повороте. Я ждал, нетерпеливо постукивая ногой по педали газа ...

Адвокат терял самообладание: «Дешевый героин! Настоящий! Не подсядете! Черт подери, я знаю, что говорю!» Он стукнул кулаком им по дверце, чтобы привлечь их внимание ... но они с нами связываться не хотели.

— Эй, вы чо, никогда с ветераном не разговаривали? Я только что вернулся из Вьетнама. Это герыч, слышь! Чистый герыч!

Вдруг загорелся зеленый, и «Форд» ракетой сорвался с места. Я нажал на газ и проехал вровень с ними около двухсот метров, наблюдая в зеркало за адвокатом, вопившим: «Огонь! Блядь! Герыч! Кровь! Героин! Изнасилование! Дешево! Коммунисты! Хуярьте прямо в глазные яблоки!»

Мы мчались к «Цирку-Цирку», а оклахомская машина стала поворачивать налево, пытаясь втиснуться в левый ряд. Я пошел на обгон и на миг мы оказались крылом к крылу. Он боялся врезаться в меня; в его глазах был ужас ...

Мужик на заднем сиденье не выдержал ... он перегнулся через жену и злобно захрипел: «Мрази поганые! Остановитесь, я вас убью! Твари! Мрази!» От ярости он обезумел; казалось, он был готов прыгнуть из окна в нашу машину. К счастью, «Форд» был двухдверный. Ему было не выбраться.

Мы подъехали к следующему светофору, а «Форд» все пытался свернуть влево. Мы оба мчались

на полной скорости. Я обернулся и увидел, что все остальные машины остались далеко позади; справа было свободно. Я затормозил, адвоката швырнуло на приборную панель, и, только «Форд» вышел вперед, я подрезал его сзади и рванул в переулок. Резкий поворот вправо через три полосы. Однако трюк удался. «Форд» застрял на перекрестке посреди резкого поворота влево. Если повезет, его арестуют за неосторожную езду.

Мы не спеша крутились с выключенными фарами по запутанным пыльным переулкам за «Дезерт Инном», адвокат хохотал.

— Боже, как эта оклахомщина возбудилась. Тот тип сзади укусить меня хотел! У него аж пена изо рта шла! — он с важным видом кивнул. — Надо было окатить его перцем ... псих от мороженого ... ничего не соображает ... от них чего угодно можно ожидать.

Я резко свернул в переулок, который, как мне показалось, вел наружу из этого лабиринта, но тачка вместо того, чтобы пойти юзом, чуть не перевернулась.

— Блядь! — закричал адвокат. — Включи свет нахуй!

Он вцепился в ветровое стекло ... и вдруг, наклонившись в сторону, совершил очередной Большой Проблев.

Я отказывался снизить скорость, не удостоверившись, что нас никто не преследует — особенно тот оклахомский форд: его пассажиры определенно опасны, по крайней мере, пока не успокоятся. Сообщат ли они об этой жуткой стычке в полицию? Наверно нет. Всё произошло слишком быстро, без свидетелей, вряд ли кто им поверит. Чтобы два героиновых барыги разъезжали на белом «Кадиллаке» туда-сюда по главной улице и домогались до незнакомцев на светофорах — это заведомый бред. Даже Сонни Листон себе такого не позволял.

Мы еще раз свернули и снова чуть не перевернулись. «Куп де Виль» — не та машина, чтобы на большой скорости поворачивать на узких улочках. Слишком инертное управление. В отличие от «Красной акулы», которая отлично реагировала в ситуациях, требовавших резкого заноса на обе оси. А Кит в критический момент вместо того, чтобы скользить, имел привычку встывать, что вызывало неприятное ощущение «всё, докатились».

Сначала я подумал, что спустили покрышки, и отвез его на заправку «Тексако» возле «Фламинго», где шины накачали до 350 килопаскалей; механика встревожился, но я объяснил ему, что шины — «экспериментальные».

Но от 350 килопаскалей в каждой шине поворачивать легче не стало, поэтому через несколько часов я вернулся и сказал, что хочу попробовать накачать до 500. Он нервно покачал головой. «Я не буду, — сказал он и протянул мне насос. — Вот. Ваши шины, вы и накачивайте».

— А что такое? — спросил я. — Думаете, не выдержат?

Он кивнул и отошел, когда я взялся за левую переднюю.

— Конечно нет, — сказал он. — Надо 190 спереди и 220 сзади. 350 — уже опасно, но 500 — это бред. Они взорвутся!

Я покачал головой и продолжил накачивать.

— Я же говорил. Это шины, специально изготовленные в лабораториях Сандоз. Их можно накачать до семисот.

— О господи! — застонал он, — только не здесь.

— И не сегодня, — ответил я. — Хочу посмотреть, как машина будет брать повороты с пятьюстами.

Он усмехнулся.

— До поворота вы даже не доедете.

— Посмотрим, — сказал я и перешел с насосом к заднему колесу. По правде говоря, я побаивался. Передние колеса были твердые как барабаны; когда я постукивал по ним поршнем они издавали деревянный звук. И хрен с ними, подумал я. Взорвутся — что с того? Нечасто выпадает шанс провести радикальные эксперименты на девственном «Кадиллаке» с новехонькими шинами по 80 баксов. Вдруг он станет поворачивать как «Лотус Элан»? А если нет, просто позвоню в агентство и закажу другую машину ... может даже пригрозю им иском, потому что у меня взорвались все четыре шины в плотном автомобильном потоке. Потребую тогда «Эльдорадо» с шинами «Мишлен». Всё по кредитке, пусть платит клуб «Сент-Луис Браунс».

Как оказалось, с подкачанными шинами Кит повел себя замечательно. Езда, правда, стала жест-

ковата; чувствовался каждый камешек на дороге, будто едешь на роликах по карьеру с гравием ... но поворачивать он стал просто загляденье, как мотоцикл на полной скорости в сильный дождь: легкое скольжение и БАЦ! — тебя выносит через руль и летишь кувырком на фоне пейзажа, обхватив голову руками.

Через полчаса после терки с оклахомцами мы подъехали к круглосуточной забегаловке на шоссе Тонопа на задворках уголовного/хмурого гетто под названием Северный Лас-Вегас. Который на самом деле расположен за пределами собственно Лас-Вегаса. Северный Лас-Вегас — это куда отправляются те, кто слишком часто налетал на Стрип, и кому не рады даже во второсортных заведениях вокруг Центра Казино.

Это невадский ответ Восточному Сент-Луису: трущоба и кладбище, последняя остановка перед пожизненной ссылкой в Илай или Виннемуку. Северный Лас-Вегас — это куда отправляются шлюхи, когда им под сорок, и начальство их профсоюза на Стрип решает что они больше не пригодны для работы с большими игроками ... или задолжавшие сутенеры ... или те, кого в Вегасе до сих пор зовут «хануриками». Это может означать кого угодно? хоть алкаша, хоть героинщика, но в плане занятости это значит, что тебя не пустят на порог ни в одно из правильных заведений.

Большие гостиницы и казино держат много вышибал, чтобы избавить больших игроков от даже мимолетного общения с «нежелательными элементами». Охрана в заведениях вроде «Дворца Цезаря» жесткая и суровая. Около трети людей в зале в любое время — либо зазывалы, либо охрана. С пьянью и известными карманниками разговор короткий — их оперативно выводят на стоянку мрачные ребята и быстро и бесстрастно зачитывают лекцию на тему того, сколько стоят услуги стоматолога и как трудно зарабатывать на жизнь с переломами обеих рук.

«Светский» Лас-Вегас? это, пожалуй, самое закрытое общество к западу от Сицилии, что впрочем никак не влияет на повседневную жизнедеятельность заведения, неважно, кто здесь Хозяин: Счастливчик Лючано или Говард Хьюз. В условиях, когда Том Джонс может заработать в неделю 75тысяч за два выступления в «Цезаре», необходима дворцовая стража, и ей всё равно, кто платит жалованье. Как всякий клондайк, Лас-Вегас порождает свою армию. Наемная сила плотно концентрируется вокруг стержней денег/власти ... а большие деньги в Вегасе синонимичны с Силой, которая их защищает.

Поэтому, если на Стрип ты попал в черный список по какой угодно причине, тебе надо или валить из города, или доигрывать свои игры в его суррогатной части, дыре под названием Северный Лас-Вегас ... с катамитами, бандитами, калеками-наркоманами и прочим сбродом. Северный Лас-Вегас — это куда ты едешь за героином, если у тебя нет связей, а героин нужен срочно.

Но если тебе нужен кокаин, ты готов платить вперед и знаешь тайное слово, оставайся на Стрип и ищи проститутку со связями, которая для начала возьмет как минимум одну банкноту.

В общем мы не вписывались в обстановку. В Лас-Вегасе ничего не предусмотрено для тех, кто оказался здесь в белом «Кадиллаке», полном наркотиков, и не знает, куда с ними податься... Здесь так и не привился стиль «Филлмор». В Лас-Вегасе до сих пор считается, что Синатра и Дин Мартин — это «круто». «Андеграундная газета» здесь — это Лас-Вегас Фри Пресс, осторожное эхо «Пиплз Уорлд», или «Нэшнл Гардиан».

Провести неделю в Лас-Вегасе — это как попасть в дыру во времени и оказаться в конце пятидесятых. Что совершенно понятно, когда видишь, кто сюда приезжает: Солидные Люди из Денвера и Далласа. А еще съезды Национального лосинового клуба (нигерам вход запрещен) и Общеамериканский съезд пастухов-добровольцев. Таким людям срывает крышу при виде старой шлюхи, раздевающейся до трусов и скачущей на сцене под биг-бит в исполнении десятка пятидесятилетних героинового торчков, отрывающихся под September Song.

Было около трех, когда мы остановились возле забегаловки в Северном Вегасе. Я искал «Лос-Анджелес Таймс», чтобы узнать, что происходит в мире, но, взглянув на газетную стойку, понял, что это несерьезно. В Северном Вегасе не нужна «Таймс». Отсутствие новостей — хорошие новости.

«Забей на газеты, — сказал мой адвокат. — Нам сейчас нужен кофе».

Я согласился, но на всякий случай стащил номер «Вегас Сан». Вчерашний, но мне было все

равно. От мысли, что придется сидеть в кофейне без газеты, мне стало не по себе. Всегда можно почитать спортивный раздел; узнать счет бейсбольных матчей, слухи в профессиональном футболе: «Барта Стара избили хулиганы в чикагском баре ... «Пакерс» идут на обмен ... Намат уходит из «Джетс» на пост губернатора Алабамы» ... и аналитическая статья на странице 46 о чудо-новичке по имени Харрисон Файер, из Грэмблинга: пробегает стометровку за девять секунд ровно, вес 150 килограмм и все еще растет.

«Этот Файер — перспективный парень, — говорит тренер. — Вчера, перед тренировкой он уничтожил автобус голыми руками, а вчера вечером — поезд метро. Таких только по цветному телевидению показывать. Любимчиков я не держу, но это особый случай».

Точно. На телевидении всегда найдется место для того, кто способен сделать из человека мокрое место за девять секунд ровно ... Но не много таких собралось этой ночью в кафе «Норт Стар». Мы были здесь одни — и это хорошо, потому что по дороге сюда мы заточили по два катышка мескалина и он уже начал впираться.

Мой адвокат перестал блевать и даже пришел в себя. Он заказал кофе властным голосом человека, привыкшего к быстрому обслуживанию. Официантка выглядела как проститутка, которая наконец нашла свое место в жизни. Она определенно была здесь главная, и когда мы сели на свои места, оглядела нас с явным неодобрением.

Я не обращал внимания. Кафе «Норт Стар» походила на довольно безопасную гавань, где мы могли укрыться от своих штормов. По долгу профессии заходишь иной раз в заведение и сразу понимаешь, что придется туго. Без конкретики. Просто твой мозг начинает гудеть от злых вибраций, когда подходишь к входной двери. Случится нечто скверное, и тебе тоже достанется.

Но в атмосфере «Норт Стар» меня ничто не насторожило. Официантка держалась пассивно враждебно, но мне не привыкать. Крупная женщина. Не толстая, но большая, с длинными жилистыми руками и квадратной челюстью. Карикатура на поплохевшую Джейн Рассел: крупная голова, темные волосы, толстый слой помада и грудь шестого размера, которая, наверно, потрясающе выглядела лет двадцать назад, когда она была, скажем, мамочкой у Ангелов Ада в Берду ... но теперь она стянута гигантским розовым эластичным бюстгалтером, просвечивавшим, как бандаж, под пропотевшей белой форменной блузкой из вискозы.

Наверно, она была замужем, но мне не хотелось строить догадки. Сегодня мне от неё нужно только чашку черного кофе и гамбургер с солеными огурцами и луком. Не разводить, не разговаривать — просто отдохнуть и перегруппироваться. Мне даже не хотелось есть.

У адвоката не было ни газеты, ни чего другого, чем себя занять. Поэтому от скуки он рассматривал официантку. Она как робот принимала наши заказы, когда он пробил ее панцирь? потребовав два стакана ледяной воды? со льдом.

Свой стакан адвокат выпил залпом, потом попросил еще один. Я заметил, что официантка напугалась.

Похуй, подумал я, читая комиксы.

Минут через десять, когда она принесла гамбургеры, я увидел, что адвокат сунул ей салфетку с какой-то надписью. Он сделал это очень небрежно, безо всякого выражения на лице. Но вибрации подсказали мне, что скоро наш покой накроется медным тазом.

— Что там? — спросил я его.

Он пожал плечами, с рассеянной улыбкой наблюдая за официанткой. Та стояла в трех метрах у края стойки, спиной к нам, читая записку. Наконец она повернулась и уставилась на нас ... потом решительно шагнула вперед и швырнула салфетку в адвоката.

— Это что такое? — рявкнула она.

— Салфетка, — сказал адвокат.

На секунду повисла тягостная пауза, потом она заорала: «Что это за херня? Я знаю, что это такое, сраный жирный сутенер!»

Мой адвокат подобрал салфетку, посмотрел на свою записку, потом бросил её на стойку. «Так звали лошадь, которая у меня была раньше, — спокойно сказал он. — Что такого?»

«Сукин ты сын! — завизжала она, — Мне здесь всякое приходится терпеть, но только не от сраного сутенера-латиноса!»

Боже, подумал я. Что происходит? Я следил за её руками, надеясь, что она не схватится за что-нибудь острое или тяжелое. Я взял салфетку и прочел, что эта сволочь на ней написала, аккуратными

красными буквами: «Прелестные булки?» Вопросительный знак был несколько раз обведен.

Женщина снова заорала: «Платите по счету и валите отсюда! Хотите, чтобы я вызвала полицию?»

Я потянулся за бумажником, но адвокат, не отрывая от нее взгляда, уже вскочил с места, ... зачем-то запустил руку под рубашку, а не в карман и, вытащил оттуда серебристый нож «Гербер Мини-Магнум». Официантка всё сразу поняла.

Она оцепенела: её испуганный взгляд застыл на лезвии. Адвокат, всё так же не спуская с нее глаз, прошел метра три вдоль стойки и снял трубку с таксофона. Срезав её, он с трубкой в руке вернулся на свое место.

Официантка стояла как вкопанная. От неожиданности я не знал, то ли бежать, то ли смеяться.

«Сколько за лимонный пирог?» — спросил адвокат спокойным голосом, будто только что зашел и раздумывал, чем перекусить.

«Тридцать пять центов!» — выпалила женщина. Глаза у неё были выпучены от страха, но мозг продолжал работать на низком моторном уровне, необходимом для выживания.

Адвокат засмеялся. «Я спрашиваю, сколько за весь пирог?» — сказал он.

Она испустила стон.

Адвокат положил на прилавок банкноту. «Скажем, пять долларов, идет?»

Она кивнула, и, не сходя с места, проводила взглядом адвоката, который обошел прилавок и вытащил из витрины пирог. Я приготовился уходить.

Официантка явно была в шоке. Нож, вытасченный в разгаре стычки, видимо, вызвал у нее дурные воспоминания. Судя по ее остекленелым глазам, ей уже когда-то доставалось ножом по горлу. Когда мы уходили, она всё еще стояла парализованная.

9. Крах на бульваре Парадаиз

Примечание редактора:

После этого эпизода доктор Дюк, по-видимому, окончательно утратил рассудок; Исходные рукописи настолько разрознены, что мы были вынуждены отыскать магнитную запись и дословно её транскрибировать. Мы не пытались отредактировать эту главу, а сам Дюк и вовсе отказался её читать. Связаться с ним не было возможности. Единственный его адрес/контакт, которым мы располагали на то время, был телефон-автомат где-то на шоссе 61 — и все попытки связаться с Дюком по этому номеру оказались безуспешны.

В интересах чистоты журналистики мы публикуем следующую главу в том виде, в каком она была на пленке — одной из многих, что Дюк сдал для проверки — вместе со своей рукописью. Согласно пленке, эта глава следует за эпизодом с участием Дюка, его адвоката и официантки в круглосуточном кафе Северном Вегасе.... Последовавшие события, судя по всему, объясняются тем, что Дюк и его адвокат решили, что Американскую мечту надо искать далеко за пределами унылой Конференции окружных прокуроров по наркотикам и психотропным веществам.

Транскрипция начинается где-то на северо-восточной окраине Лас-Вегаса — они мчатся по Парадаиз-роуд на Белом ките ...

Адв.: Направо Боулдер-Сити. Это город?

Дюк: Ага.

Адв.: Поехали в Боулдер-Сити.

Дюк: Поехали. Заедем куда-нибудь, выпьем кофе

Адв.: Вот здесь, «Тако у Терри», США. Я бы съел тако. Они здесь по доллару за пяток.

Дюк: Жесть. Я бы лучше поехал туда, где они по 50 центов за штуку.

Адв.: Нет ... это может быть наш последний шанс купить тако.

Дюк: ... Мне нужен кофе.

Адв.: Я хочу тако ...

Дюк: Пять на доллар — это как ... пять гамбургеров за доллар.

Адв.: Нет ... не суди о тако по его цене.

Дюк: Ты сможешь договориться?

Адв.: Не исключено. Здесь гамбургеры по 29 центов. Тако по 20. Просто дешевое место, вот и все.

Дюк: Иди сам с ними договариваться.

[Далее неразборчивые звуки — прим. ред.]

Адв.: ... Здравствуйте.

Официантка: Чего желаете?

Адв.: У вас есть тако? Они мексиканские или обычные? В смысле в них есть чили и всё такое?

Официантка: В них сыр и салат, и еще мы соус в них кладем.

Адв.: Вы ручаетесь, что это настоящие мексиканские тако?

Официантка: ... Ну я не знаю. Лу, у нас тако настоящие мексиканские?

Женский голос с кухни: Что?

Официантка: Тако — настоящие мексиканские?

Лу: У нас есть тако. Не знаю, насколько они мексиканские.

Адв.: Не, ну я просто хочу убедиться, что за свои деньги получу то, что мне надо. Они ведь пять штук на доллар? Я возьму пяток.

Дюк: Такобургер — это что такое?

[Шум грузовика с дизельным двигателем — прим. ред.]

Адв.: Это гамбургер с начинкой тако.

Официантка: ... вместо лепешки.

Дюк: Тако на булке.

Адв.: Да ваши тако — это просто гамбургеры, где вместо лепешки булочка.

Официантка: Я не знаю ...

Адв.: Давно тут работаешь?

Официантка: С сегодняшнего дня.

Адв.: Я так и думал, раньше тебя тут не видел. В школу здесь ходишь?

Официантка: Нет, я в школу не хожу.

Адв.: А почему? Ты болеешь?

Дюк: Не важно. Мы здесь за тако.

[Пауза]

Адв.: Как твой адвокат, советую тебе взять чилибургер. Это гамбургер с чили.

Дюк: Слишком жестко для меня.

Адв.: Тогда советую взять такобургер, вон тот попробуй.

Дюк: ... в тако есть мясо. Я возьму вон тот. И еще кофе. Прямо сейчас. Выпью, пока буду ждать тако.

Официантка: Один такобургер, ничего больше не хотите?

Дюк: Ну, я его попробую. Понравится — еще возьму.

Адв.: У тебя глаза голубые или зеленые?

Официантка: Что?

Адв.: Голубые или зеленые?

Официантка: Они меняют цвет.

Адв.: Как у ящерицы?

Официантка: Как у кошки.

Адв.: А, у ящериц меняется цвет кожи.

Официантка: Что будете пить?

Адв.: Пиво. Пиво у меня в машине. Целая гора. Всё заднее сиденье завалено.

Дюк: Я не хочу мешать кокосы с пивом и гамбургерами.

Адв.: Давай их поколем ... прямо посередине дороги ... Боулдер-Сити отсюда далеко?

Официантка: Боулдер-Сити? Сахар вам нужен?

Дюк: Ага.

Адв.: Мы в Боулдер-Сити, да? Или где-то совсем рядом?

Дюк: Не знаю.

Официантка: Он там. На знаке написано Боулдер-Сити. Вы не из Невады?

Адв.: Нет, Мы здесь никогда не были. Проездом.

Официантка: Езжайте прямо по этой дороге.

Адв.: Что в Боулдер-Сити интересного?

Официантка: Меня лучше не спрашивайте, я не ...

Адв.: Азартные игры?

Официантка: Я не знаю, это просто маленький городок.

Дюк: Где тут казино?

Официантка: Не знаю.

Адв.: Погоди, а ты сама откуда?

Официантка: Я из Нью-Йорка.

Адв.: И ты здесь всего один день.

Официантка: Нет, я здесь давно.

Адв.: Куда ты здесь ходишь? Искупаться там, все такое.

Официантка: К себе во двор.

Адв.: Адрес какой?

Официантка: М-м, поезжайте в ... а, бассейн еще не открыли.

Адв.: Я тебе сейчас объясню, всё расскажу, вкратце, если получится. Мы ищем Американскую мечту, и нам сказали, что она где-то в этой округе ... Мы ищем её потому, что нас сюда за этим послали из Сан-Франциско. Поэтому нам выдали белый «Кадиллак», ну чтобы мы смогли успеть за ней в этом...

Официантка: Эй, Лу, не знаешь, где тут Американская мечта?

Адв.(Дюку): Она спрашивает повара, где тут американская мечта.

Официантка: Пять тако, один такобургер. Ты знаешь, где тут Американская мечта?

Лу: А что это такое?

Адв.: Ну мы сами не знаем, нас сюда прислали найти Американскую мечту из Сан-Франциско, из журнала, для статьи.

Лу: А, это место такое.

Адв.: Место под названием Американская мечта.

Лу: Может, это «Клуб старого Психиатра»?

Официантка: Наверно.

Адв.: «Клуб старого Психиатра»?

Лу: «Клуб старого Психиатра», это на Парадайз ... Ребята, вы серьезно?

Адв.: Не, честно, ну вы посмотрите на машину, разве я похож, на человек, у которого может быть такая машина?

Лу: Может это «Клуб старого Психиатра»? Там дискотека была ...

Адв.: Может быть он и есть.

Официантка: Он на Парадайз, и что?

Лу: Хозяином «Старого Психиатра» был Росс Аллен. Кто там сейчас?

Дюк: Не знаю.

Адв.: Нам просто сказали, отправляйтесь на поиски Американской мечты. Берите этот «Кадиллак» и найдите Американскую мечту. Она где-то в районе Лас-Вегаса.

Лу: Наверняка это клуб ...

Адв.: ... дурацкое задание, но знаете ли, нам за это платят.

Лу: Вам нужны его фотографии или ...

Адв.: Нет, нет, без фотографий.

Лу: ... Или вас отправили искать непонятно что.

Адв.: Ну вообще-то да, непонятно что, но лично мы настроены совершенно серьезно.

Лу: Это точно «Клуб старого Психиатра», но там теперь собираются одни барыги, наркоши, скоростные, медленные, всякая шваль.

Адв.: Наверно, это он. Он ночной или круглосуточный ...

Лу: Ну, дорогуша, там все время что-то происходит. Но это не казино.

Дюк: А что это за место?

Лу: Это на Парадайз, ну, «Клуб старого Психиатра» на Парадайз.

Адв.: Он что, так и называется — «Клуб старого Психиатра»?

Лу: Нет, раньше назывался, а потом его кто-то купил ... Но я не слышала, чтобы он назывался «Американской мечтой», там что-то, связанное с ... ну ... короче, это дурка, там все торчки собираются.

Адв.: Дурка? То есть психбольница?

Лу: Нет, дорогуша, там, где собираются все наркоманы и барыги. Молодежь туда приходит вся обкуренная, всё такое ... но это не «Американская мечта», как вы говорите.

Адв.: А вы знаете, как это называется? И где это примерно находится?

Лу: На углу Парадайз и Восточной.

Официантка: Но Парадайз и Восточная параллельны.

Лу: Да, но, я с Восточной перехожу на Парадайз.

Официантка: Да, я знаю, но это тогда с Парадайз через «Фламинго», и прямо. Вам кажется кто-то ...

Адв.: Мы остановились во «Фламинго». Судя по тому, что вы рассказываете, это оно и есть.

Лу: Это не для туристов заведение.

Адв.: Поэтому меня сюда и отправили. Он репортер, я телохранитель. Я думаю, там будет ...

Лу: Они там все психи ... психи

Адв.: Ничего страшного.

Официантка: У них новые правила.

Дюк: Круглосуточное насилие. Так, что ли?

Лу: Точно. Значит, «Фламинго» ... Нет, я вам так не могу показать, давайте я лучше на словах.

На первой бензоколонке у «Тропиканы» сверните направо.

Адв.: От «Тропиканы» направо.

Лу: Первая бензоколонка — это и есть «Тропикана». Сверните направо у «Тропиканы» и ежайте сюда ... Направо у «Тропиканы», направо на Парадайз, увидите большое черное здание, все черное, очень странное такое.

Адв.: Направо у «Тропиканы», направо на Парадайз, черное здание ...

Лу: Там сбоку будет вывеска «Клуб «Психиатр», но там был капитальный ремонт и все такое.

Адв.: Понятно, похоже то, что надо.

Лу: Если еще чем-то могу помочь, ... Не знаю даже, оно это или нет, но вроде оно. По-моему, вы ребята на правильном пути.

Адв.: Отлично, за два дня — это лучшая наводка, мы всех тут в округе попереспрашивали.

Лу: ... могу позвонить и узнать наверняка.

Адв.: Можете?

Лу: Ну да, позвоню Аллену и спрошу.

Адв.: Ух-ты, буду очень признателен.

Официантка: Когда доедете до «Тропиканы», то это будет не первая заправка, а вторая.

Лу: Там большой прямо в конце улицы: «Тропикана авеню». Там направо, а когда доберетесь до Парадайз, еще раз направо.

Адв.: Ясно. Большое черное здание, прямо на Парадайз: насилие и наркотики круглосуточно.

Официантка: Смотрите: здесь «Тропикана», здесь прямо проходит шоссе на Боулдер.

Дюк: Ну, это довольно далеко в город.

Официантка: Парадайз расходится где-то здесь. Вот Парадайз. А мы здесь. Видите, это шоссе на Боулдер ... и «Тропикана».

Лу: Не, это не то. И там бармен тоже вечно обкуренный ...

Адв.: О, это зацепка.

Лу: Будете рады, ребята, что здесь остановились.

Дюк: Только если найдем это место.

Адв.: Только если напишем статью и её напечатают.

Официантка: Может, зайдете внутрь, присядете?

Дюк: Мы загораем, нам нужно больше солнца.

Адв.: Она пошла звонить узнавать, где это.

Дюк: А, ну тогда давай зайдем.

Примечание редактора:

Транскрипция последующей записи представляется невозможной, поскольку кассеты оказались заляпаны какой-то вязкой жидкостью. Однако, в искаженных звуках кое-что можно разобрать, и, судя по всему, почти два часа спустя Доктор Дюк и его адвокат наконец обнаружили то, что осталось от «Клуба старого Психиатра» — огромный обгоревший и растрескавшийся бетонный каркас на заросшем сорняками пустыре. Владелец бензоколонки напротив сказал, что здание сгорело года

три назад.

10. Напролом в аэропорт ... Уродливый перуанский флэшбэк ... «Стой! Уже поздно! Не надо!»

Мой адвокат улетел на рассвете. Мы чуть не опоздали на первый рейс до Лос-Анджелеса, потому что я не мог найти аэропорт. Он был в получасе от гостиницы. Я был в этом уверен. Поэтому мы покинули «Фламинго» ровно в семь тридцать ... но почему-то не свернули на светофоре напротив «Тропиканы». Мы поехали прямо по шоссе, что идет параллельно главной посадочной полосе аэропорта, но с другой стороны от терминала ... и попасть на ту сторону законным способом нельзя.

«Черт подери! Мы заблудились! — кричал мой адвокат, — Что мы забыли на этой проклятой дороге? Аэропорт там! — он в истерике тыкал пальцем в тундру за бортом.

«Не волнуйся, — сказал я, — Я еще никогда не опаздывал на самолет». Я улыбнулся, вспомнив случай из прошлого. «Кроме того раза в Перу, — добавил я, — Я уже прошел таможенную, но вернулся в бар поболтать с одним боливийским торговцем кокаином... и вдруг слышу, как заводятся эти здоровые двигатели 707-ого «Боинга», выбегаю на взлетную полосу и пытаюсь пробиться на борт, но дверь прямо за двигателями, а трап уже откатили ... Чёрт, я бы поджарился как бекон в этих форсажных камерах ... но я ничего не соображал: мне отчаянно нужно было попасть на борт.

Меня заметили полицейские, и загородили мне выход. Я бегу прямо на них как очумелый. Тип, который был со мной, орет: «Стой, уже поздно! Не надо!»

Я вижу, что меня поджидают копы и торможу — будто передумал ... но только они расслабились, я резко ускоряюсь и ломлюсь прямо через них». Я засмеялся. «Это как забежать на полном ходу в полный шкаф ядозубов. Эти козлы меня чуть не угрохали. Помню только, как на меня одним махом опускается штук пять дубинок и крики: «Стоять! Стоять! Самоубийца! Остановите глупого гринго!».

Я очухался часа через два в баре в центре Лимы. Он уложили меня на какой-то кожаный гамак. Весь багаж стоял рядом. Никто его не вскрывал ... короче, я опять заснул и следующим утром вылетел первым рейсом».

Адвокат слушал меня вполуха. «Знаешь что, — сказал он, — Я бы с удовольствием еще послушал о твоих приключениях в Перу, но только не сейчас. Сейчас меня волнует только одно — как добраться до взлетной полосы».

Мы мчались на приличной скорости. Я высматривал какой-нибудь съезд с дороги к терминалу. Последний светофор мы проехали минут пять назад, и возвращаться было некогда.

Теперь оставался только один способ успеть на самолет. Я притормозил и повернул в поросший травой ров между двумя полосами шоссе. Для поворота под прямым углом ров был слишком глубокий, поэтому я прошел по нему по дуге. Кит чуть не перевернулся, но я удержал его, и мы на двух колесах въехали на встречную полосу. К счастью, она оказалась пуста. Мы вылетели из канавы с задранной носом, как гидроплан ... потом подскочили на асфальте и покатались к полю с кактусами по ту сторону дороги. Помню, как протаранили какой-то проволочный забор и протащили его за собой несколько сот метров; но к тому времени, когда мы достигли взлетной полосы, я справился с управлением, и мы с визгом летели на скорости 90 на первой передаче, и по пути к терминалу не виднелось ни единой помехи.

Единственное, чего я опасался, это как бы не угодить под заходящий на посадку DC-8, который расплющил бы нас как таракана, а заметили мы бы его только, когда он был бы уже прямо над нами. Интересно, видно ли нас из диспетчерской? Наверное, видно, но к чему беспокоиться? Я выжимал газ до пола. Возвращаться теперь было бессмысленно.

Мой адвокат вцепился обеими руками в приборную панель. Я глянул не него и увидел в его глазах страх. Его лицо посерело, и я чувствовал, что он не рад моему ходу, но мы так быстро мчались по взлетной полосе — потом через кактусы, потом по другой полосе — что я знал, он понимает, в каком мы положении: обсуждать, правильно ли я поступил, уже поздно; наше единственная надежда — попасть на ту сторону.

Я взглянул на часы: до отлета три минуты пятнадцать секунд. «Времени полно, — сказал я. — Готовься, высажу прямо у самолета». В километре от нас маячил большой серебристо-красно реактивный лайнер ... к тому времени мы уже катились по ровному асфальту, мимо посадочной полосы.

«Нет! — закричал он. — Я не могу выйти. Меня распнут. Мне придется взять вину на себя!»

«Чушь, — сказал я. — Скажешь просто, что добирался до аэропорта автостопом, и я тебя под-

вез. Раньше ты меня не видел. Черт, да в этом городе полным-полно белых «Кадиллаков»-кабриолетов ... и я планирую проехать так быстро, что на номер даже посмотреть никто не успеет».

Мы приближались к самолету. Пассажиры поднимались на борт, но нас пока никто не заметил ... с такого-то неожиданного направления. «Готов?» — спросил я.

Он простонал. «А что делать? Но ради бога, побыстрее!» Он изучил посадочную площадку и указал: «Вон туда! Высади меня за большим фургоном. Остановись за ним, чтоб меня никто не увидел, я выскочу, и можешь сматываться».

Я кивнул. Пока пространства для маневра хватало. Никаких признаков тревоги или погони. А вдруг в Лас-Вегасе такое происходит все время: машины с опаздывающими пассажирами с отчаянным визгом проносятся по взлетной полосе, высаживают ошалелых самоанцев, в руках у которых загадочные холщовые сумки, и те вприпрыжку избегают на самолет в самую последнюю секунду и взмывают навстречу рассвету.

Да, может быть и такое. Может быть, в этом городе это стандартная процедура ...

Я резко завернул за фургон и притормозил, чтобы адвокат успел выскочить. «Не позволяй этим свиньям хамить! — прокричал я. — И помни, если будут неприятности, ты всегда сможешь отправить телеграммы Нужным Людям».

Он ухмыльнулся: «Ага, ... Объяснить свою позицию, один мудака как-то написал про это стихотворение. Хороший совет, наверно. Для долбоебов». Он помахал мне вдогонку рукой.

«Отлично», — сказал, я отъезжая. Я уже заметил просвет в большом проволочном заборе, и поехал к ней на первой передаче. За мной вроде никто не гнался. Непонятно. Я посмотрел в зеркало и увидел, как адвокат без шума и драки поднимается на самолет ... я выехал наружу и влился в ранний утренний поток на Парадайз-роуд.

Я резко свернул направо на Расселл, потом налево на Мэриленд Парквей ... и вдруг оказался в атмосфере уютной анонимности у кампуса Университета Лас-Вегаса ... какие спокойные лица; я остановился на красном и на мгновение растерялся от праздника плоти на перекрестке: изящные мускулистые бедра, розовые мини-юбки, спелые юные соски, блузки-безрукавки, длинные светлые волосы, розовые губы и голубые глаза — все коронные признаки опасно невинной культуры.

У меня возникло искушение встать у обочины и извергнуть поток непристойных предложений: «Эй, детка, давай почудим. Прыгай ко мне в мой модный «Каддиллак», я мигом отвезу тебя к себе номер во «Фламинго», нанюхаемся эфира и будем плескаться, как дикие животные в моем личном почкообразном бассейне...»

Неприменно. Но я уже проехал далеко по парковой магистрали и встал в левый ряд, чтобы свернуть на Фламинго-роуд. Вернуться в гостиницу, оценить обстановку. У меня были все причины полагать, что меня ждали неприятности, что я слишком долго испытывал судьбу. Я нарушил все правила Вегаса: кидал местных, оскорблял туристов, терроризировал службу.

Теперь была одна надежда: что мы настолько далеко зашли в своих подвигах, что ни один страж правосудия в них просто не поверит. Особенно после того, как мы записались на полицейский съезд. Если в этом городе жечь, то жечь люто. Не размениваться на мелкое жульничество и хулиганство, а браться за матерую уголовщину.

Менталитет Лас-Вегаса чудовишно архаичен, настоящие крупные преступления здесь часто проходят незамеченными. Недавно один мой сосед попал в вегасскую тюрьму на неделю за «бродяжничество». Ему лет двадцать: длинный волосы, джинсовая куртка «Ливайс», рюкзак — типичный путешественник-автостопщик. Совершенно безобиден. Скитается по стране в поисках того, что мы, как нам тогда казалось, нашли в шестидесятых — трип в духе раннего Боба Циммермана.

По пути из Чикаго в Лос-Анджелес ему захотелось посмотреть Вегас. Прогуляться по Стрип, поглазеть на достопримечательности ... без спешки, куда торопиться? Пока он стоял на углу улицы возле «Цирка-цирка» любясь разноцветным фонтаном, рядом остановился патруль.

Бац! Прямоком в тюрьму. Ни телефона, ни адвоката, не обвинения. «Меня затолкали в машину и отвезли в участок, — рассказывал он. — Посадили в большом помещении, полно народу, сняли всю одежду, зарегистрировали. Я стоял перед большим столом высотой в человеческий рост, а за ним сидел коп и смотрел на меня как средневековый судья.

Народу было полно. Дюжина арестованных, вдвое больше копов-мужиков, и десять теток-полицейских. Нужно было выйти в центр, вынуть всё из карманов и положить на стол, а потом раз-

деться догола — и при этом все на тебя смотрят.

У меня с собой была двадцатка, а штраф за бродяжничество — двадцать пять, так что меня посадили на скамейку с теми, кого в камеру. Никто надо мной не издевался, было похоже на конвейер.

Прямо за мной сидели двое волосатых. Кислотники. Их тоже забрали за бродяжничество. Но когда они стали доставать вещи из карманов, все прифигели. У них было 130 тысяч, крупными купюрами. У копов глаза на лоб полезли. А эти стоят голые и молча выкладывают и выкладывают пачку за пачкой на стол.

«Копы прифигели от таких денег. Стали между собой шептаться; ясен хрен, этих ребят за «бродяжничество» никак не посадишь, — он засмеялся. — Короче, им пришили «подозрение в уклонении от уплаты налогов».

«Нас всех отвели в тюрьму, а эти двое сели на измену. Они ведь барыги, понятное дело, и у них в номере лежал товар, поэтому им надо было выбраться, прежде чем копы узнают, где они остановились».

Они сунули охраннику сотню, чтобы тот привел им лучшего адвоката в городе, и через минут двадцать тот появился. Вопил что-то про неприкосновенность личности и всё такое. Я с ним пытался заговорить, но у он как заиклился. Я ему говорил, что могу заплатить залог и даже заплатить ему, если мне разрешат позвонить отцу в Чикаго, но он был слишком занят теми парнями.

Часа через два он возвращается вместе с охранником и говорит: «Пойдем». Их отпустили. Пока они ждали, один мне сказал, что это им обойдется в тридцать штук ... наверно, не соврал. Ну а что? Считай еще дешево отделались, по сравнению с тем, что было бы, если бы они там задержались.

Наконец мне разрешили послать отцу телеграмму, и он мне выслал 125 баксов ... Но на это ушло семь, а то и восемь дней. Не знаю, сколько я там просидел, потому что окон там не было, а кормили нас раз в двенадцать часов ... Когда не видишь солнца, теряешь счет времени.

В каждой камере сидело семьдесят пять человек. Посередине толчок. Перед камерой выдавали тюфяк, и спи где хочешь. Там был мужик, который просидел тридцать лет за ограбление бензоколонки.

Когда меня наконец отпустили, коп на регистрации взял еще четвертак из тех денег, что послал мне отец, сверх штрафа. А что я мог ему сказать? Потом он отдал мне оставшиеся семьдесят пять и сказал, что на улице меня ждет такси до аэропорта ... когда я сел в такси, водитель сказал: «Останавливаться мы нигде не будем, и лучше не шевелись, пока не доедем до терминала».

Я всю дорогу сидел как парализованный. Он бы меня пристрелил, не сомневаюсь. Я сразу пошел на самолет и никому и слова не сказал, пока мы не покинули Неваду. Я туда больше ни ногой».

11. Мошенничество? Кража? Изнасилование? ... Зверский контакт с горничной Элис.

Над этой историей я и раздумывал, въезжая на Белом Ките на стоянку гостиницы. Пятьдесят баксов и неделя в тюрьме за постоять и поглазеть на углу ...

Господи, какие же тогда невыносимые кары падают на меня? Я составил перечень обвинений — но в виде юридических терминов без подробностей они смотрелись не так уж и страшно:

Изнасилование? Не прокатит. Я даже не желал этой девки, не то что прикасался к ее плоти. Мошенничество? Кража? Здесь всегда можно «уладить дело». Выплатить долги. Сказать, что я выполнял задание «Спортс иллюстрейтед» и втянуть юристов «Таймс инкорпорейтед» в кошмарный процесс. Будут годами разгребать горы постановлений и апелляций.

Перевести все их активы на Аляску и в Техас, потом постоянно подавать прошения о переносе слушания в Кито, Ноум и Арубубу ... не задерживаться на месте, водить их по кругу, сталкивать с бухгалтерским отделом.

Ведомость

Абнер Додж, главный юридический советник

Сумма: 44.066,12 \$... Дополнительные расходы, а именно: мы преследовали обвиняемого, Р. Дюка, по всему западному полушарию и, наконец, обнаружили его близ деревни на северном берегу острова Кулебра в Карибском море, где его адвокаты добились от суда постановления о том, что все дальнейшие слушания должны проводиться на языке племени карибов. С этой целью мы отпра-

вили трех человек в языковую школу «Берлиц», но за девятнадцать часов до начала прения сторон подсудимый сбежал в Колумбию, где он устроился на местожительство в рыбацком поселке Гуахира близ венесуэльской границы, где официальным языком юриспруденции является малоизвестный диалект гуахира. Нам потребовался не один месяц, чтобы установить юрисдикцию в этом месте, но к тому времени подсудимый поменял местожительство, переселившись в практически недостижимый порт в истоках реки Амазонки, где он обзавелся крепкими связями с племенем охотников за головами хибаро. Наш внештатный сотрудник в Манаусе был отправлен вверх по реке, чтобы найти и нанять местного адвоката со знанием языка хибаро, но поиски затрудняются из-за серьезных проблем со связью. В нашем отделении в Рио существует серьезная озабоченность, что вдова вышеупомянутого сотрудника может добиться от местных судов, вследствие их предвзятости, решение о выплате нами разорительной суммы компенсации, гораздо большей, чем жюри присяжных в нашей стране сочло бы разумным.

Да уж. Но что значит «разумный»? Особенно здесь, «в нашей стране» — в угрюмую эпоху Никсона. Теперь у всех нас трип на выживание. Кончилась скорость шестидесятых. Стимуляторы выходят из моды. Вот в чем роковой изъян трипа Тима Лири. Он катался по Америке и впаривал «расширение сознания», даже не задумываясь о мрачных уродливых реалиях, за углом с топором поджидавших тех, кто воспринял его чересчур всерьез. После Уэст-Пойнта и католического колледжа выбор ЛСД был для него совершенно логичным ... но нет особой радости от того, что он сам всё проебал, потому что слишком многих он увлек на дно за собой.

Не то, чтобы они этого не заслужили: несомненно, они все Получили По Заслугам. Все эти до нелепого восторженные кислотные торчки, вообразившие, будто можно купить Покой и Понимание по три бакса за дозу. Но их поражение — это и наше поражение тоже. Лири забрал с собой на дно главную иллюзию, породившую целый образ жизни, у истоков которого он стоял ... поколение покалеченных на всю жизнь, ничего не нашедших искателей — они так и не поняли главного древнемистического заблуждения Кислотной культуры: отчаянной веры в то, будто кто-то — или хотя бы какая-то сила — хранит тот самый Свет в конце тоннеля.

На той же жестокой и, как ни странно, во благо задуманной херне много веков держится и католическая церковь. Таков же этический принцип военных ... слепая вера в вышестоящую мудрую «власть». Папа, Генерал, Премьер-министр ... и так до самого «Бога». Один из переломных моментов шестидесятых случился тот день, когда Битлы связались с Махариши. Это как если бы Дилан поехал в Ватикан целовать перстень Папы.

Первые «гуру». Потом, когда с ними не вышло — обратно к Иисусу. А теперь, по стопам следовавшего первобытному инстинкту Мэнсона, полезла целая шайка клановых местечковых божков, типа Мела Лаймана, правителя «Аватара» или того хрена с горы, что заправляет «Духом и плотью».

Сонни Барджер до этого так и не дошел, и ему никогда не узнать, как близко он стоял у Рубикона. «Ангелы ада» профукали свой шанс в 65-ом, когда подчинились инстинктам ретрограда и бандита Барджера и набросились на первые ряды антивоенной демонстрации в Беркли. Так произошел исторический раскол в тогда еще только стававшем на ноги молодежном движении шестидесятых. То было первое столкновение между гризерами и волосатыми, и о значении той стычки можно почитать в истории «Студентов за демократическое общество», которое впоследствии уничтожило само себя в обреченной попытке примирить интересы байкеров/люмпенов из рабочего класса и выходцев из среднего и высшего класса/студентов-активистов Беркли.

Тогда никто из участников движения не смог предугадать, чем обернется неудачная попытка Гинзберга и Кизи убедить Ангелов ада объединить силы с левыми радикалами из Беркли. Окончательный разрыв произошел в Альтамонте четыре года спустя, но к тому времени все давно было ясно каждому, кроме национальной прессы и кучки укурышей из рок-индустрии. Вакханалия насилия в Альтамонте лишь драматизировала проблему. Реальность уже все успела расставить по своим местам; диагноз поставлен — болезнь неизлечима, а энергия Движения давно рассеялась на импульсы самосохранения.

Ох, какой бред. Мрачные воспоминания и дурные флэшбеки проглядывают сквозь туман/время из Сан-Франциско, с улицы Станьян ... нет утешенья беглецам, бессмысленно смотреть назад. Вопрос, как всегда, *сейчас ...?*

Я лежу, распластавшись на своей кровати во «Фламинго», чуя опасный сдвиг по фазе с окружающим меня миром. Сейчас случится что-то скверное. Не иначе. Номер похож на место катастрофического зоологического эксперимента с гориллами и виски. Трехметровое зеркало разбито, но пока висит — дурное напоминание о том дне, когда у моего адвоката сорвало крышу и он молотком для кокосов побил зеркало и лампы.

Лампы мы заменили красными и синими фонариками для рождественской елки, но зеркало было не спасти. Кровать моего адвоката выглядела как выжженное крысиное гнездо. Огонь уничтожил верхнюю половину, а от нижней остались пружины и обуглившаяся набивка. К счастью, горничные даже близко к нашему номеру не подходили после того жуткого происшествия во вторник.

В то утро, когда зашла горничная, я спал. Мы забыли повесить табличку «Не беспокоить» ... она вошла в комнату и напугала моего адвоката. Тот стоял совершенно голый на коленях в кладовке и блевал в свои туфли ... думал, он в туалете. Он поднимает голову и видит женщину с простым и добрым лицом, как у Мики Руни, которая, не в силах сказать ни слова, смотрит на него сверху вниз в растерянности и дрожит от испуга.

«Она держала свою швабру как топор, — рассказывал он потом. — Я выбегаю из кладовки на карачках, все еще блюю, и толкаю ее прямо в колени ... все на автомате; я думал, она собирается меня убить ... потом она стала вопить, и я сунул ей в рот мешок со льдом».

Да. Я помню тот вопль ... более жуткого звука мне слышать не доводилось. Я проснулся и увидел, как возле кровати на полу голый адвокат схватился не на жизнь, а на смерть с какой-то пожилой теткой. В номере стоял сильный шум статических помех — на полной громкости свистел включенный на не существующий канал телевизор. Вопли тетки, отбивающейся от мешка со льдом были едва слышны ... но она было не справится с огромной голой тушей моего адвоката ... Он наконец зажал ее в углу за телевизором и схватил руками за горло. Она запричитала: «Пожалуйста, пожалуйста ... я просто горничная ... я ничего такого не хотела ... «Я мигом спрыгнул с кровати, схватил бумажник и помахал у нее перед носом золотым жетоном Полицейской благотворительной ассоциации. «Вы арестованы!» — гаркнул я.

«За что? — простонала она, — я просто хотела убраться!» Мой адвокат, тяжело дыша, поднялся на ноги. «Она, наверно, воспользовалась служебным доступом. Я чистил обувь в кладовке, когда заметил, что она сюда проникла — и взял ее». Он дрожал, по подбородку у него стекала рвота, и я с одного взгляда определил, что он понимает всю серьезность происходящего. На сей раз своей выходкой мы далеко перешли границу дозволенных мудачеств. Итак, мы стоим, оба голые, уставившись на запуганную до полусмерти пожилую женщину — работника гостиницы — распростертую на полу нашего номера в припадке страха и истерики. Придется с ней что-то придумать.

— Кто тебя послал? — спросил я — Кто тебе заплатил?

— Никто! — взревела она. — Я горничная!

— Врешь! — рявкнул мой адвокат. — Ты пришла за уликами. Кто тебя послал — управляющий?

— Я работаю в гостинице, я просто убираюсь в номерах.

Я повернулся к адвокату.

— Значит, им известно, что у нас есть. Поэтому они послали сюда эту бедную старушку, чтоб она это выкрала.

— Нет! — закричала она. — Что вы такое говорите!

— Херня! — сказал адвокат. — Ты с ними заодно.

— С кем?

— С бандой наркоторговцев, — сказал я. — Ты что, не знаешь, что происходит в этой гостинице? Зачем мы, по-твоему, здесь?

Она таращилась на нас, пытаясь что-то сказать, но только всхлипывала.

— Я знаю, что вы копы, — выдавила она наконец. — Но я думала, что вы на съезд приехали. Клянусь! Я просто хотела у вас убраться. Я ничего не знаю про наркотики!

Мой адвокат рассмеялся.

— Да ты что. Только не говори, что никогда не слышала о Грандже Гормане.

— Нет! — вскрикнула она. — Нет! Богом клянусь, никогда я о таком не слыхала!

Адвокат задумался, потом нагнулся, протянул руку и помог ей встать.

— Возможно, она говорит правду, — обратился он ко мне. — Возможно, она ни причем.

— Нет! Клянусь, я ни при чем! — завывала она.

— Что ж ... - сказал я. — В таком случае нам, возможно, не придется ее арестовывать. Вдруг она сможет нам помочь.

— Да! — охотно подхватила она. — Я помогу вам всем, чем смогу. Я ненавижу наркотики.

— Мы тоже, — сказал я.

— Думаю, надо включить ее в штат, — сказал мой адвокат. — Пусть ее проверят, и можно выплачивать ей по штуке в месяц, в зависимости от того, что она принесет.

Лицо у тетки заметно просветлело. Ее, кажется, больше не тревожило, что она беседует с двумя голыми мужиками, один из которых минуту назад пытался ее придушить.

— Думаешь, справишься?

— С чем?

— Один телефонный звонок каждый день, — сказал мой адвокат. — Просто расскажешь, что видела, — он похлопал ее по плечу. — Даже если, это окажется пустышка, ничего страшного. Это наша проблема.

Она заулыбалась.

— И вы мне будете за это платить?

— А то, — сказал я. — Но как только ты кому-то об этом расскажешь, сразу сядешь в тюрьму до конца жизни.

Она кивнула.

— Я помогу всем, чем смогу. Но кому мне звонить?

— Не беспокойся, — сказал адвокат. — Как тебя зовут?

— Элис, — ответила она. — Звоните в прачечную и спросите Эллис.

— С тобой свяжутся, — сказал я. — Где-то через неделю. Но держи ухо востро и веди себя как ни в чем не бывало. Справишься?

— Да, сэр! Когда я вас снова увижу? — она робко заулыбалась. — После этого, ну ...

— Нет, — ответил адвокат. — Нас послали сюда из Карсон-сити. С тобой свяжется инспектор Рок. Артур Рок. Он будет выдавать себя за политика, но ты без труда его узнаешь.

Она нервно зашаркала.

— Что такое? — спросил я. — Ты что-то нам не сказала?

— Нет! — быстро ответила она. — Я просто подумала, а кто мне будет платить?

— Инспектор Рок об этом позаботится, — сказал я. — Оплата наличными, тысяча долларов девятого числа каждого месяца.

— О, Боже! — воскликнула она. — За такие деньги я на все готова!

— Ты и многие другие, — сказал адвокат. — Ты бы удивилась, узнав, кто в гостинице работает на нас.

Она поразилась.

— Я их узнаю?

— Вероятно, — сказал я. — Но они все под прикрытием. Ты узнаешь наверняка, только если случится что-то очень серьезное, и кто-то из них свяжется с тобой в открытую, назвав пароль.

— Какой?

— «Рука руку моет». Как только услышишь, отвечай: «Я ничего не боюсь». Так они тебя узнают.

Она кивнула и несколько раз повторила пароль, а проверили, чтобы она его верно запомнила.

— Отлично, — сказал мой адвокат. — Пока все. Скорее всего мы больше никогда не увидимся. Лучше игнорируй нас, пока мы не уедем. В номере убираться не надо. Просто оставляй полотенца и мыло у двери ровно в полночь, — он улыбнулся. — Так мы сможем избежать повторения подобных инцидента, верно?

Она направилась к двери.

— Как скажете, джентльмены. Мне правда очень жаль, что так вышло ... но я ведь не знала.

Адвокат проводил ее на выход.

— Мы понимаем, но теперь все в порядке. Хвала всевышнему, что есть на свете порядочные люди.

Перед тем, как закрыть за собой дверь, она улыбнулась.

12. Возвращение в «Цирк-цирк» ... В поисках обезьяны ... К чертям Американскую мечту.

После того странного происшествия минуло почти трое суток, и еще ни одна горничная не заглянула к нам в номер. Любопытно, что сказала им Эллис. Мы видели ее один раз на стоянке, когда заезжали туда на Белом ките — она катила тележку со стиркой, но мы не подали виду, что узнали ее, и она поняла.

Но долго так продолжаться не могло. Номер был завален использованными полотенцами, они висели повсюду. На полу в ванной было по щиколотку кусков мыла, блевотины и грейпфрутовых корок вперемешку с битым стеклом. Чтобы сходить отлить, мне приходилось всякий раз надевать сапоги. Серый коврик был так густо усыпан семенами марихуаны, что выглядел зеленым.

Номер походил на помойку, в нем стоял такой невероятный чудовищный срач, что я решил, что можно будет отмазаться, заявив, что это «кусочек жизни», экспонат, привезенный с Хейт-стрит, дабы наглядно продемонстрировать копам с других частей страны до какой мерзости могут опуститься наркоманы, если предоставить их самим себе.

Но какому наркоману понадобится эта скорлупа от кокосов и кожура от мускатных дынь? Как присутствие наркоманов объяснит весь этот недоодеженный картофель-фри? Капли засохшего кетчупа на комод?

Ладно. Но зачем столько бухла? А эти грубые порнографические фото, вырванные из журналов вроде «Шведских шлюх» и «Мавританских оргий», прилепленные к разбитому зеркалу горчицей, засохшей и превратившейся в твердую желтую корку ... все эти следы разгрома, эти странные красные и синие лампочки и осколки стекла, торчащие из штукатурки на стенах ...

Нет. Эти дымящиеся серой следы оставили не обычные богобоязненные наркоманы. Слишком дико, слишком агрессивно. В этом номере повсюду виднелись свидетельства чрезмерного потребления почти всех видов наркотиков, известных цивилизованному человеку с 1544 года. Это можно объяснить только как инсталляцию, какой-то гигантский медицинский экспонат, тщательно собранный с целью показать, что выйдет, если двадцать два тяжелых наркомана — и каждый со разной зависимостью — безвылазно просидят взаперти в одном помещении пять дней и ночей.

В самом деле. Но, разумеется, господа, в Реальной Жизни такого не никогда случится. Мы устроили все это исключительно в показательных целях ...

Вдруг зазвонил телефон, выдернув меня из мечтательного ступора. Я посмотрел на него. Дзииииинь ... Господи, ну что теперь? Неужели все? Я уже представил себе, как управляющий мистер Хим сообщает пронзительным голосом, что полиция уже поднимается ко мне в номере и просит, чтобы я не стрелял через дверь, когда они начнут ее ломать.

Дзииииинь ... Нет, они не станут звонить. Если будут меня брать, то устроят засаду в лифте: струя газа в лицо и навалятся скопом. Без всяких предупреждений.

Я взял трубку. Это звонил мой приятель Брюс Иннс, из «Цирка-цирка». Он нашел человека, который хотел продать обезьяну, о которой я давеча спрашивал. Цена — 750 долларов.

— Вот жадюга! — спросил я. — Вчера вечером было четыреста.

— Он говорит, что только обнаружил, что она приучена к туалету, — сказал Брюс. — Он вчера оставил ее на ночь в трейлере, и она нагадила в душе.

— Это ничего не значит. Обезьяны тянутся к воде. В следующий раз нагадит в раковине.

— Может ты сам подойдешь и с ним поторгуешься. Он со мной в баре. Я ему сказал, что обезьяна тебе очень нужна, что ты можешь взять ее в хороший дом. Думаю, он готов поторговаться. Он сильно привязался к этой вонючей твари. Она с нами в баре, сидит на табурете, пускает слюни в бочку с пивом.

— Ладно, буду через десять минут. Только смотри, чтоб не нажрался. Хочу увидеть его в нормальном состоянии.

Когда я добрался до «Цирка-цирка», у главного входа в «скорую помощь» заносили какого-то старика. «Что случилось?» — спросил я у парковщика.

«Не знаю. Говорят, инсульт. Но я видел, что у него весь затылок разбит». Он сел в Кита и протянул мне квиток. «А что с напитком, — спросил он, поднимая большой стакан с текилой, стоявший на сиденье. — Могу поставить в холодильник, если хотите». Я кивнул. Эти люди были знакомы с моими привычками. Я так часто бывал в этом месте, с Брюсом и другими членами группы, что парковщики

знали меня по имени, хотя я им не представлялся, а они не спрашивал, как меня зовут. Я решил, что здесь так заведено, они просто залезли в бардачок и нашли блокнот с моим именем.

На самом деле все объяснялось по-другому — тогда мне это в голову не пришло — на мне до сих пор висел значок с Конференции окружных прокуроров. Он болтался на кармане моей разноцветной охотничьей куртки, но о нем я давно забыл. Они наверняка приняли меня за суперстранного тайного агента ... а может и нет, может они угождали мне рассудив, что псих, выдающий себя за копа, разъезжая по Лас-Вегасу в кабриолете марки «Кадиллак» со стаканом в руке — очень Крут, возможно даже опасен. В городе, где любой уважающий себя человек не тот, кем он кажется, вести себя как конченный отморозок не слишком рискованно. Смотрящие важно кивнут друг другу и пробормочут что-нибудь про «неотесанных понторезов».

Другая сторона медали — синдром «А это еще что за черт?». Встречается у людей вроде швейцаров и официантов, считающих, что если кто-то ведет себя как псих, но дает щедрые чаевые, то это кто-то важный — а значит ему надо угождать, или хотя бы обходиться учтиво.

Но все это ничего не значит под мескалином. Ты просто бродишь туда-сюда и делаешь то, что считаешь правильным, и так оно обычно и есть. В Лас-Вегасе полным-полно людей двинутых от природы, которых прет на ровном месте, поэтому наркотики здесь никого не волнуют — кроме полиции и героинового синдиката. Психоделикам не место в городе, где в любое время дня и ночи ты можешь зайти в казино и узреть распятие гориллы на пылающем неоновом кресте, который вдруг обрачивается колесом и вертит зверюгу кругами над многолюдным игровым залом.

Я нашел Брюса в баре, но обезьяны нигде не было. «Где она? — спросил я. — Я готов выписать чек. Возьму эту тварь с собой на самолете. Я уже заказал два билета в первом классе — Р. Дюк и сын».

— На самолете?

— А что такого, черт подери? Думаешь, мне кто возразит? Укажет на недостатки моего сына?

Он пожал плечами.

— Забудь. Ее только что увезли. Набросилась на старика прямо в баре. Какой-то старик начал домогаться до бармена, почему тот пускает сюда «всякий босоногий сброд», и тут обезьяна как заверещит, а старик швырнул в нее кружкой, и обезьяна взбесилась. Прыг с табуретки — и оттяпала ему полбашки ... Бармену пришлось вызывать «скорую», потом приехали копы и увезли обезьяну.

— Черт подери. Сколько залог? Мне нужна эта обезьяна.

— Угомонись. Еще не хватало тебе угодить в тюрьму. Им только повод дай — сразу наденут на тебя наручники. Забудь про обезьяну. Она тебе не нужна.

Я подумал и решил, что он, пожалуй, прав. Ни к чему все портить из-за какой-то бешеной обезьяны, которой я никогда не видел. А то еще откусит мне голову, если я пойду ее вызволять. Она долго будет оправляться после пережитого в тюрьме потрясения, а мне столько ждать некогда.

— Когда улетаешь? — спросил Брюс.

— Чем скорее, тем лучше. Больше оставаться в этом городе незачем. Все что нужно, у меня есть. Лишнее только собьет меня с толку.

Он удивился.

— Ты нашел Американскую мечту? В этом городе?

Я кивнул.

— Мы сейчас сидим на главном нерве. Помнишь, управляющий рассказывал нам про владельца? Как он в детстве всегда хотел убежать из дома и работать в цирке?

Брюс заказал еще пару пива. Он окинул взглядом казино, потом пожал плечами.

— Я понимаю, о чем ты. Теперь у него свой собственный цирк, и деньги он гребет лопатой. — Он кивнул. — Ты прав. Превосходный образец.

— Совершенно верно. Горацио Эджер в чистом виде, вплоть до мировоззрения. Я пытался с ним поговорить, но какая-то суровая лесбиянка, что назвалась его Исполнительным секретарем, послала меня нахуй. Сказала, больше всего в Америке он ненавидит прессу.

— Он и Спиро Эгню.

— Они оба правы. Я ей пытался сказать, что во всем с ним согласен, но она велела не валять дурака и уматывать из города и даже не думать приставать к Боссу. Он, говорит, в самом деле ненавидит репортеров: «Я не то чтобы предупреждаю, но на вашем месте я бы именно так это и восприня-

ла» ...

Брюс кивнул. Босс отстегивает ему штуку баксов в неделю за два выступления за вечер в баре «Леопард-лаунж» и еще две штуки группе. От них требуется только лабать погромче два часа каждый вечер. Боссу насрать, какие песни они играют, главное, чтобы ритм потяжелее, да громко звучали динамики, чтобы заманивать народ в бар.

Как-то странно было сидеть в Вегасе и слушать, как Брюс поет мощные вещи вроде «Чикаго» и «Кантри сонг». Если бы руководство потрудились прислушаться к словам, всю группу вымазали бы в дегте и изваляли в перьях.

Несколько месяцев спустя, в Эспене, Брюс пел те же песни в полном клубе туристов, где еще сидел Астронавт, и когда выступление закончилось, — подвалил к нашему столу и стал нести какой-то пьяный ура-патриотический бред и доебываться до Брюса: «Совсем обнаглел канадец, приехал сюда и оскорбляет нашу страну!»

— Слушай, — сказал я. — Я американец. Я здесь живу и я согласен, блядь, с каждым его словом.

Тут подошли вышибалы и, загадочно улыбаясь, сказали: «Добрый вечер, джентльмены. Книга Перемен говорит, что сейчас время тишины. И здесь не принято приставать к музыкантам, ясно?»

Астронавт ушел, что-то мрачно бормоча что-то о том, как бы используя свое влияние «что-то сделать, да побыстрее» с законами об иммиграции. «Тебя как зовут?» — спросил он меня, когда его провожали вышибалы.

— Боб Циммерман, — сказал я. — И больше всего на свете я ненавижу тупых поляков.

— По-твоему, я поляк? — закричал он. — Ах ты прихлебала поганый. Говнюк! Ты не представляешь эту страну.

— Господи, надеюсь, что ты ее не представляешь — пробормотал Брюс. — Все еще что-то вещал, когда его выволокли на улицу.

На следующий вечер, в другом ресторане Астронавт, трезвый как стеклышко, сидел и жрал — когда к его столику подошел за автографом мальчик четырнадцати лет. — немного посмутился для приличия, потом нацарапал свою подпись на маленьком клочке бумаги, который дал ему мальчик. Тот посмотрел на бумажку, порвал ее на кусочки и бросил ему на колени. «Не все тебя любят», — сказал он и вернулся к своему столику, стоявшему в метрах двух поодаль.

Компания Астронавта потеряла дар речи. Человек восемь-десять: жены, администраторы и избранные старшие инженеры, развлекавшие — в славном городке Эспен. Никто не сказал ни слова. Быстро доели и ушли, не оставив чаевых.

Так астронавт — съездил в Эспен. В Лас-Вегасе бы у него таких проблем не возникло.

Этот город очень быстро забирает. Через пять дней в Вегасе чувствуешь себя, как будто ты здесь прожил пять лет. Кому-то нравится, но кому-то нравится и Никсон. Этот бы здесь стал отличным мэром, шерифом — Джон Митчелл, а Эгню — начальником канализации.

13. Конец пути ... Гибель Кита ... Пот градом в аэропорту.

Когда я попытался сесть за карточный столик, меня окружили вышибалы. «Тебе здесь не место, — тихо сказал один из них. — Пойдем выйдем»

— Почему бы и нет? — ответил я.

Они вывели меня через главный вход и дали знак привезти Белого Кита.

— Где твой друг? — спросили меня, пока мы ждали.

— Какой друг?

— Здоровый мексикос.

— Послушайте, я доктор журналистики. С чего это я вдруг буду здесь тусоваться с каким-то мексикосом?

Они засмеялись: «Тогда это что?» — и сунули мне в лицо большую фотографию, где мы с адвокатом сидели за столиком во вращающемся баре.

Я пожал плечами.

— Это не я. Это некий Томпсон. Работает в «Роллинг стоун» ... очень опасный человек, буйный псих. А рядом с ним киллер мафии в Голливуде. Да каким местом вы на эту фотку смотрели? Какой

нормальный человек станет ходить в одной черной перчатке?

— Это мы заметили. Где он сейчас?

Я пожал плечами.

— Он быстро передвигается. Задания приходят ему из Сент-Луиса.

Они пристально на меня посмотрели.

— А ты откуда все это знаешь?

Я быстро засветил перед ними свой золотой значок Полицейской благотворительной ассоциации, повернувшись спиной к толпе.

— Ведите себя естественно. Не палите меня.

Они все еще стояли там, когда я уезжал в Белом ките. Парковщик пригнал машину как раз вовремя. Я дал ему пятерку и со стильным визгом покрышек выехал на улицу.

Все было кончено. Я подъехал к «Фламинго» и загрузил весь свой багаж в машину. Попытался поднять верх, чтобы избавиться себя от посторонних взглядов, но моторчик не работал. Лампочка генератора горела ярко красным огнем с того раза, когда я загнал тачку в озеро Мид для испытания на водонепроницаемость. Беглый осмотр приборной панели показал, что все электрические схемы в машине накрылись пиздой. Ничто не работало. Даже фары — а когда я нажал на кнопку кондиционера, под капотом что-то неприятно гроыхнуло.

Верх заклинило где-то на середине, но я решил дотянуть до аэропорта. Если это корыто сломается по дороге, я всегда могу бросить его и вызвать такси. К чертям это хлам из детройтской лавочки. Нельзя допустить, чтобы им это сошло с рук.

Когда я добрался до аэропорта, всходило солнце. Я оставил Кита на VIP-стоянке. Его принял мальчишка лет пятнадцати, но я отказался отвечать на его вопросы. Его очень расстроило общее состояние машины. «Боже мой! — восклицал он. — Как так случилось?» Он ходил кругами вокруг тачки и показывал на всевозможные вмятины, царапины и трещины.

— Я знаю, — сказал я. — Ее раскурочили к херам собачьим. В этом проклятом городе вообще нельзя ездить на кабриолетах. Самая жесть была на бульваре напротив «Сахары». Знаешь, там на углу собираются все торчки? Они там вдруг все как с цепи сорвались.

Паренек попался не слишком сообразительный. Он сразу побледнел и теперь пребывал в состоянии немого испуга.

— Не волнуйся, — сказал я. — Я застрахован.

Я показал ему договор, где мелким шрифтом было написано, что я застрахован от всех видов ущерба всего за два доллара в день.

Когда я сбежал, паренек все еще кивал. Я чувствовал себя виноватым из-за того, что впарил ему машину. Но объяснить обширные повреждения было невозможно. Машина была растерзана и убита? Груда металлолома. В обычных обстоятельствах меня бы схватили и арестовали, когда бы я попытался ее сдать ... но не в такую рань, и не с этим пареньком. В конце концов, я был «Особо важной персоной», иначе бы мне вообще не дали напрокат эту машину

Что посеешь, то и пожнешь, думал я, спеша в аэропорт. Еще было слишком рано, чтобы вести себя адекватно, так что я спрятался в кофейне с газетой «Лос-Анджелес Таймс» в руках. Где-то в коридоре автомат играл «Еще одну затяжку». Я прислушался, но мои нервные окончания потеряли всякую чувствительность. Единственной песней, которую я мог на тот момент воспринимать была "Mister Tambourine Man". Или "Memphis Blues Again"

«Ооо, мама ... неужели это конец?»

Мой самолет вылетал в восемь, а значит, мне предстояло убить два часа. Чувствуя себя отчаянно незащищенным. Я не сомневался, что меня ищут, что кольцо вокруг меня смыкается ... всего лишь вопрос времени, когда меня загонят, как бешеное животное.

Я бросил весь свой багаж в лоток. Все, кроме сумки, полной наркотиков. И «Магнума». Есть ли в этом аэропорту металлоискатели? Я прогулялся к выходу на посадку, стараясь не привлекать к себе внимания, и осмотрел территорию на предмет черных ящиков. Ни одного не увидел.

Я решил рискнуть — тупо прошмыгнуть через ворота с широкой улыбкой на лице, рассеяно бормоча про «серьезный спад на рынке скобяных изделий...»

Просто еще один коммивояжер-неудачник. Во всем виноват Никсон. Точно. Я решил, что будет выглядеть естественнее, если я найду с кем поболтать — обычный обмен репликами между пассажирами:

«Здорово, дружище! Думаешь, наверно, что я так потею? Ну так елки-палки! Газеты сегодня читал? Ты не поверишь, что эти твари придумали в этот раз!»

Сойдет. Но я не мог найти никого, с кем можно спокойно поговорить. Весь аэропорт был заполнен людьми, которые выглядели так, будто готовы вцепиться бы мне в глотку при одном моем неверном движении. Меня обуяла паранойя ... я почувствовал себя как маньяк-потрошитель в бегах от Скотленд-Ярда.

Куда бы я ни повернулся, я видел Свиной ... потому что в то утро в аэропорту Вегаса было полно копов: массовый исход после кульминации съезда окружных прокуроров. Когда до меня это дошло, мне стало гораздо спокойнее за свое психическое здоровье.

ВСЕ ГОТОВО

Готов ли ты?

Готов?

Ну а что? Тяжелый день в Вегасе. Тысяча копов покидает город, ломится через аэропорт группами по три, по шесть человек. Возвращаются домой. Конференция по наркотикам закончилась. Нездоровые разговоры и тела в зале ожидания. Стаканчики с пивом и «кровавые Мэри», кое-где жертва сыпи на груди втирает мазь в подмышки под ремнями толстой кобуры. Зачем скрывать эту дрянь. Пускай проветривается ...

Да, премного благодарен ... У меня, кажется, оторвалась пуговица на брюках. Надеюсь, не спадут. Вы ведь не хотите, чтобы с меня свалились брюки?

Хуй. Не сегодня. Не посреди вегасского аэропорта тяжким потным утром в хвосте массового собрания по Наркотикам и Психотропным препаратам.

«Когда придет поезд на вокзал ... я посмотрел в ее глаза ...»

Мрачная музыка. *«Легко ль сказать, легко ль сказать, когда любовь твоя напрасна ...»*

Бывают дни, когда все напрасно ... полный облом с начала до конца; и тут уж лучше затаиться в укромном уголке и наблюдать. Можно немного подумать. Плукнуться на дешевый деревянный стул, отгородившись от движения, и ловко сорвать крышки с пяти-восьми бутылок «Будвайзера». Выкурить пачку «Мальборо», съесть бутерброд с арахисовым маслом и, наконец, под вечер заточить пласт хорошего мескалина ... потом выехать из дома на пляж. Выйти в прилив, в туман и побрести на онемевших от холода ногах в десяти метрах линии прибора ... пробираясь через стайки куликов-песочников ... челночников, надпочечников. . глупых мелких птичек, крабов и осьминогов, и кое-где поодаль за дюнами и вынесенной на берег древесиной ковыляет в одиночестве большой извращенец или заросший комиссованный бродяга.

С этими тебе не придется познакомиться, разве что совсем не повезет. Но на пляже как-то проще, чем в аэропорту Лас-Вегаса знойным суетливым утром.

Я чувствовал себя очень заметным. Амфетаминовый психоз? Параноидальная шизофрения — что это? Мой аргентинский багаж? Эта кривая размашистая походка, из-за которой меня не взяли в Центр подготовки офицеров запаса ВМС?

Точно. *Капитан, этот человек никогда не сможет ходить прямо. Потому что одна нога длиннее другой ...* Не намного. Примерно на три восьмых дюйма, то есть на две восьмых больше, чем готов бы допустить Капитан.

Так что мы расстались. Он принял командование в Южно-Китайском Море, я стал Доктором Журналистики ... и много лет спустя, убивая время этим мерзким утром в аэропорту Лас-Вегаса, я взял газету и увидел, что Капитану пришел пиздец:

Капитан корабля зарезан туземцами после «случайного» нападения на Гуаме

(АОП) — *На борту корабля ВМС США: «Крейзи хорс»: Тихий океан (25 сент.)* — Сегодня весь экипаж этого новейшего американского авианосца численностью 3485 человек пребывает в яростном трауре, потому что пять членов экипажа, в том числе Капитан, были порезаны как ананасы на кубики в драке с героиновой полицией в нейтральном порту Гон-Си. На рассвете капеллан корабля Доктор Бло, провел на палубе напряженную погребальную службу. Хор 4-ого Флота исполнил «Блюз мальчика-с-пальчика» ... а потом, когда неистово зазвонили корабельные колокола, останки пятерых поджег в бутылочной тыкве и бросил в Тихий океан офицер в балахоне, известный лишь как «Коммандер».

Вскоре после окончания службы члены экипажа затеяли междуособную драку, и всякая связь с кораблем была прервана на неопределенный срок. Официальный представитель штаба 4-ого флота на Гуаме заявил, что ВМС никак не может прокомментировать ситуацию прежде, чем станут известны итоги расследования, проводимого группой гражданских специалистов под руководством бывшего окружного прокурора из Нового Орлеана Джеймса Гаррисона.

... Зачем нужны эти газеты, если им больше нечего предложить? Агню был прав. Пресса — сборище пидоров-садивов. Журналистика — не профессия и не ремесло. Это дешевая ловушка для мудаков и неудачников, фальшивая дверь на задворки жизни, грязный засанный закоулок, заколоченный санитарным инспектором, но достаточно просторный, чтобы вставший с тротуара алкаш мог зайти и подрочить, как шимпанзе в зоопарке.

14. Прощай Лас-Вегас ... "Благослови вас Господь, свиньи!"

Пока я прятался по углам в аэропорту, то заметил, что на мне до сих пор висит полицейский значок. Плоский оранжевый прямоугольник с надписью: «Рауль Дюк, следователь по особым делам, Лос-Анджелес». Я увидел его в зеркале над писсуаром.

Сорвать и выкинуть. Конференция кончилась ... и она ничего не дала. Не мне, по крайней мере, и не моему адвокату — у него тоже был значок — но он был дома в Малибу, лечил свои параноидальные болячки.

Пустая трата времени, тупой проеб, дешевый предлог, придуманный — теперь это совершенно ясно — только для того, чтобы тысяча копов могла съездить на несколько дней в Лас-Вегасе за счет налогоплательщиков. Никто ничего не узнал — по крайней мере ничего нового. Кроме, пожалуй, меня ... а я узнал лишь то, что Ассоциация окружных прокуроров на десять лет отстала от жестокой правды и суровых изменчивых реалий, которые они только недавно стали называть «наркокультурой» в мерзком году Господа нашего 1971-ом.

Они до сих пор выбивают из налогоплательщиков тысячи долларов, чтобы снимать фильмы об «опасностях ЛСД», в то время когда кислота, как известно всем, кроме копов, считается «Студебекером» на рынке наркотиков, где популярность психоделиков рухнула до того, что большинство оптовых торговцев больше не продают качественную кислоту или мескалин, разве что в виде одолжения особым клиентам: в основном знатокам-любителям в возрасте за тридцать — вроде меня и моего адвоката.

Нынче большой спрос на Медленные. «Красные» и «белый» — Секонал и героин — и отстойный самосад, чем только не опрысканный — от мышьяка до лошадиных транквилизаторов. В ходу сегодня то, что «ПАЖОЩ» — все, что способно закоротить мозг и вырубить его на как можно дольше. Рынок из гетто расползся по пригородам. Кто раньше сидел на «Мепротане» теперь ширяется под кожу или в центряк ... и на каждого бывшего скоростного, обретшего покой в героине, приходится 200 детишек, пересевших на иглу прямиком с Секонала. Попробовать скорость они даже не удосужились.

Стимы теперь не в моде. Метедрин на рынке образца 1971 года так же редок, как чистая кислота или ДМТ. «Расширение сознания» ушло вместе с Линдоном Джонсоном ... а, транки, следует отметить в интересах истории, пришли с Никсоном.

Я дохромал до самолета без проблем, если не считать неприятных вибраций от других пассажиров ... но мой мозг к тому времени был выжжен настолько, что я бы не постеснялся подняться на борт голый и покрытый сочащимися шанкрами. Чтобы не пустить меня на этот самолет, потребовалась бы чрезвычайная физическая сила. Обычная усталость стала для меня настолько неактуальной, что я уже начинал привыкать к постоянной истерии. Я чувствовал, что малейшее недоразумение между мной и стюардессой вызовет у меня либо слезы, либо вспышку гнева ... и она, кажется, это почувала, потому что обращалась со мной крайне обходительно.

Когда мне захотелось еще льда для «Кровавой Мэри», она быстро их принесла ... а когда у меня кончились сигареты, дала мне пачку из собственной сумочки. Единственный раз она напряглась, когда я достал из рюкзака грейпфрут и принялся кромсать его охотничьим ножом. Я поймал ее внима-

тельный взгляд на себе и попытался изобразить улыбку. «Я никуда не езжу без грейпфрута, — сказал я. — Хороших нигде не достанешь, если ты не богач».

Она кивнула.

Я еще раз сверкнул ей гримасой-улыбкой, но почему знать, что она подумала. Вполне возможно, что она уже решила снять меня самолета в Денвере — в клетке. Я пристально посмотрел ей в глаза, но она не выдала себя.

Я спал, когда наш самолет коснулся посадочной полосы, но от встряски я мигом проснулся. Я посмотрел в окно и увидел Скалистые горы. Хули я тут делаю? Какой-то бред. Я решил как можно скорее позвонить своему адвокату. Пусть вышлет мне денег на огромного добермана-альбиноса. Денвер — это главный пункт переправки краденых доберманов, их привозят со всей страны.

Раз уж я здесь, то почему бы не взять себе злобного пса. Но сперва что-нибудь от нервов. Как только самолет приземлился, я кинулся по коридору в аптеку аэропорта и спросил у провизора пачку амиллов.

Она заерзала и закачала головой. «Нет-нет, — наконец сказала она. — Это я вам без рецепта продать не могу».

«Я знаю, — сказал я. — Но понимаете, я доктор. Мне не нужен рецепт». Она до сих пор колебалась. «Ну ... тогда вам придется показать мне какое-нибудь удостоверение», — сказала она.

«Разумеется», — я выхватил бумажник и дал ей полюбоваться на полицейский значок, пока листал в поисках своей церковной дисконтной карты, согласно которой я Доктор богословия, аттестованный священнослужитель Церкви Новой Истины.

Она внимательно ее изучила и вернула назад. В ее поведении почувствовалось уважение. Ее взгляд потеплел. Она хотела ко мне прикоснуться. «Надеюсь, вы простите меня, доктор, — сказала она с милой улыбкой. — Но нам приходится спрашивать. Сюда такие уроды заходят. Всякие опасные наркоманы. Вы не поверите».

«Не волнуйтесь, — сказал я. — Я прекрасно понимаю, но у меня больное сердце, и я надеюсь —»

«Разумеется!» — воскликнула она — и через считанные секунды вернулась с десятком ампул. Я заплатил, не став добиваться скидки для священнослужителей. Потом я вскрыл коробку и тут же на ее глазах разломил одну ампулу у себя под носом.

«Благодарите бога, что у вас молодое здоровое сердце, — сказал я. — На вашем месте я бы никогда ... ооо ... срань господня! ... что? Ах, прошу меня извинить, я чувствую приход». Я развернулся и побрел примерно в направлении бара.

«Благослови вас Господь, свиньи!» — крикнул я двум выходящим из туалета морпехам.

Они посмотрели на меня, но ничего не сказали. К тому времени я хохотал как ненормальный. Но кому какое дело? Еще один ебнутый церковник с больным сердцем. Черт возьми, меня любят в «Браун Паласе». Я еще раз хорошенько причастился амиллом, и когда я добрался до бара, сердце мое было преисполнено ликования. Я чувствовал себя как чудовищное воплощение Горацио Элджера ... Человек Движения, и настолько больной, что полностью уверен в себе.